

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2018 Том 18 № 2

**В номере: Центральная Азия: «геополитический плюрализм»
и поиск региональной идентичности**

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор <i>А.В. Шабазга</i> , доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия ir@rudn.university	Заместитель главного редактора <i>Д.А. Дегтерев</i> , кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия degterevev_da@rudn.university	Заместитель главного редактора <i>К.П. Курьев</i> , доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия kurylev_kp@rudn.university	Ответственный секретарь <i>Е.В. Журавлева</i> , кандидат исторических наук, старший преподаватель, РУДН, Россия zhuravleva_ev@rudn.university
---	---	--	---

Научные редакторы: кандидат политических наук Е.Н. Грачиков (политика), кандидат экономических наук Е.Ф. Черненко (экономика), кандидат исторических наук О.С. Чикризова (история)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитунни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Агяни Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2018—2019 гг. следующий:

№ 4 2018	Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис: коалиционные войны великих и восходящих держав	До 15 сентября 2018 г.
№ 1 2019	КНР — США: конкуренция или сотрудничество?	До 15 ноября 2018 г.
№ 2 2019	Наука о международных отношениях в странах СНГ, Азии, Африки и Лат. Америки	До 15 февраля 2019 г.
№ 3 2019	Энергетическое сотрудничество и международные транспортные проекты в развивающихся странах	До 15 мая 2019 г.
№ 4 2019	«Исламский фактор» в мировой политике	До 15 августа 2019 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка Е.П. Довголевская

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 20.06.2018. Выход в свет 29.06.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 24,65. Тираж 500 экз. Заказ № 444. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2018 VOLUME 18 No. 2

**In this issue: Central Asia: “geopolitical pluralism”
and the quest for regional identity**

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

**Professor Dr. Andrey
Shabaga**

RUDN University, Russia
ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev

RUDN University, Russia
degterev_da@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev

RUDN University, Russia
kurylev_kp@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Evgeniya Zhuravleva

RUDN University, Russia
zhuravleva_ev@rudn.university

Scientific Editors: PhD E.N. Grachikov (Politics), PhD E.F. Chernenko (Economics), PhD O.S. Chikrizova (History)

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentynovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhonovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN* for 2018—2019 will deal with the following issues:

# 4 2018	<i>Grand Strategy</i> and the Syrian crisis: coalition wars of the great and rising powers	By September, 15 2018
# 1 2019	China — USA: coo-petition (cooperation + competition)	By November, 15 2018
# 2 2019	International Studies in CIS, Asia, Africa and Latin America	By February, 15 2019
# 3 2019	International energy cooperation and transport mega-projects in developing countries	By May 15, 2019
# 4 2019	The role of Islam in world politics	By August 15, 2019

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Центральная Азия: «геополитический плюрализм» и поиск региональной идентичности

Krylov A.B. Post-Soviet States: Challenges of development (Постсоветское пространство: проблемы развития)	247
Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств	259
Базавлук С.В. Евразийство: терминологическая амбивалентность	273
Бейсебаев Р.С. Роль стран Центральной Азии в топливно-энергетическом комплексе Киргизии: состояние, проблемы и перспективы	284
Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития	292
Рустамова Л.Р. Гуманитарная деятельность ЕС в центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России ...	304

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А. Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза	315
--	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Галищева Н.В. Центральноазиатский вектор внешнеэкономической политики Пакистана: основные проблемы и перспективы	328
Ахмед Мохамед Абду Хасан. Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия	342
Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества	356

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Полищук А.И., Соболева А.С., Карими Риabi Э. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в.	368
Moshkova T.D. Russian-Israeli relations: the role of the Russian-speaking community of the State of Israel (Российско-израильские отношения: роль русскоязычного сообщества Государства Израиль)	387

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Центральноазиатские исследования в контексте теорий международных отношений. Интервью с Р.Р. Бурнашевым , профессором Казахстано-Немецкого университета (Казахстан)	400
--	-----

Central Asian Studies in UK. Interview with **Dr. Shirin Akiner**, Senior Fellow of the Cambridge Central Asia Forum (Исследования Центральной Азии в Великобритании. Интервью с доктором **Ширин Акинер**, старшим научным сотрудником Кембриджского Форума по Центральной Азии Кембриджского университета) 411

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС 415

РЕЦЕНЗИИ

Грачиков Е.Н. Рецензия на книгу: China's Initiatives: Responses to an Uncertain World. Chief Editor Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017. 454 p. 429

Чикризова О.С. Рецензия на книги: Rashid A. The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism? 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017. 278 p.; Cooley A., Heathershaw J. Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia. New Heaven, L.: Yale University Press, 2017. 290 p. 439

Курылев К.П., Смолик Н.Г., Баум В.В. Рецензия на книгу: Тихомиров А.В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.). Минск: БГУ, 2017. 208 с. 444

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

Central Asia: “geopolitical pluralism” and the quest for regional identity

- Krylov A.B.** Post-Soviet States: Challenges of development 247
- Malysheva D.B.** Post-Soviet Central Asia and Afghanistan at the intersection of the major Asian states' interests 259
- Bazavluk S.V.** Eurasianism: terminological ambivalence 273
- Beisebaev R.S.** The role of Central Asian countries in the fuel and energy complex of Kyrgyzstan: the state, problems and prospects 284
- Kazantsev A.A., Gusev L.Yu.** Reforms in Uzbekistan’s foreign policy: major achievements and development scenarios 292
- Rustamova L.R.** EU humanitarian activities in the Central Asian countries of the Post-soviet space: challenges and opportunities for Russia 304

PEACE AND SECURITY

- Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Khotivirshvili A.A.** Migration Flows from Central Asia to European Union Countries 315

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Galistcheva N.V.** The Central-Asian vector of the Pakistani foreign economic policy: problems and perspectives 328
- Ahmed Mohamed Abdu Hassan.** Energy dialogue between Russia and Saudi Arabia in 2010—2017 342
- Safonkina E.A.** Chinese 2017 BRICS Presidency: expanding cooperation horizons 356

BILATERAL RELATIONS

- Polishchuk A.I., Soboleva A.S., Karimi Riabi E.** Development of Russian-Iranian cultural relations at the beginning of the 21st century 368
- Moshkova T.D.** Russian-Israeli relations: the role of the Russian-speaking community of the State of Israel 387

SCIENTIFIC SCHOOLS

- Central Asian Studies in the framework of International Relations Theories. Interview with **R.R. Burnashev**, Professor of Kazakhstan-German University (Kazakhstan) 400

Central Asian Studies in UK. Interview with Dr. Shirin Akiner , Senior Fellow of the Cambridge Central Asia Forum	411
--	-----

INTERNATIONAL EDUCATION COOPERATION

Tsvyk G.I. Russian-Chinese humanitarian cooperation within the Shanghai Cooperation Organization	415
---	-----

REVIEWS

Grachikov E.N. Review of the book: China's Initiatives: Responses to an Uncertain World. Chief Editor Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017. 454 p.	429
---	-----

Chikrizova O.S. Review of the books: Rashid A. The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism? 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017. 278 p.; Cooley A., Heathershaw J. Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia. New Heaven, L.: Yale University Press, 2017. 290 p.	439
--	-----

Kurylev, K.P., Smolik, N.G., Baum V.V. Review of the book: Tikhomirov, A.V. (2017). Foreign Policy of the Republic of Belarus (1991—2015). Minsk: BSU	444
--	-----

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Центральная Азия: «геополитический плюрализм» и поиск региональной идентичности

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-247-258

POST-SOVIET STATES: CHALLENGES OF DEVELOPMENT

A.B. Krylov

The Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to analyze the most significant processes and trends within the former USSR area associated, primarily, with domestic economic and political problems, the results of 25 years of independent development of former Soviet republics, specifics of their political and social and economic transformation. These and other topics are considered in the context of Russia's interests and the role of Russia on the post-Soviet territory.

The author's opinion is that a typical feature of oligarchic regimes in the post-Soviet states has become a refusal to have an independent policy and a course aimed at the introduction of an external control. In this case, the sovereignty and national interests of a country are sacrificed for the interests of the transnational oligarchy. Local politicians and oligarchs act as its agents. Naturally the externally controlled countries (Georgia, Moldova and Ukraine) have found themselves far behind the other post-Soviet states.

According to the author, the most successful of the post-Soviet states have become the states with a well-developed and rigid administrative and bureaucratic vertical of authority, which was able to limit the role of the oligarchy and local criminal structures in politics. Acting in this way, the nation-oriented part of the government and business have managed to prevent the dictatorship of the transnational oligarchy, overcome the negative implications of transformational crisis and ensure internal political, social and economic strength within new state boundaries. This creates opportunities for accelerated modernization and construction of a more democratic state system.

Key words: post-Soviet states, post-Soviet elites, oligarchic regimes, bureaucratic vertical of authority, the transnational oligarchy, modernization, sovereignty, national interests, globalization

THE POST-SOVIET ELITES

The collapse of the USSR in 1991 led to a deep political, social and economic crisis in all post-Soviet states. The previous single state mechanism with all its political, economic and social institutions, the centralized planned economy, established technological chains, common education space, etc., was destroyed.

The newly established independent states declared their intention to build a democratic society and reform economy based on the market economy principles. Each of them used reforms in a special way, but in general they were being developed in one and the same

direction [Malysheva 2018: 111]. Quite soon, local elites took control over the government and major financial and economic structures. In most countries, the most profitable sectors of economy became private. Over a short period of time, all over the former Soviet Union, the political and economic elite integrated, a layer of superrich people appeared to include the government officials and their closely related businesses.

The post-Soviet elite was being shaped under the strong external influence and was largely determined by the trends which were observed globally. Russian sociologist Boris Kagarlitzky fairly emphasizes that the current “transnational bourgeoisie sees themselves not as the elite of their own countries, but as a part of a global ruling class being vitally concerned that ‘their own’ country, God forbid, has got out of the general structure and deviated from the ‘the only right course’”¹.

The history of the two world wars and of the whole 20th century has demonstrated that the communist slogans “Proletarians of the world, unite!” and “The proletarians have no fatherland!”, i.e. claiming that proletarians had united to protect their class interests regardless of their nationality, ethnic identity or religion, were very far from reality. Proletarians did not unite and fought against each other at the fronts of the two world wars. The slogan uniting people subject to classes has turned up to be much more relevant to the ideological communists’ major enemy, i.e. the part of the global elite who treat themselves not as the citizens of a particular country, but of the whole world.

The supranational elite (the oligarchy and the bureaucracy serving them) have their own vision of the future development of the world civilization, which is to become of the global nature with the role of individual states being steadily going down [Syzdykova 2013: 263]. Countries are to be succeeded by a global-size project. The current ethnic and cultural diversity will be replaced by the uniformity of a new human community with its uniform values, morals, the way of life, etc.

The ideology of globalization was based on globalism which meant the release of the economy from the power of local governments, its ability to stretch far beyond the scope of any national and governmental identity, as well as full depoliticizing of the economic operations. According to the German sociologist Ulrich Beck, the world market more and more substitutes or replaces political activity, and globalism is the ideology of world market supremacy, the ideology of neoliberalism [Beck 2001: 304, Aslund 2007: 106]. A joint research by American and Russian scientists summarizes that globalization leads to the integration of local national economies into a single world economy, blurring all kinds of lines, i.e. political, social, cultural. Cross-border flows of information, money, goods and people have become the results of the globalization. It has put economies, people and countries together closer than before and has caused a powerful shift in welfare and population from the West to the East and from the North to the South. At the same time, the globalization bears serious risks and causes instability and fragmentation [Global System on the Brink 2016: 172].

American political scientist Francis Fukuyama emphasizes the controversial nature of globalization. According to him, due to globalization, in 1997—2008, the world

¹ Kagarlitzky, B. Rebellion of the middle class. M., 2003, 40. URL: <http://profilib.com/chtenie/144450/boris-kagarlitskiy-vosstanie-srednego-klassa-6.php> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

product had grown up fourfold, hundreds of millions of people in Asia had become involved in modern production and freed from abject poverty and enormous wealth had been accumulated in the United States. But at the same time, over 1999—2011, the USA had lost from 2 to 2.4 million jobs, and multinational American corporations had accumulated more than USD 2 trillion in cash outside the country². George Soros (top 23 in the Forbes World's Billionaires list with the wealth of USD 24.9 billion)³ perfectly represents the supranational oligarchy.

In 1992, he carried out a currency transaction causing the collapse of the British pound's exchange rate. It brought to George Soros billions of profits, but turned out ruinous for the British economy and financial system, led to a political crisis and cost much for British taxpayers whose damage greatly exceeded the size of the profit gained by Soros. This example shows how destructive the financial activity of the supranational oligarchy can be for a country today.

George Soros strongly believes, today, the sovereignty of governments should be under the supervision of international institutes and economic organizations. To old-fashioned national states he offers a political alternative in the form of something similar to a global state and its supranational bodies⁴. The formation and expansion of the European Union, where the “Brussels bureaucracy” serving the interests of the supranational oligarchy more often replaces the national states, is an example of how such ideas have been turned into reality.

In the today's world, a conflict between the transnational elite on the one side, and political forces continuing to support the priority of independent states on the other side, has become acute and diverse. In the European Union the conflict leads to increased popularity of the anti-globalism movement, stimulates disintegration trends, separatism, the rise in popularity of euroscepticism, etc. In the USA, in many ways, it had defined the course of the 2016 presidential campaign.

As British professor Richard Sakwa from the University of Kent fairly indicates, the current west-based globalization model is being replaced by regional blocks focused on the introduction of a more pluralistic world system. This system is to include the “Expanded West” (the USA plus their allies) and “Big Eurasia” led by Russia and China [Sakwa 2016: 52—68].

Globalization turned out to cause many problems to the USA and other developed countries. However, it ended up with the transformation of the American industrial “iron belt” into a “rusty belt” of idling plants and disappearing cities⁵. One of the main reasons

² Fukuyama, F. American Political Decay or Renewal? *Foreign Affairs*. 2016. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Politicheskii-zakat-ili-obnovlenie-Ameriki-18342> (accessed: 03.01.2018).

³ Forbes: George Soros has earned on Brexit. 27.06.2016. URL: <http://www.forbes.ru/news/323673-dzhordzh-soros-zarabotal-na-fone-brexit> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

⁴ Egorov, V. The open world philosophy. The open world concept developed by George Soros. Voronezh, 2002, 320. URL: http://society.polbu.ru/egorov_openworldphilo/ch70_all.html (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

⁵ American style depression: How industrial cities parish in the USA. 15 December, 2015. URL: <https://ruposters.ru/news/15-12-2015/depression> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

for the deindustrialization was moving productions to the Asian countries with cheap labor and the lowest environmental restrictions. The shift contributed to the extensive economic development, reduction in production costs and gaining excess profits, but led to the degradation of the environment and posing a real threat to the existence of humans themselves [Wooden, Stefes 2009: 132].

International free trade agreements served the interests of the transnational elite, but they contradicted the interests of the American and European industries because of the more and more increasing competition coming from China and other developing Asian countries. As a result, the globalism policy pursued by transnational elite was more and more incompatible with the interests of existing countries (including the United States and EU) and led to political instability, aggravation of social and economic problems and newly emerging crises in the international arena.

Having gained natural resources, former state-owned enterprises, infrastructure, power generation facilities, etc. in their possession, many newly established oligarchs started treating themselves as a part of the transnational elite, taking steps to withdraw their capital and businesses from a national jurisdiction and officially register their international status (a draft exchange of shares between the Russian companies YUKOS and Sibneft and Chevron-TEXACO American oil company, etc.).

A new post-Soviet elite was being formed in the environment of rapid social polarization of the society, a sharp drop in the standard of living of the vast majority of the population and decline of the industrial and agricultural production. In the environment of the intensive monopolization of economic and political life of a small layer of the post-Soviet elite, small and medium-sized businesses were mainly focused not on their growth but survival under difficult and sometimes extremely unfavorable conditions of bureaucratic, corruption and criminal dictate [Jones 2002: 121].

At the early stage of a new history of independent post-Soviet states, their elite clearly demonstrated such human vices as greed, swagger and social arrogance with blatant contempt for the majority of their impoverished compatriots [Collins 2006: 257; Everett-Heath 2003: 81]. New owners of enterprises in their majority sought to earn the maximum profit in all ways. At the same time, they invested nothing into the production and infrastructure that they then owned. It often came down to a mere sale of the former state-owned and “acquired” property, i.e. speculative operations with real estate, land, pipelines, equipment of mines, machines for scrap, etc. Such methods of managing resembled a robbery of the won country by wild barbarians.

A painful formation of the new post-Soviet states, with all its typical ugly peculiarities, was estimated by some experts as historically natural phenomenon. So, according to American political scientist Nikolai Zlobin, in the post-Soviet states, “we deal with the countries which have just appeared and which, by definition, can’t have any national elite capable to identify national interests. These elites have become the elites not due to any political selection, but largely by accident. Therefore, they can’t realize the national interests of their countries. In most cases, they are former Communist Party and Komsomol officials, as a rule, of the second and third echelons who have managed to

use the situation and easily change their beliefs. They are often former business criminals who have been legalized. And sometimes they are people with a criminal past”⁶.

This assessment seems to be fair in relation to the post-Soviet states with the government being represented by surrogates and lobbyists of the interests of the world oligarchy who have actually refused any national sovereignty. In the other cases, the situation is not so clear, although the prospect of joining the transnational elite continues to be attractive to the local oligarchs.

The political elite of most post-Soviet states showed no willingness to renounce their authority for the sake of the ideals of globalism [Spechler 2008: 67]. So, they had to take into account the public mood more than in the countries actually kept under external control. Such an independent course was possible due to a support from the part of the conservative majority of the society and the part of the government and business, which was not ready yet to accept the ideology of subnational globalism and refrain from traditional values and the vision of the world.

Despite the peculiarities of its formation (a rapid process of “absorbing” the former state ownership, natural resources, etc.) the current post-Soviet elite is not anything unique in their human and moral qualities. The society has always been critical towards the elite. The words by Russian writer Ivan Turgenev about the elite consisting of people “of the highest rank and therefore of the lowest quality”⁷ sound very typical. It should be mentioned that Nikolai Zlobin emphasizes that the political elite of other countries, including western countries, are also of low morals⁸.

American political scientist Francis Fukuyama indicates negative for the US implications of the increasing social polarization, “America is suffering from political rotting... The income gap between the elites and the rest of the society had been growing over the past two generations. But only now it has become the core line of the national policy. In recent years, it has become much more difficult to deny that the income of the majority of Americans has not increased, while the elite have been living better than ever. Disparity in the American society is growing. Some of the facts, for example, say that a disproportionately huge share of the national wealth found in the pockets of 1% of the rich, more precisely, in the pockets of 0.1% of the American population, are becoming more and more undeniable. A new thing about this political cycle is that the focus of people has begun to shift from the excess wealth of the oligarchy to the limited circumstances of the others”⁹.

⁶ Zlobin, N. The post-Soviet elites, by definition, cannot realize the national interests of their states. 25.09.2008. URL: <http://www.regnum.ru/news/1060174.html> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

⁷ Turgenev, I.S. Letters 1862—1864. M., 1988, 640. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0900.shtml (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

⁸ Zlobin, N. The post-Soviet elites, by definition, cannot realize the national interests of their states. 25.09.2008. URL: <http://www.regnum.ru/news/1060174.html> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

⁹ Fukuyama, F. American Political Decay or Renewal? *Foreign Affairs*. 2016. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Politicheskii-zakat-ili-obnovlenie-Ameriki-18342> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

OLIGARCHIC DICTATE OR AUTHORITARIANISM?

It would be unfair to excessively idealize the other social groups of the society and be critical to the political elite. However, unlike their “ordinary citizens” with all their human frailties, the elite plays a fundamentally different role in the society. Therefore, their imperfections and vices have a particularly devastating effect on a state and society and that could be fully observed in the former Soviet Union.

In contrast to the Baltic States, the ruling elites of Georgia, Moldova and Ukraine, in exchange for the actual refusal to have an independent policy, did not manage arranging the membership for their countries in the EU and NATO. Funds, received as financial aid, as well as former state-owned property located in these countries, had been successfully “privatized” by the tops of the political elite and relevant oligarchs. It was quite natural that these countries were lagging behind the other post-Soviet states in their development. The prospects for their further existence on the global map remain very vague. The “Laggards” group also included the countries that had retained a much greater degree of independence in their actions. And here, the local elites, with their general and specific national features, had played their own role.

In a number of the former Soviet states numerous inconsistencies led to government coups and “color revolutions”. The change of ruling leaders and clans did not affect much the applied government model, did not tackle any problems of the community and only used to worsen the situation. The most vivid example in this regard was the Ukrainian Maidan of 2014, which caused the civil war and actually triggered the collapse of statehood.

Kazakhstan scientist Konstantin Syroyezhkin indicates the vulnerability of authoritarian power models in the post-Soviet states, “everything is based on the individual authority of one person, i.e. the president of a country, and therefore if this authority staggers, then political processes will become not only irreversible, but unpredictable. The main danger is in the weakness (to put it more precisely — in incapacity) of the existing political institutions. Today, the presidential vertical, which is being maintained due to the authority of Nursultan Nazarbayev, seems to be viable but not to the fullest. In this respect, if Nursultan Nazarbayev resigns from his post of the head of state, there can be a situation when, in Kazakhstan, there would be no capable political institute to act as a buffer or airbag. And in such circumstances, as we could see in Kyrgyzstan, political struggle can go far beyond the law, into the sphere of new shadow games and violence” [Syroyezhkin 2013: 140—167].

Konstantin Syroyezhkin calls the Kazakhstan ruling regime a “clan and oligarchic system of power”. The Armenian experts give a similar definition for Armenia, i.e. an “oligarchic system of political power” (A. Iskandaryan) [Iskandaryan 2011: 19—28] or a “criminal and oligarchic model of power” (N. Akopyan)¹⁰. Russian experts Yuliy Nisnevich and Andrey Ryabov refer most of the former Soviet states (with the exception of the Baltic States, Georgia, Moldova and Ukraine) to “neoauthoritarian regimes”. Unlike typical authoritarian dictatorships, such regimes are more flexible and often

¹⁰ Akopyan, N. The end of the era of criminal? 19 October 2016. URL: <http://russia-armenia.info/node/32436> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

position themselves as supporters of the universal values of human rights and claim that their policies are guided by the generally accepted democratic standards [Nisnevich, Ryabov 2016: 162—181].

Actually, all post-Soviet states (both “neoauthoritative” states and states under external control) have all necessary attributes of western democracy: the Parliament, political parties, public, non-governmental and human rights organizations, universal suffrage, declared commitment to the principle of separation of powers, etc. At the same time, all of these are of decorative nature and have little effect on the real operating mechanism of authorities and everyday life of people.

A higher standard of living in most federal republics had been a special feature of the Soviet period over the last decades, if compared to RSFSR (Russian Soviet Federated Socialist Republic). It was due to the policy followed by allied authorities aimed at accelerating the development of the underdeveloped national outskirts. At the same time, despite certain distinctions observed, indicators of federal republics remained quite comparable in terms of key rates. Over 25 years, in the former Soviet Union, not only a rapid social stratification had occurred in certain states, but the states themselves had been divided into successful and increasingly lagging in terms of their social and economic development.

It is well known that the official statistics of the post-Soviet states has a low degree of reliability (often deliberately misstated for political purposes). In this respect, the assessments done by Global Finance Magazine (USA) based on the data of the World Bank and International Monetary Fund are of special interest. In 2016, the magazine published the ranking of 185 countries where the former Soviet republics were placed by their GDP (when calculating the PPP) per capita at purchasing power parity (in US dollars) as at 2015 as follows:

1. Kazakhstan — 25.367,27
2. Russia — 25.350,86
3. Azerbaijan — 18.913,51
4. Belarus — 18.882,48
5. Turkmenistan — 15.837,26
6. Ukraine — 8.493,56
7. Georgia — 8.222,77
8. Armenia — 7.748,05
9. Uzbekistan — 5.963,77
10. Moldova — 5.091,05
11. Kyrgyzstan — 3.581,33
12. Tajikistan — 2.830,14¹¹.

The data provided by Global Finance Magazine demonstrate that, as a result of the 25-year period of the post-Soviet development, a group of the most successful states

¹¹ Gregson, J. The Richest Countries in the World. 2015 Rankings are based on the GDP (PPP) of a country, which compares the generalized differences in the cost of living and standards between countries. 2017. URL: <https://www.gfmag.com/global-data/economic-data/richest-countries-in-the-world?page=12> (accessed: 03.01.2018).

with the GDP level (when calculating PPS) of USD 15.8—25.4 thousand per capita (Kazakhstan, Russia, Azerbaijan, Belarus and Turkmenistan) was created. The other states, in terms of their social and economic indicators were lagging behind [Dillinger 2007: 16]. It is quite natural that the most successful states included all the regions with oil and gas resources. However, the group also included the Republic of Belarus possessing none of these reserves but having the largest numbers in national export, i.e. oil products, due to Russian oil supplies at low prices¹².

The start position of the Ukraine was more favorable than of Belarus. However, over the years following the collapse of the USSR, the country “has lost a considerable part of its strong economic and scientific and technical potential inherited from the USSR, rolled far back in terms of the economic development, staying seriously behind the neighbors both in the West, and in the East” [Shurubovich 2013: 24—37].

The crucial role in placing the former Soviet states in such different conditions after 25 years of the collapse of the USSR was played by the domestic and foreign policies of local elites [Jones Luong 2002: 201]. The elites had been formed in extremely short period of time in terms of history as a result of the privatization during which the former state-owned property was transferred into the private ownership. The leadership of RSFSR had initiated a course on privatization and transition to private ownership even before the collapse of the USSR. On 3 July 1991, the Law of RSFSR “On privatization of state-owned and municipal enterprises in RSFSR” was passed¹³. Subject to the Law, the privatization of the state property shall be organized by the State Committee of the Russian Federation for State Property Management. On 12 June 1990, at the First Congress of People’s Deputies of RSFSR, the Declaration of State Sovereignty was passed. On 24 December 1990, by the Law of RSFSR “On ownership in the RSFSR” the private ownership was declared legal; the concept of privatization was defined as transfer of state or municipal property to private ownership¹⁴. In November 1991, Anatoly Chubais was appointed the Chairman of the RSFSR State Property Committee, and the stage of “accelerated” privatization had begun.

Within several years, the major part of the Russian national wealth had been transferred into the ownership of a small group of people. In the course of privatization, on the basis of the former state owned entities and ministries, new commercial structures, serving the interests of high-ranking officials and related individuals including criminals, had been founded. The political strength of the group of oligarchs was growing as their wealth was expanding. In Russia, the period of domination of oligarchs was called “semibankirshchina” by analogy with the period of the Time of Troubles of the early 17th century, the tragic times in the history of the country, with “semiboyarshchina” which had become a symbol of national treason.

¹² Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC). Trade statistics for international business development. Monthly, quarterly and yearly trade data. Import & export values, volumes, growth rates, market shares, etc. 2016. URL: http://www.trademap.org/countrymap/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1|112|||TOTAL||2|1|1|2|2|1|1|1|1 (accessed: 03.01.2018).

¹³ Law of the RSFSR “On privatization of state and municipal enterprises in RSFSR” of 03.07.1991. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9039684> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

¹⁴ Law of RSFSR “On ownership in the RSFSR” of 24 December 1990. URL: <http://base.garant.ru/10105310/> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

The development of Russia under the scenario of oligarchical dictatorship with potential disintegration of the country was interrupted by the early resignation of Boris Yeltsin of 31 December 31 1999. After Vladimir Putin, a new president, had taken the power, the period of oligarchs' domination in the political sphere ended. The change soon gave a positive effect on the living standards of people. According to the Swiss *Le Temps*, in Russia today, oligarchs have become “extremely invisible” as, having just come to the power, Vladimir Putin decided to considerably change the rules of the game offering them to leave the politics. If new rules had been accepted the economic status of the oligarchs who had built their monopolies through the privatization of former government ownership would have remained inviolable and they “were allowed to continue enrichment at breakneck pace”¹⁵.

The continuing monopolization of markets by government related oligarchical groups hinder the formation of a market economy, development of small and medium-sized businesses, causes the increase of shadow economy operations, reduces competitive power and has many other negative implications. In the former Soviet states, where oligarchs still maintain their dominant positions not only in the economy but also in politics, their impact on community becomes especially destructive and turns into a real threat to the security and state sovereignty.

In 2014, Vladimir Putin noted that in the today's world, for most of the countries, “the concept of “national sovereignty” has become a relative value. Actually, the following formula was offered: The stronger the loyalty to the single center of influence in the world is, the higher the legitimacy of this or that ruling regime”¹⁶. Indeed, a typical feature of oligarchic regimes in the former Soviet states has become refusal to have an independent policy and a course on the introduction of an external control. In this case, the sovereignty and national interests of a country are sacrificed for the interests of the transnational oligarchy. Local politicians and oligarchs function as its agents. It looks very natural that externally controlled countries (Georgia, Moldova and Ukraine) have been found far behind the other former Soviet states.

The most successful of the post-Soviet states have become the states with a well-developed and rigid administrative and bureaucratic vertical of authority, which was able to limit the role of the oligarchy and local criminal structures in politics [Krylov, Areshev 2014: 26; Malysheva 2004: 91]. Acting like this, the nation-oriented part of the government and business has managed to prevent the dictatorship of the transnational oligarchy, overcome the negative implications of transformational crisis and ensure internal political, social and economic strength within new state boundaries. This creates opportunities for accelerated modernization and construction of a more democratic state system.

¹⁵ Grinshpan, E. New Russian oligarchs are less seen. «Le Temps». 28.03.2013. URL: <http://www.inopressa.ru/article/28Mar2013/letemps/oligarchs.html> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

¹⁶ Putin, V.V. World Order: New Rules or No Rules? 24.10.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (accessed: 03.01.2018). (In Russ.).

REFERENCES

- Aslund, A. (2007). *How Capitalism Was Built: The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, and Central Asia*. Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790416>.
- Beck, U. (2001). *What is globalization? The errors of globalism — Answers to globalizations*. Translation from German. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.).
- Collins, K. (2006). *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
- Dillinger, W. (2007). *Poverty and Regional Development in Eastern Europe and Central Asia*. World Bank Working Paper No. 118. Washington, DC: World Bank.
- Everett-Heath, T. (2003). *Central Asia: Aspects of Transition*. London and New York: Routledge Curzon.
- Barrows, M. & Dynkin, A. (Eds.) (2016). *Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal. IMEMO RAS and The Atlantic Council (USA)*. Moscow: Magistr.
- Iskandaryan, A. (2011). Armenia between autocracy and polyarchy. *Pro et Contra*, May-August, 19—28. (In Russ.).
- Jones Luong, P. (2002). *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. New York: Cambridge University Press.
- Jonson, L. (2006). *Tajikistan in the New Central Asia: Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam (International Library of Central Asia Studies)*. New York: I.B. Tauris.
- Krylov, A.B., Areshev, A.G. (2014). Eurasian Integration: Problems and Potential for Development. *Russia and the New States of Eurasia*, 4 (25), 23—33. (In Russ.).
- Malysheva, D.B. (2018). Conflict Resolution on the post-Soviet territories and beyond. *World Economy and International Relations*, 2 (62), 111—114. (In Russ.).
- Malysheva, D.B. (2004). Democratization of the post-Soviet East: Models and Realities. *World Economy and International Relations*, 6, 85—95. (In Russ.).
- Nisnevich, Yu.A. & Ryabov, A.V. (2016). Modern authoritarianism and political ideology. *Polis. Political Research*, 4, 162—181. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13. (In Russ.).
- Sakwa, R. (2016). The global crisis: Russia looking for a way out from the dead end. *Polis. Political Research*, 6, 52—68. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.05. (In Russ.).
- Shurubovich, A. (2013). The Ukrainian economy going through modernization. *Russia and new countries in Eurasia*, 3, 24—37. (In Russ.).
- Spechler, M.C. (2008). *The Political Economy of Reform in Central Asia: Uzbekistan under Authoritarianism*. New York: Routledge.
- Syroezhkin, K.L. (2013). The specific features of the state formation in Central Asia (based on Kazakhstan and Kyrgyzstan). *Transformation and conflicts in Central Asia and the Caucasus*, 140—167. (In Russ.).
- Syzdykova, Zh.S. (2013). Russia's Geopolitical Interests in Central Asia. *Theory and Practice of Social Development*, 8, 263—265. (In Russ.).
- Wooden, A.E., Stefes, C.H. (2009). *The Politics of Transition in Central Asia and the Caucasus: Enduring Legacies and Emerging Challenges (Central Asian Studies)*. Routledge.
- Years that have changed the Central Asia*. (2009). Moscow: Centre of Strategic and Political Research, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Received: 10.1.2018

For citations: Krylov, A.B. (2018). Post-Soviet States: Challenges of development. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 247—258. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-247-258.

About the author: *Krylov Alexander Borisovich* — Doctor of History, Head of Center for post-Soviet studies of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, President of the Scholarly Society of Caucasus Studies (e-mail: abkrylov@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-247-258

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

А.Б. Крылов

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Целью статьи является анализ наиболее значимых процессов и тенденций на территории бывшего СССР, связанных преимущественно с внутриэкономическими и внутриполитическими проблемами, итогов 25-летнего периода независимого развития постсоветских государств, особенностей их политической и социально-экономической трансформации. Эти и другие темы рассматриваются в контексте интересов России и ее роли на постсоветском пространстве.

По мнению автора, характерной особенностью олигархических режимов в постсоветских государствах стал отказ от самостоятельной политики и курс на введение внешнего управления, когда суверенитет и национальные интересы государств приносятся в жертву интересам транснациональной олигархии, а также выступающих ее агентами местных политиков и олигархов. Закономерно, что государства под внешним управлением (Грузия, Молдова, Украина) оказались на постсоветском пространстве в числе отстающих.

По мнению автора, наиболее успешными из постсоветских государств стали те, где была выстроена жесткая административно-бюрократическая вертикаль власти, сумевшая ограничить роль олигархии и местных криминальных структур в политической жизни. Таким путем национально ориентированная часть бюрократии и бизнеса сумела предотвратить установление диктата транснациональной олигархии, преодолеть основные негативные последствия трансформационного кризиса, обеспечить внутриполитическую и социально-экономическую стабильность в новых государственных границах. Это создает необходимые предпосылки для решения задачи ускоренной модернизации и строительства более демократического государственного устройства.

Ключевые слова: постсоветские государства, постсоветские элиты, олигархические режимы, бюрократическая вертикаль власти, транснациональная олигархия, модернизация, суверенитет, национальные интересы, глобализация

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализации / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Годы, которые изменили Центральную Азию. М.: Центр стратегических и политических исследований, Институт востоковедения РАН, 2009.
- Искандарян А.* Армения между автократией и полиархией // Pro et Contra. Май-август 2011. С. 19—28.
- Крылов А.Б., Арешев А.Г.* Евразийская интеграция: проблемы и потенциал развития // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4 (25). С. 23—33.
- Мальшиева Д.Б.* Демократизация постсоветского Востока: модели и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 6. С. 85—95.

- Мальшева Д.Б.* Решение конфликтов на постсоветском пространстве и за его пределами // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 2. С. 111—114.
- Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* Современный авторитаризм и политическая идеология // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 162—181. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13.
- Саква Р.* Кризис мирового порядка: Россия в поисках выхода из тупика // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 6. С. 52—68. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.05.
- Сыздыкова Ж.С.* Геополитические интересы России в Центральной Азии // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 8. С. 263—265.
- Сыроежкин К.Л.* Особенности государственного строительства в странах ЦА (на примере Казахстана и Кыргызстана) // *Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе*. М., 2013. С. 140—167.
- Шурубович А.* Экономика Украины на пути модернизации // *Россия и новые государства Евразии*. 2013. № 3. С. 24—37.
- Aslund A.* *How Capitalism Was Built: The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, and Central Asia*. Cambridge University Press, 2007. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790416>.
- Collins K.* *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
- Dillinger W.* *Poverty and Regional Development in Eastern Europe and Central Asia*. World Bank Working Paper No. 118. Washington, DC: World Bank, 2007.
- Everett-Heath T.* *Central Asia: Aspects of Transition*. London and New York: Routledge Curzon, 2003.
- Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal*. IMEMO RAS and The Atlantic Council (USA) / ed. by *M. Barrows, A. Dynkin*. М.: Magistr, 2016.
- Jones Luong P.* *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. New York: Cambridge University Press, 2002.
- Jonson L.* *Tajikistan in the New Central Asia: Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam (International Library of Central Asia Studies)*. New York: I.B. Tauris, 2006.
- Spechler M.C.* *The Political Economy of Reform in Central Asia: Uzbekistan under Authoritarianism*. New York: Routledge, 2008.
- Wooden A.E., Stefes C.H.* *The Politics of Transition in Central Asia and the Caucasus: Enduring Legacies and Emerging Challenges (Central Asian Studies)*. Routledge, 2009.

Дата поступления статьи: 10.1.2018

Для цитирования: *Krylov A.B.* Post-Soviet States: Challenges of development // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 247—258. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-247-258.

Сведения об авторе: *Крылов Александр Борисович* — доктор исторических наук, руководитель Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, президент Научного общества кавказоведов (e-mail: abkrylov@mail.ru).

© Krylov A.B., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И АФГАНИСТАН КАК СФЕРА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КРУПНЫХ АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Д.Б. Малышева

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

В статье дается оценка сложившейся в Афганистане обстановки, выявляются исходящие из этой конфликтной зоны вызовы и риски, воздействующие на сферу безопасности пяти государств постсоветской Центральной Азии (ЦА) и их азиатских соседей. Уделено внимание росту нарко-трафика и террористической угрозы из Афганистана, исходящей от «Исламского государства» (ИГ, запрещенная в РФ террористическая группировка). Рассмотрены дипломатические инициативы России, Китая, других государств по достижению национального примирения в Афганистане.

С учетом соперничества в рамках треугольника Китай — Индия — Пакистан анализируются затрагивающие интересы ЦА военно-политические и экономические проекты («Один пояс, один путь», «Китайско-пакистанский экономический коридор»), являющиеся альтернативами иницируемой Россией в ЦА интеграции в сфере экономики (Евразийский экономический союз — ЕАЭС) и безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности — ОДКБ). В связи с недавними изменениями в азиатской стратегии США выявлены особенности взаимодействия Индии и Пакистана с постсоветскими государствами Центральной Азии и с Афганистаном. Хронологически статья охватывает период с 2014 г., когда начался частичный вывод из Афганистана американского воинского контингента, и до начала 2018 г. — складывания в Центрально-Азиатском регионе новой геополитической реальности.

Ключевые слова: постсоветская Центральная Азия, Афганистан, Китай, региональная безопасность, «Один пояс, один путь», «Китайско-пакистанский экономический коридор»

Со времени обретения независимости государства постсоветской Центральной Азии (ЦА) в рамках своей многовекторной политики традиционно ориентировались на различные внешние силы. В этот динамичный геополитический процесс вовлечен, наряду с Китаем, ряд крупных развивающихся государств, стремящихся оказывать влияние на экономическое и политическое развитие всего Азиатского региона в выгодном для себя направлении [Global “Perestroika” 2015]. Разноплановый характер взаимодействия стран ЦА со своими азиатскими соседями обусловлен различающимися внешнеполитическими приоритетами каждого из них, неодинаковым восприятием ими стратегий и тактик внешних игроков. На этом фоне нескончаемый международный кризис в афгано-пакистанской конфликтной зоне рождает серьезные вызовы стабильности постсоветской ЦА и региональной безопасности в целом.

Целью статьи является выявление специфики международно-политического взаимодействия Афганистана, постсоветских центральноазиатских республик и их

азиатских соседей в условиях непрекращающегося кризиса в афгано-пакистанской конфликтной зоне. Исходя из этой цели, автор ставит следующие задачи: выявить вызовы и угрозы, возникающие вследствие превращения афгано-пакистанской конфликтной зоны в региональную проблему; дать оценку дипломатическим усилиям России и ее партнеров по политическому урегулированию конфликта в охваченном глубоким кризисом Южно-Азиатском регионе; проанализировать значение китайского интеграционного проекта для смягчения напряженности в этом регионе, а также для развития постсоветской ЦА; определить место ЦА в контексте конкурентного соперничества в регионе КНР, Пакистана, Индии.

Хронологические рамки исследования охватывают новейший период: с 2014 г. — частичного вывода из Афганистана американского воинского контингента и до начала 2018 г., когда стали проявляться черты новой геополитической реальности в Центральной и Южной Азии.

Важным подспорьем для осмысления поднятых в статье проблем стали *востоковедные и политологические исследования российских и зарубежных ученых*. Особое место среди них занимают труды В.Я. Белокреницкого, Р.Р. Сикоева, С.Г. Лузянина, А. Рашида, Т. Фэллона, А.А. Умарова и др., посвященные истории и особенностям становления таких ключевых государств Южной Азии, как Пакистан, Индия, Афганистан, Китай, рассмотренные в контексте глобального и регионального видения проблемы эволюции стран Востока [Белокреницкий, Сикоев 2014; Лузянин 2016; Rashid 2010; Rashid 2012; Умаров 2017; Fallon 2015; Вызовы безопасности... 2013] Выбор именно этих источников и научной литературы обосновывается содержащейся в них разносторонней фактологической и теоретической базой, необходимой при анализе процессов взаимодействия крупных азиатских государств с Афганистаном и республиками ЦА.

В *методологическом плане* автор использовал в основном инструментарий политической науки, опираясь также на принцип историзма, структурный подход, системный подход, некоторые аналитические методики.

АФГАНО-ПАКИСТАНСКАЯ КОНФЛИКТНАЯ ЗОНА КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Крупная международная операция, начатая 7 октября 2001 г. в Афганистане силами ряда стран во главе с США в ответ на совершенный боевиками «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. террористический акт, привела к свержению режима талибов, после чего местные радикально-исламистские силы переместили центры своего влияния в соседний Пакистан, и эта страна (точнее ее пуштунский ареал) превратилась со временем в их опорную базу. С контролируемых талибскими военизированными структурами (Кветтская шура, а также Пешаварская и Мирам-шахская шура) пуштунских районов Пакистана боевики совершали нападения на Афганистан, осуществляли там акты диверсии и террора. Сформировавшаяся в 2010—2013 гг. «единая афгано-пакистанская зона джихадистов» [Белокреницкий, Сикоев 2014: 180] дестабилизировала ситуацию в сфере безопасности в Азиатском регионе, обострила вопрос его будущего, побудив администрацию Барака Обамы объединить подходы к Афганистану и Пакистану в одну региональную

стратегию («АфПак»)¹. Однако ни эта стратегия, ни убийство в Пакистане 2 мая 2011 г. американским спецназом лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, ни направленные против талибов и исламистских боевиков многочисленные военные операции, проведенные США и Международными силами содействия безопасности (МССБ) в афгано-пакистанской конфликтной зоне, не пресекли активности «Талибана» и его союзников.

Мало что изменил в ходе конфликта и частичный вывод из Афганистана в 2014 г. американского воинского контингента и Международных сил содействия безопасности (МССБ) [Морозов 2016: 217—221]. Некоторые районы в провинциях Афганистана (Гильменд, Урузган, Нангархар и др.) по-прежнему напрямую контролировались антиправительственными боевиками; проблемы с обеспечением безопасности остались и у Пакистана, где в отдельных провинциях (например, Белуджистан) нередко были столкновения между правительственными войсками и местными племенами, связанными с талибами и другими экстремистскими группами [Azami 2016: 134].

В наши дни внешний фактор (присутствие в стране иностранных войск) только усугубляет взрывоопасный потенциал кризиса и не гарантирует создание в Афганистане жизнеспособного государства. США так и не выполнили своего обещания вывести войска, и вот уже администрация Дональда Трампа, ссылаясь на угрозу ИГ, заявила в 2017 г. о сохранении в Афганистане на неопределенный срок американского воинского контингента. Его численность, как и временные рамки пребывания американских сил, определить будет сложнее после представления Д. Трампом 21 августа 2017 г. новой доктрины «Стратегия в Афганистане и Южной Азии», согласно которой общественности не будут оглашаться конкретные данные по количеству американских военнослужащих — участников зарубежных операций, объявляться даты начала или завершения таких операций².

Результатом боестолкновений, в том числе и с участием обосновавшихся в Афганистане оккупационных войск США и их союзников, стал рост жертв среди гражданского населения — около 11 400 убитых и раненых в 2016 г. и 5243 в первом полугодии 2017 г., при том что две трети пострадавших составили женщины и дети [Afghanistan... 2017: 17]. Афганистан занял 7-е место в мире по числу внутренне перемещенных лиц: их было 160 тыс. человек только в первой половине 2017 г. [Afghanistan 2017: 17]. Из этой категории афганских граждан 81% испытывал, по данным ООН, серьезную нехватку продовольствия; 26% лишены доступа к питьевой воде и у 24% не было жилья [Humanitarian... 2017: 4].

По-прежнему не решается ситуация с ростом производства наркотиков и наркотрафика в Афганистане [Мальшева 2017: 15]. По оценке спецпредставителя

¹ A New Strategy for Afghanistan and Pakistan, March 27th, 2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/09/03/27/A-New-Strategy-for-Afghanistan-and-Pakistan> (accessed: 31.03.2010).

² Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. Fort Myer Arlington, Virginia. The White House, August 21, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/08/21/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-and-south-asia> (accessed: 21.08.2017).

президента Российской Федерации по Афганистану и директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова, в 2017 г. площадь посевов опийного мака в Афганистане увеличилась по сравнению с 2016 г. более чем на 60%, а производство опия — почти на 90%, «побив все мыслимые рекорды»³. Эксперты ООН [Afghanistan Opium... 2016] связывают это с увеличением территории, контролируемой движением «Талибан», для которого наркоторговля является одним из важнейших источников дохода.

Что касается политических перспектив этого движения, не представляющего собой на практике единого целого, то здесь просматривается несколько возможных сценариев: 1) уход «Талибана» с политической сцены по мере укрепления позиций действующей в Афганистане власти; 2) приход талибов к власти и установление в стране режима, сходного с тем, что попыталась выстроить на территории Ирака и Сирии террористическая группировка «Исламское государство»; 3) фрагментация Афганистана и Пакистана вследствие образования талибских анклавов власти («исламистских княжеств») [Белокреницкий, Сикоев 2014: 193], что может привести к фактическому отделению юга и востока Афганистана и северо-запада Пакистана, то есть дробления этих двух государств на более мелкие формирования. Следует также отметить, что в случае реализации второго и третьего сценариев неизбежно произойдет серьезное осложнение всей региональной обстановки в Южной и Центральной Азии.

Пока, однако, талибы не могут одержать победу по нескольким причинам. Во-первых, их идеология представляется большинству жителей экстремистской, а практика использования террористических методов — излишне жестокой. Об этом заявили в 2017 г. 93% афганцев, опрошенных международной некоммерческой организацией «Азиатский фонд» [Afghanistan... 2017: 47]. Во-вторых, «Талибан» — это по преимуществу пуштунское движение как по рядовому составу, так и руководству (почти 80% лидеров «Талибана» — пуштуны, выходцы из провинции Кандагар⁴), что обуславливает отсутствие его поддержки среди других крупных народов Афганистана (таджиков, узбеков, хазарейцев и др.). Наконец, большинство жителей Афганистана не устраивает то, что «Талибан» опирается на внешнюю помощь, идущую преимущественно из Пакистана и его Управления межведомственной разведки [Is Regional Strategy... 2010].

Не меньшую озабоченность в Афганистане и соседних с ним странах вызывает ИГ. По свидетельству З.Н. Кабулова, в Афганистане в настоящее время насчитывается свыше 10 тыс. боевиков этой террористической структуры⁵, и в их планах — усиление влияния в регионе [Мальшева 2017: 16—17]. По данным руководителя британского Международного центра по изучению радикализации

³ Замир Кабулов: США не препятствуют ИГ в Афганистане. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4942167> (дата обращения: 08.02.2018).

⁴ Jones S.G. Why the Taliban Isn't Winning in Afghanistan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2018-01-03/why-taliban-isnt-winning-afghanistan> (accessed: 03.01.2018).

⁵ ISIS has over 10,000 fighters in Afghanistan, more arriving from Syria and Iraq. URL: <https://www.rt.com/news/414048-afghanistan-isis-numbers-rise> (accessed: 03.12.2017).

и политического насилия П. Ноймана, в 2015 г. в рядах суннитских радикальных группировок, воевавших с правительственными силами в Сирии и Ираке, находилось значительное число выходцев из ЦА: 250 человек из Казахстана, 100 — из Киргизии, 190 — из Таджикистана, 360 — из Туркменистана, 500 — из Узбекистана⁶. В последующие годы в рядах экстремистских организаций Ближнего Востока осталось немало центральноазиатских (а также и кавказских) участников.

Разгром в Сирии и Ираке основного костяка ИГ превратил, по многим свидетельствам, север Афганистана в один из центров сосредоточения исламистских боевиков. Посол России в Пакистане А. Дедов указывает: афганский север превратился в «базу отдыха международного терроризма» и «плацдарм для установления в регионе разрушительного халифата»⁷. По данным, приводимым интернет-изданием «Фергана», позиции боевиков ИГ заметно усилились в северных провинциях Афганистана — Сари-Пуль и Балх. Как утверждает губернатор Сари-Пуль М. Захир Вахдат, есть уезды, в которых днем официально управляет администрация, а по ночам наступает время власти ИГ; ряды группировки активно пополняются местными этническими туркменами и узбеками, а местных жителей, уверенных в том, что ИГ стало новым проектом Запада в Афганистане, волнует поддержка этой структуры со стороны США и их союзников, жестокое поведение ИГ на контролируемых им территориях Афганистана [Regional Security Outlook... 2018]. Как подчеркивает издание, «тема активизации ИГ в Афганистане неоднократно поднималась на международных дискуссиях как в самой республике, так и в центральноазиатских государствах и в России, но пока для решения этой проблемы не предпринимается никаких видимых мер»⁸.

СОДЕЙСТВИЕ МИРНОМУ ПРОЦЕССУ

Появление в Афганистане сил, связанных с транснациональным терроризмом и наркокартелями, серьезно повышает потенциал угроз для партнеров России по ШОС и ОДКБ в Центральной Азии. Осознание этого побуждает Россию и ее союзников предпринимать усилия по переводу военного конфликта в Афганистане в стадию дипломатического урегулирования, содействовать там процессу национального примирения. Выступая 19 января 2018 г. в Нью-Йорке на заседании Совета Безопасности ООН на тему «Создание региональных партнерств в Афганистане и Центральной Азии как модель по увязке безопасности и развития», министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Ситуация в Афганистане требует комплексного подхода региональных государств и мирового сообщ-

⁶ Neumann P.R. Foreign fighters total in Syria/Iraq now exceeds 20,000 / The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 26.01.2015. URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s> (accessed: 26.05.2015).

⁷ Ayaz Gul. Russia Says IS Turning Afghanistan Into 'Resting Base' for Regional Terrorism. URL: <https://www.voanews.com/a/russia-weighs-in-on-islamic-state-in-afghan/4244261.html> (accessed: 08.02.2018).

⁸ Кто помогает ИГИЛ укрепить позиции на севере Афганистана? URL: <http://www.fergananews.com/articles/9632> (дата обращения: 13.11.2017).

щества в целом. Опыт последних 20 лет наглядно демонстрирует неэффективность попыток решения имеющихся в Афганистане проблем силовым путем. На повестке дня — принятие практических шагов по запуску процесса национального примирения на основе соответствующих резолюций СБ ООН»⁹.

Руководствуясь этими соображениями, Казахстан, председательствующий в 2018 г. на ротационной основе в Совете Безопасности ООН, организовал дискуссии по Афганистану в формате «5+1» (пять центральноазиатских государств и Афганистан). Одновременно с этим Россия, стремящаяся противодействовать террористической угрозе и наркотрафику из Афганистана, проводит работу по налаживанию коллективных действий по мирному восстановлению Афганистана, политическому урегулированию конфликта в охваченном глубоким кризисом Южно-Азиатском регионе. По образцу «астанинского процесса», доказавшего свою эффективность в урегулировании сирийского конфликта, запущен «московский формат» консультаций по Афганистану, способный сыграть действенную роль в сфере дипломатического разрешения афганского конфликта: консультации уже прошли в Москве в декабре 2016 г. и в апреле 2017 г. [Мальшева 2017: 19—20]. В ходе консультаций была высказана обеспокоенность в связи с ростом наркотрафика, активности в Афганистане экстремистских группировок, включая ИГ. Стороны договорились также наращивать усилия по содействию продвижению внутриафганского примирения «при сохранении руководящей роли Кабула и соблюдении оговоренных ранее принципов интеграции вооруженной оппозиции в мирную жизнь»¹⁰.

Надежды на разрешение кризисной ситуации в Афганистане связываются в России и с работой контактной группы ШОС — Афганистан: ее деятельность, приостановленная в 2009 г., возобновилась в октябре 2017 г.

К дипломатическому марафону примкнул и Узбекистан. В январе 2017 г. по поручению президента Ш. Мирзиёева глава МИД республики А. Камиллов побывал с официальным визитом в Афганистане, где сделал знаковое заявление: Узбекистан больше не будет смотреть на Афганистан исключительно через призму угроз безопасности. Благодаря этому, подчеркнул А. Камиллов, отношения между странами обрели новую динамику и характер, что проявилось в активизации сотрудничества в политической, торгово-экономической, транспортно-коммуникационной и культурно-гуманитарной сферах, в реализации различных взаимовыгодных региональных энергетических, инфраструктурных и транспортных проектов¹¹.

⁹ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Совета Безопасности ООН, Нью-Йорк, 19 января 2018 г. МИД РФ [сайт]. 70-19-01-2018. URL: http://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3026028 (дата обращения: 25.01.2018).

¹⁰ О проведении в Москве шестисторонних консультаций по Афганистану. 15.02.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2642417 (accessed: 17.02.2017).

¹¹ Узбекистан корректирует внешнюю политику // Независимая газета. 14.09.2017.

Таджикистан, находящийся, как и Узбекистан, на «передовой» линии соприкосновения с Афганистаном, тоже стремится внести свой вклад в нормализацию региональной обстановки. 28 августа 2017 г. президент Таджикистана Э. Рахмон встретился с начальниками Генеральных штабов вооруженных сил Афганистана, Пакистана и Китая. На встрече были рассмотрены вопросы, связанные с усилением двустороннего и многостороннего сотрудничества в направлении нормализации военно-политической ситуации в Афганистане, борьбы против терроризма и экстремизма, укрепления и защиты государственной границы¹².

Что касается Туркменистана, позиции которого в случае обострения обстановки в афганском приграничье намного уязвимее в сравнении с положением Узбекистана с его хорошо охраняемой границей и Таджикистана, гарантом безопасности которого являются российские военные базы и объединенная мощь ОДКБ, то и он — в целях противодействия потенциальным угрозам из Афганистана — пытается приспособиться к быстро меняющейся обстановке в сфере региональной безопасности. В начале октября 2017 г. президент Туркменистана подписал с Россией договор о стратегическом сотрудничестве, подразумевающий, в числе прочего, наращивание товарооборота между двумя странами. Некоторые эксперты не исключают достижения в будущем новых договоренностей о военном сотрудничестве, которые поставили бы под вопрос внеблоковый статус республики и в свете существующих угроз заставили ее пересмотреть свои взгляды на нейтралитет¹³.

Будущее ИГ в Афганистане и ЦА будет зависеть от ряда факторов: от развития событий в Сирии и Ираке; от того, сохранит ли «Талибан» относительное единство — если движение будет и дальше дробиться, то ИГ легче станет заполнять вакуум; от масштабов суннитско-шиитской розни, облегчающей распространение влияния ИГ; от того, будет ли осуществляться донорская поддержка ИГ извне, если рассматривать ИГ как своего рода «прокси» США, которые могут попытаться использовать эту структуру для продвижения собственных интересов в регионе и противодействия здесь влиянию России и Китая.

КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

За развитием событий в Афганистане и ЦА внимательно следят другие азиатские региональные игроки — в первую очередь Китай. Этот «гигант Азии» стал в последние годы своеобразным локомотивом экономического развития всей Центральной и Южной Азии. В реализации своих региональных амбиций важную роль КНР отводит странам ЦА. Не случайно о двух своих крупных проектах — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века», призванных соединить морское и сухопутное начала, Генеральный

¹² Таджикистан, Китай, Пакистан и Афганистан договорились сотрудничать. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/28/tadzhikistan-kitay-pakistan-i-afganistan-dogovorilis-sotrudnichat> (дата обращения: 28.08.2017).

¹³ Слабое звено. Справится ли Туркмения с вторжением боевиков? URL: <http://www.fergananews.com/articles/9627> (дата обращения: 08.11.2017).

секретарь ЦК КПК и председатель КНР Си Цзиньпин впервые объявил во время посещения осенью 2013 г. стран ЦА и Индонезии. Китайский лидер дал тогда понять, что с запуском этих проектов Китай рассчитывает расширить свою торгово-экономическую экспансию в ЦА.

Привлекательность центральноазиатских государств в качестве рынков сбыта китайских товаров, заинтересованность КНР в энергоресурсах региона, готовность вкладывать инвестиции в разработку и транспортировку из ЦА углеводородов, потенциальные возможности территорий стран региона как «транзитных коридоров» для поставок товаров в Европу, развития бизнеса и коммуникаций — вот факторы, которые обусловили особую привлекательность стран ЦА для Китая.

Политическая стратегия Пекина формируется здесь на основании понимания национальной безопасности — опасения, что возможная нестабильность в государствах Центрально-Азиатского региона, а также и в Афганистане может способствовать росту напряженности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР, известном своими сепаратистскими настроениями [Clarke 2016: 1]. Противодействие вызовам и угрозам региональной безопасности в Азии Китай ведет не только в рамках ШОС, но и на уровне межгосударственных контактов с такими странами, как Афганистан, Пакистан, Таджикистан. С ними 4 августа 2016 г. Китай договорился о создании четырехстороннего механизма для обмена разведывательной информацией и подготовки кадров¹⁴. Примечательно, что при финансовой поддержке Китая в северной афганской провинции Бадахшан у границы с Таджикистаном будет построена новая военная база Вооруженных сил Афганистана. По мнению афганских аналитиков, таким образом Китай стремится предотвратить проникновение на свою территорию примкнувших к ИГ уйгурских боевиков из афганского Бадахшана¹⁵.

Особую роль Китай придает Казахстану, который параллельно с ростом китайских инвестиций наращивает объем торговли со своим азиатским соседом: в 2017 г. он составил 18 млрд дол. США¹⁶. Сотрудничество с Китаем осуществляется Казахстаном в рамках программы «Казахстан — 2050», которая сопряжена с проектом «Экономического пояса Шелкового пути», в том числе и в плане реализации в Казахстане совместных промышленных программ, поскольку КНР планирует вынести на территорию соседнего государства избыточные производственные мощности.

Киргизский политолог Н. Мураталиева обращает внимание на то, что ЭПШП и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в целом имеют взаимоисключающие цели. Китай, по ее словам, «стремится создать благоприятные условия для продвижения своих товаров на мировые рынки, основанные на развитии своих западных

¹⁴ China joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in security alliance. URL: <http://atimes.com/2016/08/china-joins-afghanistan-pakistan-tajikistan-in-security-alliance> (accessed: 04.08.2016).

¹⁵ У границы с Таджикистаном появится новая военная база афганской армии. URL: <http://www.fergananews.com/news/27754> (дата обращения: 03.01.2018).

¹⁶ Об объеме торговли между Китаем и Казахстаном. URL: <http://www.zakon.kz/4902690-ob-obeme-torgovli-mezhdu-kitaem-i.html> (дата обращения: 07.02.2018).

регионов, прежде всего СУАР, что предполагает рассмотрение ЕАЭС в качестве транзитной территории и потенциального рынка сбыта товаров»¹⁷. Но это противоречит заявленной цели ЕАЭС — индустриализации экономик стран-участниц с целью их последующей интеграции в систему международного разделения труда.

СОПЕРНИЧЕСТВО В ТРЕУГОЛЬНИКЕ КНР — ПАКИСТАН — ИНДИЯ

Китайские проекты не ограничены Центральной Азией, они простираются на Иран и Пакистан. Так, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) Китай намерен создать военно-морскую базу рядом с пакистанским глубоководным портом Гвадар, расположенным в северной части Аравийского моря. Порт, построенный в 2007 г. при участии китайского капитала, стал важным торгово-транспортным узлом, позволившим Китаю начать экспорт своих товаров в страны Персидского залива, Ближнего Востока, Африки. Значимость этого порта, как и развития дорожно-транспортных коммуникаций в Пакистане, подтверждает факт включения их в план 13-й пятилетки КНР (2016—2020 гг.) [Мальшева 2016].

Особого внимания в этой связи заслуживает инициированный в 2015 г. в рамках ОПОП проект «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК). Он привлекателен и для центральноазиатских стран, учитывая, что запланированные проектом нефте- и газопроводы, линии электропередачи будут питаться в основном от центральноазиатских ресурсов. В ноябре 2017 г. на переговорах президента Таджикистана Эмомали Рахмона с президентом Пакистана Мамнуном Хусейном и премьер-министром этой страны Навазом Шарифом обсуждались вопросы реализации регионального проекта CASA-1000 (Central Asia — South Asia), который предполагает поставки электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Пакистан и Афганистан. Поскольку считается, что регион транзита входит в зону риска, безопасность проекта взяли на себя обеспечивать США. Еще в 2012 г. в рамках своей стратегии «Новый шелковый путь» Вашингтон предложил Таджикистану, Киргизии, Афганистану и Пакистану создать общий энергетический рынок, где центральноазиатские государства выступили бы в качестве экспортеров, а Афганистан и Пакистан — импортеров электроэнергии. Но проект этот так и не удалось реализовать в силу сохранявшейся нестабильности в Афганистане и Пакистане, а также вследствие нехватки электроэнергии в Таджикистане. Китай, судя по всему, надеется благодаря запуску КПЭК частично реанимировать американский проект по использованию центральноазиатской ресурсной базы. Но делать это Пекин собирается уже на своих условиях и исходя из своих интересов.

Согласно планам Китая, выделившим на проект КПЭК около 62 млрд дол. США, «экономический коридор» должен связать Гвадар с портами Южного Китая — Гуанчжоу и Фанчэнг после того, как будет проложена дорога «Кашгар — Хавелиан» протяженностью в 1100 км. Однако решение Китая и Пакистана провести ее через расположенную на севере Кашмира спорную территорию Гилгит-Балтистан,

¹⁷ Наргиза Мураталиева: Россия и Китай в Центральной Азии: сопряжение на фоне конкуренции. URL: <http://cabar.asia/ru/nargiza-muratalieva-rossiya-i-kitaj-v-tsentralnoj-azii-sopryazhenie-na-fone-konkurentsi> (дата обращения: 26.05.2016).

контролируемую в настоящее время Пакистаном, вызвало резкую реакцию Индии. Ее правительство обвинило Китай и Пакистан в нарушении суверенитета Индии и не приняло во внимание заверения пакистанских должностных лиц о том, что КПЭК и ОПОП нацелены исключительно на «совместное процветание», и эти проекты знаменуют «новую эру в развитии гуманизма и прогресса в бедных регионах»¹⁸.

Недовольство Индии, а также и США, поощряющих все внешнеполитические начинания Дели (в особенности если они оказываются наполненными антикитайской составляющей), вызывает также формирование на базе КПЭК военно-политического сотрудничества Китая и Пакистана, в том числе по афганской проблеме. Летом 2017 г. по итогам поездок министра иностранных дел КНР в Исламабад и Кабул стороны договорились о том, что противоречия между Афганистаном и Пакистаном будут разрешаться в трехстороннем формате, с перспективой подключения к такому новому неформальному альянсу государств ЦА. Это, однако, может не обрадовать Россию, поскольку подрывает ее усилия по консолидации ОДКБ и других структур безопасности СНГ.

Индия, поддерживаемая в противовес китайско-пакистанскому альянсу Соединенными Штатами, стремится переиграть Китай и в сфере мировой экономики, и на площадках мировой политики [India... 2004]. Однако, по мнению ряда российских экспертов, ей пока «не удалось мобилизовать широкую и действенную международную поддержку своего курса и убедить ведущих контрагентов в способности играть по-настоящему мировую роль» [Барабанов, Бордачев 2017: 11—12].

Соперничество (в том числе и по территориальным вопросам) Индии, Китая и Пакистана, а также острый региональный кризис в Афганистане делают ситуацию в Южной Азии нестабильной и непредсказуемой. В то же время состоявшееся 9 июня 2017 г. на саммите ШОС в Астане вступление Индии и Пакистана в эту организацию могло бы позитивно сказаться на смягчении напряженности не только в индо-пакистанских двусторонних отношениях, но и в масштабах всего азиатского региона.

Что касается торгово-экономических отношений Индии и ЦА, то они со стороны Индии незначительны в сравнении с китайскими: объем внешней торговли Индии со странами ЦА исчислялся в 2012—2013 гг. 700 млн дол. США, что не шло ни в какое сравнение с китайскими вложениями в эту сферу (почти 50 млрд дол. США)¹⁹. С тех пор ситуация коренным образом для Индии не менялась.

Не получили должного импульса и отношения Пакистана с ЦА, в том числе и в силу того, что так и не была предотвращена радикализация Пакистана и он

¹⁸ CPEC may create more India-Pakistan tension: UN report / The Dawn, 24.05.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1335064/cpec-may-create-more-india-pakistan-tension-un-report> (accessed: 24.05.2017).

¹⁹ Gupta A. India and Central Asia: Need for a Pro-active Approach // Institute for Defense Studies and Analyses. Policy Brief, October 14, 2013. URL: https://idsa.in/policybrief/sco-india-enters-eurasia_pstobdan_140616 (accessed: 19.01.2018).

фактически оказался включенным вместе с Афганистаном в кризисную зону. Изменившаяся с приходом в Белый дом Д. Трампа стратегия США в Азии может предложить государствам ЦА новую развилку в контексте ухудшившихся американо-пакистанских отношений. Речь идет о выдвинутых Д. Трампом обвинениях в спонсировании Пакистаном терроризма путем поддержки «Талибана» и «сети Хаккани»²⁰, а также об объявленном 4 января 2018 г. Госдепартаментом США намерении приостановить помощь в сфере безопасности Пакистану (являющемуся третьим по величине получателем иностранной помощи США) до тех пор, пока Пакистан «не примет решительные меры» в борьбе с такими группами, как «Талибан»²¹.

Тем не менее Пакистан остается ключевым транспортным маршрутом, по которому осуществляются поставки дислоцированным в Афганистане американским вооруженным силам. Но с учетом того, что транзит через Пакистан может быть перекрыт, с начала 2018 г. страны ЦА, и в особенности Узбекистан, рассматриваются Пентагоном как альтернативные транзитные территории для доставки военных и грузов в Афганистан. Этим (а также и надеждами вновь завоевать Узбекистан, открывающийся миру при его новом президенте) можно объяснить значительно возросшую в 2017—2018 гг. интенсивность узбекско-американских контактов. Однако же в затеянной США очередной конфронтации с Пакистаном, а подспудно и с его союзником — Китаем, который, кстати, недвусмысленно высказался в поддержку Пакистана²², Узбекистан оказывается в весьма непростой ситуации. Абстрагироваться от разгорающегося в «четырёхугольнике» (США — Индия, Китай — Пакистан) спора будет крайне затруднительно, поскольку и Узбекистан, и другие страны ЦА являются получателями международной помощи развиту от всех четырех сторон «четырёхугольника», но в особенности от Китая. Не могут в ЦА не понимать и того, что недавние американские выпады против Пакистана — только повод, тогда как настоящая причина раздражения американской стороны кроется в чрезмерном сближении Исламабада с Пекином.

Итак, конкурентная борьба, развернувшаяся в постсоветской ЦА и Афганистане, определяется во многом динамикой глобального развития, которое характеризуется угасанием однополярного мира и все более уверенным становлением полицентричного миропорядка. Это диктует необходимость новых подходов к решению вопросов будущего Афганистана, проблем безопасности Южной и Центральной Азии — то есть о давно назревшей необходимости перевода основной ответственности за поддержание здесь стабильности от нерегиональных сил (США/НАТО) к действующим в рамках своих экономических и военно-политических структур крупным азиатским государствам и их центральноазиатским партнерам, а также к России, остающейся влиятельной евразийской державой.

²⁰ US Cannot Tolerate Pakistan's Support To Terrorists: Official. URL: <http://www.tolonews.com/world/us-cannot-tolerate-pakistan%E2%80%99s-support-terrorists-official> (accessed: 17.11.2017).

²¹ U.S. Suspends Most Security Assistance To Pakistan. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2018/01/04/575492300/u-s-suspends-most-security-assistance-to-pakistan> (accessed: 04.01.2018).

²² China opposes US statements linking terrorism to Pakistan / Dawn, 08.01.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1381627> (accessed: 04.01.2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барабанов О., Бордачёв Т. и др. Как важно быть серьезным: мир на грани непоправимого. М.: Валдай, 2017.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
- Вызовы безопасности Центральной Азии. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
- Лузянин С.Г. Связанные одним поясом // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 41—59.
- Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и ее азиатские соседи // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 4. С. 19—30.
- Мальшева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 8. С. 14—23.
- Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI в. М.: Институт Дальнего Востока, 2016.
- Умаров А.А. Афганистан и региональная безопасность Центральной Азии: начало XXI века. Ташкент, 2017.
- Afghanistan in 2017. A Survey of the Afghan People.* The Asia Foundation. 2017. URL: <https://asiafoundation.org/publication/afghanistan-2017-survey-afghan-people/> (accessed: 04.01.2018).
- Afghanistan Opium Survey 2016. Cultivation and Production. Executive Summary.* United Nations Office on Drug and Crime. October 2016. URL: <http://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf> (accessed: 17.11.2017).
- Azami D. The Islamic State in South and Central Asia // Survival.* 2016. Vol. 58. Iss. 4. P. 131—158. DOI: 10.1080/00396338.2016.1207955.
- Clarke M. 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma // Australian Journal of International Affairs.* 2016. Vol. 70. Iss. 5. P. 563—579. DOI: 10.1080/10357718.2016.1183585.
- Fallon Th. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // American Foreign Policy Interests.* 2015. Vol. 37. № 3. P. 140—147.
- Global "Perestroika". Transformation of World Order / ed. by A. Dynkin, N. Ivanova.* Moscow: Ves Mir Publishers, 2015.
- Humanitarian Response Plan. January 2018 — December 2021. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA).* 2017. URL: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/dms/afg_2018_humanitarian_response_plan_0.pdf (accessed: 17.02.2018).
- India and Central Asia.* New Delhi, 2004.
- Is Regional Strategy Viable in Afghanistan?* Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010.
- Rashid A. Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia.* Second edition. Yale University Press, 2010.
- Rashid A. The Future of America, Pakistan and Afghanistan.* London: Penguin Books, 2012.
- Regional Security Outlook 2018.* The Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2018. URL: <http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP2018WEB.pdf> (accessed: 17.02.2018).

Дата поступления статьи: 25.02.2018

Для цитирования: Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272.

Сведения об авторе: *Мальшиева Дина Борисовна* — доктор политических наук, зав. сектором Центральной Азии Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: dsheva@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272

POST-SOVIET CENTRAL ASIA AND AFGHANISTAN AT THE INTERSECTION OF THE MAJOR ASIAN STATES' INTERESTS

D.B. Malysheva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is analyzing the current situation in Afghanistan; it reveals the challenges and risks that emanate from this conflict zone and affect the security sphere of the five post-Soviet states of Central Asia (CA) and their Asian neighbors. Attention is paid to the growth of drug trafficking and the terrorist threat from Afghanistan by the “Islamic state” (IS, a terrorist group banned in Russia). The diplomatic initiatives taken by Russia, China, and other states to achieve national reconciliation in Afghanistan are considered.

Military-political and economic projects in Central Asia (“One Belt, One Way”, and “China-Pakistan Economic Corridor”), which are alternatives to the Russia-initiated integration in the sphere of economy (Eurasian Economic Union — EAEU) and security (the Collective Security Treaty Organization — CSTO) are analyzed taking into account the rivalry within the China—India—Pakistan triangle. In connection with the recent changes in the Asian strategy of the United States, the peculiarities of India—Pakistan interaction with the post-Soviet states of Central Asia and with Afghanistan have been revealed. The chronological framework of the article is a period following the partial withdrawal from Afghanistan in 2014 of the American military contingent, brought to the beginning of 2018, when a new geopolitical reality began to form in the Central Asian region.

Key words: the post-Soviet Central Asia, Afghanistan, China, regional security, “One Belt, One Way”, “the China—Pakistan Economic Corridor”

REFERENCES

- Afghanistan in 2017. A Survey of the Afghan People.* (2017). The Asia Foundation. URL: <https://asiafoundation.org/publication/afghanistan-2017-survey-afghan-people/> (accessed: 04.01.2018).
- Afghanistan Opium Survey 2016. Cultivation and Production. Executive Summary.* (2016). United Nations Office on Drug and Crime. URL: <http://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf> (accessed: 17.11.2017).
- Azami, D. (2016). The Islamic State in South and Central Asia. *Survival*, 58 (4), 131—158. DOI: 10.1080/00396338.2016.1207955.
- Barabanov, O., Bordachyov, T. & others. (2017). *The Importance of Being Earnest: How to Avoid Irreparable Damage. Valdai Discussion Club Report.* Moscow. (In Russ.).
- Belokrenitsky, V.Ya. & Sikoev, R.R. (2014). *The Taliban and the Prospects of Afghanistan and Pakistan.* Moscow: Institute of Oriental Studies. (In Russ.).
- Challenges to Security in Central Asia.* (2013). Moscow: Institute of World Economy and International Relations. (In Russ.).

- Clarke, M. (2016). 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (5), 563—579. DOI: 10.1080/10357718.2016.1183585.
- Fallon, Th. (2015). The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia. *American Foreign Policy Interests*, 37(3), 140—147.
- Dynkin, A. & Ivanova, N. (Eds.) (2015). *Global "Perestroika". Transformation of World Order*. Moscow: Ves Mir Publishers.
- Humanitarian Response Plan. January 2018 — December 2021. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA)*. (2017). URL: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/dms/afg_2018_humanitarian_response_plan_0.pdf (accessed: 17.02.2018).
- India and Central Asia*. (2004). New Delhi.
- Is Regional Strategy Viable in Afghanistan?* (2010). Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
- Luzyanin, S. (2016). Bound by One Belt. *Outlines of Global Transformations*, 6 (9), 41—59. (In Russ.).
- Malysheva, D. (2016). Post-Soviet Central Asia and its Asian Neighbours. *Russia and New States of Eurasia*, Moscow, 4, 19—30. (In Russ.).
- Malysheva, D. (2017). The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia. *World Economy and International Relations*, 8, 14—23. (In Russ.).
- Morozov, Yu.V. (2016). *The strategy of the West in the Central Asian region at the beginning of the XXI century*. Moscow: Institute of the Far East. (In Russ.).
- Umarov, A.A. (2017). *Afghanistan and the Regional Security of Central Asia: the Beginning of the XXI century*. Tashkent. (In Russ.).
- Rashid, A. (2010). *Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. Second edition. Yale University Press.
- Rashid, A. (2012). *The Future of America, Pakistan and Afghanistan*. London: Penguin Books.
- Regional Security Outlook 2018*. (2018). *The Council for Security Cooperation in the Asia Pacific*. URL: <http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP2018WEB.pdf> (accessed: 17.02.2018).

Received: 25.02.2018

For citations: Malysheva, D.B. (2018). Post-Soviet Central Asia and Afghanistan at the intersection of the major Asian states' interests. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272.

About the author: *Malysheva Dina Borisovna* — Doctor of Political Sciences, Head of Section, Centre for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation, Russian Academy of Sciences (e-mail: dsheva@mail.ru).

© Малышева Д.Б., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283

ЕВРАЗИЙСТВО: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

С.В. Базавлук

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Несмотря на то что вопросу изучения евразийства посвящено много исследовательских работ, как в России, так и за рубежом, в международном научном сообществе, как представляется, до сих пор отсутствует единое понимание как самого термина «евразийство», так и его производных. Причем речь может идти не только о социально-политическом, культурном, философском и религиозном определении этих понятий, но даже и о географическом. Если различие в гуманитарных аспектах этого вопроса можно объяснить с точки зрения разности общественного строя, идеологии, политического устройства, то расхождения в географическом понимании евразийского пространства и его границ могут вызвать удивление.

При этом западные ученые после распада Советского Союза стали все активнее прибегать к географическому районированию мировой политической карты, деля регионы на все более незначительные фракции вплоть до перекраивания границ национальных государств, оправдывая в своих трудах возникновение новых политических образований естественным ходом истории, оставляя в прошлом не только блоковый подход периода «холодной войны», но и основные константы геополитической науки о противостоянии двух глобальных сил: морских и сухопутных. В терминах все той же геополитики сухопутные силы представлены «мировым островом», Хартлендом или Евразией.

По данным английского словаря Коллинза, количество употреблений термина «Евразия» с 2006 г. в англоязычной литературе стало стремительно расти, побив все рекорды, начиная с момента своего появления и заняв почетное место среди других 30 000 наиболее употребительных слов.

Как представляется, данный интерес вызван осознанием Западом того факта, что Россия смогла преодолеть турбулентность девяностых годов и постепенно начала восстанавливать свои позиции, прежде всего, на внешнеполитической арене. Таким образом, на наших глазах происходит возвращение к теме евразийства среди ученых-международников, но уже в новых геополитических реалиях. С изменением реалий произошло также и изменение восприятия основной категории геополитики — пространства, что, в свою очередь, привело к различию в толковании термина «Евразия» и его производных.

Ключевые слова: Евразия, Евразийство, ЕАЭС, народничество, пассионарность, этногенез, геополитика, Империя суши, Империя моря

С учетом имеющегося различия в восприятии экспертными кругами основных категорий, связанных с исследованием евразийских идей, попробуем разобраться в том, что собой представляют базовые термины, такие как «Евразия», «Евразиец», «Евразийство», и насколько евразийские идеи присутствуют в таком сравнительно новом политико-экономическом образовании, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Несмотря на похожесть терминов, они часто не связаны между собой идеологически, доктринально, идейно, политически, институционально и экономически.

1. «ЕВРАЗИЯ»

Первоначально понятие «Евразия» использовалось в качестве географического термина, обозначающего расположенный преимущественно в Северном и частично Южном полушарии континент, включающий в себя две части света Европу и Азию. Впервые данный термин употребил в конце XIX в. Эдуард Зюсс, австрийский геолог и общественный деятель.

Английский словарь Коллинза дает схожее определение «Евразии» в британской версии английского языка: «европейский и азиатский континенты, понятые как единое целое»¹.

В русский язык термин «Евразия» ввел этнограф и славист, представитель общественно-политического движения — славянофильства, Владимир Иванович Ламанский, показавший в книге «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) своеобразие России в контексте цивилизационного развития евразийского континента. В частности, в своем научном труде Ламанский, разделив существовавшие тогда сообщества на «миры настоящего», «миры будущего» и «миры прошлого» [Ламанский 1892], доказывал, что именно Евразия стала родиной древнейших цивилизаций. Другим центром развития великих цивилизаций были Египет и Мезоамерика. Собственно, уникальность именно евразийского континента, по Ламанскому, заключается в удивительном многообразии моделей развития, что объясняется природными условиями [Каплан 2015].

Один из основателей геополитики Хэлфорд Маккиндер в своей статье «Географическая ось истории» (1904) к Евразии, которую называл «мировым островом», отнес сначала Россию, Германию и часть Китая [MacKinder 1904]. В дальнейшем к этому «острову» «Маккиндер добавил „участки великих рек Индии и Китая в Тибете и в горах Монголии“, и весь широкий пояс стран с севера на юг от Скандинавии до Анатолии, включая Восточную и Центральную Европу. Таким образом, новый „Хартленд“ более или менее соответствовал Советской империи на пике ее мощи во времена холодной войны (стоит уточнить — Советской империи плюс Норвегия, Северная Турция, Иран и Западный Китай)» [Каплан 2015].

Китайские ученые в области международных отношений также соглашались с отнесением Китая к так называемой Большой Евразии. В частности, декан Института международных отношений Пекинского университета, профессор Е. Цзычэн в своих трудах делает акцент на том, что Китай является восточной частью Евразии, выделяя в качестве евразийских центров силы также Россию, Европу и Индию, с которыми КНР должна развивать всестороннее сотрудничество [Ye 2011].

Между тем для большинства представителей академических кругов и международных организаций Северной Америки, Европы и Азии термин «Евразия» скорее интуитивно воспринимается как историческое пространство России и прилегающих к ней «периферийных» территорий. Предполагает географическое или, скорее, геополитическое объединение бывших советских республик либо значи-

¹ Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 01.12.2017).

тельной части из них. Термин содержит также фундаментальную терминологическую двойственность: «Евразия» — это Европа или Азия, а может, не Европа и не Азия? Даже если принять за основу тезис первых евразийцев, что «Евразия» — это не Европа и не Азия, а срединное пространство между этими частями света, на котором расположена Россия и сопредельные государства, то снова возникает вопрос: какие государства наравне с Россией принадлежат к Евразии, а какие нет и почему.

Если рассматривать понимание Евразийского пространства в широком смысле слова, к чему склоняются евразийцы «новой волны» или, как их еще называют, неоевразийцы, то оно включает в себя четыре так называемых «больших пространства»: территория стран — членов Совета экономической взаимопомощи на момент 1990 года за исключением ГДР, Кубы и Вьетнама, но с включением ассоциированного члена Социалистической Федеративной Республики Югославии; страны континентального ислама (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан); Китай; Индия. При этом один из главных идеологов холодной войны и уничтожения СССР в своей книге «Великая шахматная доска» давал еще более широкое определение Евразии, обозначая ее как территорию, простирающуюся от Лиссабона до Владивостока [Бжезинский 1998].

Несмотря на свою географическую обширность, отстаиваемую неоевразийцами, для иностранных исследователей термин «Евразия» является скорее синонимом постсоветского пространства, давая возможность описать территорию, относящуюся к СССР, без отсылки к советскому периоду [Laruelle 2008]. Такое понимание во многом было заложено в первые годы после краха Советского Союза армией новоявленных экспертов, в изобилии появившихся на постсоветском пространстве, в попытке оправдать необходимость интеграционных процессов на новой идеологической основе без упоминания общего коммунистического прошлого.

Существует мнение, что в России термин «Евразия» получил широкое распространение в связи с возникшим после распада Советского Союза терминологическим вакуумом и служил для обозначения новой геополитической реальности на постсоветском пространстве. Одновременно российское общество рассматривало Евразию в качестве идеи, объединяющей имперское и коммунистическое прошлое с идеей национального величия в настоящем. Также этот термин использовался российскими экспертными кругами для выражения геополитического принципа о том, что Россия является главным движущим элементом всех происходящих в регионе процессов с правом определять повестку стратегического развития своих соседей. С точки зрения зарубежных исследователей, именно эта многогранность термина послужила причиной его широкой популярности среди россиян.

Парадоксально, но некоторые исследователи используют данный термин как для обозначения России и новых независимых государств, так и для обозначения этих государств без включения России. В последнем случае они используют термин Центральная Евразия. Причем в данный регион они включают как субре-

гионы, не входящие в состав Российской Федерации, — Центральную Азию, Южный Кавказ, Монголию, так и субрегионы, являющиеся неотъемлемой частью нашего государства, — Северный Кавказ, Татарстан, Башкирию и Сибирь [Laguette 2008].

2. «ЕВРАЗИЕЦ»

У зарубежных исследователей также возникает путаница и при определении понятия «Евразиец» с географической и с идеологической точек зрения, поскольку в английском языке эти два понятия обозначаются разными словами: *Eurasian* — человек, проживающий на территории Евразии (географическое определение), и *Eurasianist* — человек, придерживающийся евразийских взглядов (идеологическое определение).

При этом, согласно электронному этимологическому словарю Американской психологической ассоциации (American Psychological Association (APA)), происхождение слова «евразиец» (*Eurasian*) относится к 1844 г. Это определение обычно употреблялось в отношении человека, рожденного от смешенного брака между представителями азиатских и европейских рас. В большей степени касалось детей, чьим отцом был британец, а матерью индианка². Позже таких людей стали называть англо-индийцами. В западной антропологической литературе термин «евразиец» используется с 1960-х гг.

Если обратиться к работе Петра Николаевича Савицкого «Евразийство» (1925), то там можно найти следующее определение: «Евразийцы — это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или „евразийским“... Евразийцы — православные люди» [Савицкий 1993].

Другими словами, Савицкий и его окружение к евразийцам относили по географическому и религиозному принципу, исключая, таким образом, из числа возможных последователей данного концепта представителей отличных от православия религий, а также жителей других регионов Земли.

В свою очередь, нынешние евразийцы или неоевразийцы трактуют данный термин значительно шире, беря за основу геополитическое противостояние сторонников однополярного мира по атлантистской модели и сторонников многополярного мира, выступающих за культурное и религиозное многообразие, за сохранение самобытности и традиций населяющих Землю народов. В их понимании евразийцы — противники глобализации и установления миропорядка по лекалам западной идеологии (либерализма). Как следствие, евразийцы — это не только жители Евразии, но все свободные творческие личности, признающие ценность

² Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.dictionary.com/browse/eurasian> (дата обращения: 01.12.2017).

традиции и разделяющие базовые идеи построения многополярного мира, основанного на равных и доброжелательных отношениях всех стран и народов³. При этом любую религиозную традицию или систему верований они считают достоянием всего человечества, а связанное с ними духовное или культурное наследие, по их мнению, должно бережно сохраняться.

3. «ЕВРАЗИЙСТВО»

Говоря о значении термина «Евразийство», зарубежные исследователи задаются вопросом, почему возникшая в начале 20-х годов прошлого века идеология, основанная на преемственности и взаимном обогащении русскоязычных культур с культурами кочевых степных империй, прежде всего с Монгольской и Чингизидов, была названа именно «Евразийством», а не «Евразианизмом» или «Евразизмом». Ведь именно при добавлении суффикса «-изм» образуется существительное со значением идейного течения, общественно-политических и научных направлений. Одновременно суффикс «-ство» образует слова со значением «абстрактно-отвлеченные значения качества, состояния и положения».

Как представляется, евразийцы для обозначения своего учения использовали суффикс «-ство» по следующим соображениям. Во-первых, он является более органичным и естественным для русского языка и ранее уже применялся в терминах «славянофильСТВО» и «народничЕСТВО». Во-вторых, обращаясь к семантическому свойству термина, можно сказать, что «Евразийство» в собственном смысле слова отражает местоположение, определяющее особенное состояние и качество. Таким образом, указанный суффикс как бы привязывает термин к географическому пространству, но не к количественному пространству Декарта, а к качественному пространству Традиции, отражающему состояние души населяющих это пространство жителей, их культуру и обычаи.

Таким образом, мы видим, что термин «Евразийство» соотносится с понятием качественного пространства — основной категорией классической теории геополитики. А поскольку евразийство большинством исследователей воспринимается как отечественное направление геополитики, то можно сделать вывод, что использование суффикса «-ство» является более обоснованным, нежели использование указанной выше альтернативы.

В узкоисторическом смысле термин «Евразийство» может быть использован для определения философского принципа, высказанного еще славянофилами в первой половине XIX в. о том, что Россия — не Европа и имеет особый путь развития, отличный от Запада. В таком смысле Евразия противопоставляется Европе и, шире, цивилизационному Западу, а именно его либеральной идеологии.

Как известно, еще первые славянофилы в лице Ивана Васильевича Киреевского, Алексея Степановича Хомякова, братьев Константина Сергеевича и Ивана Сергеевича Аксаковых отстаивали основополагающий принцип, что русская (славянская, православная) цивилизация сама по себе уникальна и самобытна. При

³ Дугин А.Г. Евразийский взгляд. Око Планеты. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/102168-aleksandr-dugin-evraziyskiy-vzglyad.html> (дата обращения: 01.12.2017).

этом в отношении Запада и его влияния на Россию они высказывались весьма осторожно. Однако уже Николай Яковлевич Данилевский, Константин Николаевич Леонтьев и Владимир Иванович Ламанский, относящиеся к поздним славянофилам, более открыто и жестко обозначали свою позицию по вопросу оказания Западом влияния на Россию. Они, в частности, полагали, что нашей стране необходимо защитить свою самобытность, пусть даже путем закрытия перед лицом западной культуры.

Первые евразийцы в лице Петра Николаевича Савицкого начали говорить о том, что русская самобытность не просто «нуждается в защите и изоляции», но должна быть активно противопоставлена романо-германской цивилизации и стать оплотом для освободительного движения всего человечества. Таким образом, евразийское учение, зародившееся в среде русской эмиграции, представляет собой в наиболее полном объеме разработанный вариант русской идеи, охватывающий самые разнообразные научные, религиозные, философские концепции, в центре которых — идея России как самобытной цивилизации [Савицкий 1993].

С распадом СССР количество различных видений термина «Евразийство» значительно возросло не только на территории России, где развивались местечковые варианты евразийства татарского, башкирского, бурятского, тувинского и т.д. Эти идеи поддерживались местной элитой, поскольку позволяли выделять свои национальные образования из общего ряда субъектов Федерации, с одной стороны, но при этом не противопоставляли себя федеральному центру — с другой. Также идеи евразийства получили развитие и на территории бывших советских республик, в частности в Казахстане, где зародилась озвученная президентом Н. Назарбаевым идея создания евразийского политического и экономического союза, реализованная впоследствии в создании ЕАЭС.

При этом понимание евразийства в Казахстане, берущего, безусловно, за основу классические идеи русских евразийцев, имеет свои особенности. Располагаясь в центре материка на стыке культур, религий и ценностных систем, представители степной цивилизации видят свою евразийскую миссию в выстраивании исторического диалога между Западом, постоянно стремящимся к технологической экспансии в природу, и Востоком, все еще находящимся в гармонии с природой. Таким образом, смысл евразийства по-казахски можно охарактеризовать как своеобразную попытку органического совмещения восточной и западной культурологической мысли, преломляя ее в конкретном социально-культурном опыте [Назарбаев 2000].

В других бывших советских республиках, и прежде всего в среднеазиатских, научные круги интересуются больше разработанными Гумилёвым концептами об этногенезе и пассионарности, чем непосредственно идеями отцов-основателей евразийства. И это вполне объяснимо, если принять во внимание тот факт, что толчком к формированию сферы приоритетных интересов и фундаментальных установок, а также построению исследований послужила, по признанию самого Льва Николаевича Гумилёва, книга калмыцкого писателя-евразийца Эренжена Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие», написанная в 1929 г. «Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей,

источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая около миллиарда человеческих существ, — такова Азия», — писал автор. Именно из Азии, благодаря особому монгольскому периоду, вышла, как из «материнского лона», Московская Русь [Хара-Даван 1929].

Именно в степях Евразии советский философ и историк Гумилёв видел малоизученные в силу имевшихся в российской исторической школе перекосов в сторону либо западничества, либо славяноцентричности корни и сущность русской истории. По его мнению, в Туране (исторический регион, населенный в древности скифскими и иранскими племенами, включавший практически всю Среднюю Азию и Юго-Западную Сибирь) зрели и зарождались все импульсы и проходили основные этапы этногенеза, которые впоследствии распространялись во всех направлениях, вовлекая в свою орбиту расы, целые народы, древние культуры и религии [Гумилев 2004].

Действительно, в конце прошлого века евразийство получило серьезный импульс вместе с развитием геополитической мысли, которая на протяжении семидесяти лет в период доминирования советской идеологии считалась «буржуазной» и находилась фактически под запретом. Во многом это было вызвано тем, что континентальная геополитика сформировалась в Германии, а люди, подозревавшиеся в то время в связях с немцами, автоматически становились шпионами и подвергались преследованию органов государственной безопасности. Под это определение еще в начале тридцатых годов попали многие русские мыслители и ученые, начиная с этнолога и географа Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского (сына русского географа, путешественника и демографа П.П. Семёнова-Тян-Шанского) и заканчивая экономико-географами во главе с профессором Владимиром Эдуардовичем Деном и его учениками.

Лишь после распада Советского Союза российские мыслители патриотической направленности стали развивать евразийские концепты, встраивая их в теорию классической геополитики, основным посылом которой является непрекращающееся противостояние «Империи Моря» и «Империи Суши». Кроме того, они расширили традиционное понятие евразийства, объединив его с новыми идейными и методологическими блоками — традиционализмом, метафизикой, элементами философии «новых правых», «новых левых», «третьего пути» в экономике, теорией «прав народов», «этнического федерализма», экологией, онтологической философией, эсхатологическим вектором, новым пониманием универсальной миссии русской истории, парадигматическим видением истории науки и т.д.⁴ Данное направление получило название «неоевразийство».

Идеологи неоевразийства определяют «Евразийство» как абсолютно новое мировоззрение для новых поколений нового тысячелетия, берущее за основу различные философские, духовные и политические учения. Одним из его важнейших принципов выступает последовательное, деятельное и масштабное противодействие однополярному глобалистскому миру⁵.

⁴ Дугин А.Г. Евразийский взгляд. Око Планеты. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/102168-aleksandr-dugin-evraziyskiy-vzglyad.html> (дата обращения: 01.12.2017).

⁵ Там же.

Данное учение, по их убеждению, может быть взято на вооружение всеми странами, неодобрительно относящимися к экспансионистской политике США и их союзников по НАТО, ориентированными на сохранение и развитие органичных национальных, этнических, религиозных и культурных традиций, выступающими за многообразие форм хозяйствования и «общество социальной справедливости».

4. ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ (ЕАЭС)

Воплощением евразийских идей на постсоветском пространстве стало интеграционное объединение, построенное на экономической основе, — Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Евразийство и проект ЕАЭС разделяют неопределенность понятия «Евразия». Как идеологический концепт, так и его частичное воплощение в экономическом союзе рассматривают Евразию как пространство, на котором исторически доминировала Россия в силу своего географического расположения в европейской и азиатской частях континента.

Как евразийство в узком смысле, так и проект ЕАЭС к Евразии относят территорию бывшего Советского Союза с некоторыми исключениями и добавлениями. Например, подавляющее большинство экспертов считают Балтийские страны частью Европы, а не Евразии. Некоторые евразийцы к Евразии обычно добавляют Монголию, но исключают Южный Кавказ. При этом ЕАЭС нацелен на включение в свою орбиту Южного Кавказа, а в развитии экономических отношений с Монголией особого интереса пока не просматривается.

Между тем и в случае с евразийством, и в случае с ЕАЭС присутствует основная группа стран или территорий, имеющих непосредственное отношение к Евразии. Это, безусловно, Россия, Белоруссия, восточная и центральная части Украины, Казахстан. На данной территории исторически взаимодействовали между собой Славянская и Степная цивилизации. К этой доминирующей группе стран добавляют государства, которые также хотели бы видеть в рядах членов ЕАЭС, но на второстепенных ролях, — это среднеазиатские государства Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, а также южнокавказские Грузия и Азербайджан. Причем среднеазиатские страны уже являются кандидатами на вступление в Союз, а южнокавказские пока даже не выразили своего интереса к интеграции.

По мнению ряда западных специалистов, ЕАЭС с трудом можно назвать неким воплощением евразийских идей, поскольку, кроме сомнительных экономических выгод, в основном в энергетической сфере, Евразийский экономический союз не использует идейную составляющую евразийства, которая изначально несет в себе мощный культурный и духовный заряд, альтернативный западной системе ценностей. Более того, чиновники ЕАЭС черпают свое вдохновение из текстов основателей Европейского союза, таких как Жан Мане, либо из идей гармоничного развития по-китайски, а не из книг Савицкого или Гумилёва.

Очевидно, что на сегодняшний день нет единого понимания и принятия большинством научного мира определений, даваемых различными исследователями понятиям «Евразия», «Евразиец» и «Евразийство». Несмотря на то что указанные

понятия родились и получили развитие в русской интеллектуальной среде, даже в России отсутствует единство мнений в отношении того, что понимать под указанными терминами. Разрешению сложившейся ситуации во многом препятствует идеологическая окраска рассматриваемых терминов, приданная им с самого начала основателями учения и дополненная в дальнейшем их последователями.

Как представляется, для проведения научных исследований в данной области, а также с учетом интернационализации научных знаний необходимо в начале каждого труда давать соответствующие определения терминам, на основании которых автор строит свои умозаключения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
- Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
- Каплан Р.* Месть географии. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015.
- Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. 2-е изд.; под ред. и с предисловием Г.М. Князева. Пг., 1916.
- Назарбаев Н.А.* Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. М.: Экономика, 2000.
- Назарбаев Н.А.* Эпицентр мира. Алматы: Атамура, 2003.
- Нысанбаев А.С.* Философия взаимопонимания. Алматы: Глав. ред. «Қазақ энциклопедиясы», 2001.
- Савицкий П.Н.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 100—106.
- Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
- Хара-Даван Э.* Чингис-Хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
- Dugin A. G.* Russia. Misterio de Eurasia. Madrid: Grupo Libro88, 1992.
- González-Ruiz M., Santos C., Jordana X., Simón M., Lalueza-Fox C., Gigli E.* et al. Tracing the Origin of the East-West Population Admixture in the Altai Region (Central Asia) // PLoS ONE 7(11), 2012. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048904>.
- Johnson R.* Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.
- Laruelle M.* Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps. Ponars Eurasia, 2015. URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7789> (accessed: 01.12.2017).
- Laruelle M.* Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press, 2008.
- Mackinder H. J.* Geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421—437.
- Ye Z.* Inside China's Grand Strategy. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2011.

Дата поступления статьи: 2.12.2017

Для цитирования: *Базавлук С.В.* Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 273—283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.

Сведения об авторе: *Базавлук Сергей Викторович* — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, советник проректора Российского университета дружбы народов (e-mail: bazavluk_sv@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283

EURASIANISM: TERMINOLOGICAL AMBIVALENCE

S.V. Bazavluk

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation

Abstract. Despite the fact that a lot of research has been devoted to the study of Eurasianism, both in Russia and abroad, the international scientific community seems to still lack a common understanding of both the term “Eurasianism” and its derivatives. And we can talk not only about the socio-political, cultural, philosophical and religious definition of these concepts, but even about the geographical. If the difference in the humanitarian aspects of this issue can be explained in terms of the difference between the social system, ideology, and political structure, then the divergence in the geographical understanding of the Eurasian space and its borders can cause surprise.

At the same time, after the collapse of the Soviet Union, Western scientists began to resort more and more geographically to the regionalization of the world political map, dividing the regions into increasingly smaller fractions right up to the redrawing of national borders, justifying in their writings the emergence of new political entities as a natural course of history, bloc approach of the Cold War period, but also the basic constants of geopolitical science about the confrontation of two global forces: sea and land. In terms of the same geopolitics, the land forces are represented by the “world island”, Heartland or Eurasia.

However, according to the English dictionary Collins, the term “Eurasia” since 2006, the number of its uses in the English-language literature began to grow rapidly, breaking all records of use, since its inception, and occupying a place of honor among other 30,000 most common words.

It seems that this interest is caused by the West's awareness of the fact that Russia was able to overcome the turbulence of the nineties and gradually began to restore its positions, primarily in the outward political arena. Thus, before our eyes there is a return to the topic of Eurasianism among international scholars, but already in new geopolitical realities. With the change in realities, the perception of the basic category of geopolitics-space also changed, which in turn led to a difference in the interpretation of the term “Eurasia” and its derivatives.

Key words: Eurasia, Eurasianism, EAEU, populism, passionarity, ethnogenesis, geopolitics, Sea Power, Land Power

REFERENCES

- Brzezinski, Z. (1998). *The Grand Chessboard*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Brzezinski, Z. (2012). *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. Moscow: Astrel'.
- Dugin, A.G. (1992). *Rusia. Misterio de Eurasia*. Madrid: Grupo Libro88.
- González-Ruiz, M., Santos, C., Jordana, X., Simón, M., Lalueza-Fox, C., Gigli, E. & et al. (2012). Tracing the Origin of the East-West Population Admixture in the Altai Region (Central Asia). *PLoS ONE*, 7(11). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0048904>.
- Gumilev, L.N. (2004). *Ancient Rus and Great steppe*. Moscow: Astrel', AST publ. (In Russ.).
- Hara-Davan, E. (1929). *Genghis Khan as general and his heritage*. Belgrad.
- Ivina, A.A. (Eds.). (2004). *Philosophy: Encyclopedic dictionary*. Moscow: Gardariki publ. (In Russ.).
- Johnson, R. (2006). *Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947*. London: Greenhill.
- Laruelle, M. (2008). *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press with Johns Hopkins University Press.
- Laruelle, M. (2015). *Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps*. Ponars Eurasia. URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7789> (accessed: 01.12.2017).
- Mackinder, H.J. (1904). Geographical pivot of history. *The Geographical Journal*, 23, 421—437.

- Nazarbaev, N.A. (2003). *The world epicenter*. Almaty: Atamura publ. (In Russ.).
- Nazarbaev, N.A. (2000). *Society transformation strategy and revival of the Eurasian civilization*. Moscow: Ekonomika publ. (In Russ.).
- Nysanbaev, A.S. (2001). *The mutual understanding philosophy*. Almaty: Glav. red. “Қазақ enciklopediyasy” publ. (In Russ.).
- Savickij, P.N. (1993). Eurasianism. In: *Russia between Europe and Asia. Eurasian temptation. Antologiya*. Moscow: Nauka. p. 100—106. (In Russ.).
- Ye, Z. (2011). *Inside China's Grand Strategy*. Kentucky: The University Press of Kentucky.

Received: 2.12.2017

For citations: Bazavluk, S.V. (2018). Eurasianism: terminological ambivalence. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 273—283. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283.

About the author: Bazavluk Sergey Viktorovich — Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Advisor to the Vice-Rector of the Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: bazavluk_sv@rudn.university).

© Базавлук С.В., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-284-291

РОЛЬ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ КИРГИЗИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р.С. Бейсебаев

Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева,
Бишкек, Кыргызстан

Интерес к исследованию киргизско-казахских, киргизско-узбекских, киргизско-таджикских взаимоотношений вызван тем, что есть необходимость выявления особенностей совместной работы. Безусловно, государства были взаимозависимы, но каждое в отдельности играло определенную роль в развитии топливно-энергетического комплекса (ТЭК) Киргизии. Республика в двусторонних отношениях с соседними государствами региона определяет пути развития топливно-энергетического комплекса с учетом вопросов суверенности и национальных интересов. Киргизия, располагаясь по соседству с этими республиками, не использует это преимущество, а находит альтернативных партнеров.

Основной целью исследования является определение роли Казахстана, Узбекистана, Таджикистана в топливно-энергетическом секторе Киргизии. В статье отмечается важность укрепления взаимодействия в топливно-энергетическом секторе в контексте противодействия новым вызовам и угрозам национальной и региональной безопасности. В процессе исследования использованы исторический и индуктивный методы анализа. Исторический метод дает возможность в хронологической последовательности фиксировать факты состояния и возникших проблем двусторонних отношений. Индуктивный метод исследования позволяет перейти от изучения отдельных факторов к обобщениям.

В исследовании подчеркивается важность развития интеграционных связей на постсоветском пространстве. Показана роль центральноазиатских стран в межгосударственных отношениях. Указывается необходимость выстраивания более качественного формата политических договоренностей с соседними странами во избежание двусторонних проблем и осуществления перспективных проектов в ТЭК, которые могут улучшить не только экономическое развитие Киргизии, но и всего Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Центральная Азия, сотрудничество, топливно-энергетический сектор, гидроэнергетика

После обретения независимости Киргизия традиционно продолжала сотрудничество в топливно-энергетическом секторе с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Страны не отказались от традиционной системы взаимоотношений. Киргизия не может обеспечивать себя углем в полном объеме, импортируя казахстанский уголь, восполняя недостающую часть собственными ресурсами из центральных и южных областей республики (Кара-Кече, Сюлюкта, Кызыл-Кия и др.). Казахстан, постепенно расширяя рынок экспорта и увеличивая объемы добычи, традиционно поставлял уголь в Киргизию в необходимых объемах.

Слаборазвитая угольная промышленность Киргизии, отдаленность угольных месторождений от промышленных объектов, низкое качество углей (относительно

российского, украинского и казахстанского) — основные причины, по которым страна вынуждена закупать твердое топливо у соседа. Этот факт подтверждает важную роль Казахстана для Киргизии в топливно-энергетическом секторе. Хотя отопительный сезон в Киргизии бывал под угрозой срыва, если уголь из Казахстана поставлялся несвоевременно и возникали разногласия, достаточно вспомнить уголь Куланского месторождения, уличенный в радиоактивности, тем не менее, сотрудничество в поставках угля продолжается.

Импорт казахстанского угля — не единственное направление сотрудничества двух республик в топливно-энергетическом направлении. В киргизско-казахских отношениях особое место занимает сотрудничество в нефтегазовом секторе. В годы СССР и первое десятилетие после его распада казахстанский бензин поступал в Киргизию согласно традиционной союзной схеме из нефтеперерабатывающего завода «Шымкентнефтеоргсинтез» (ШНОС) до тех пор, пока в Казахстане не ввели ограничение на экспорт бензина, а также не начал действовать запрет на экспорт горюче-смазочных материалов (ГСМ) в Киргизию.

Киргизская Республика является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и этот формат может стать решением вопроса поставок из Казахстана. Однако, пока рынок не будет сформирован, действуют двусторонние соглашения, заключенные между государствами-членами в области поставок нефти и нефтепродуктов, определения и порядка уплаты вывозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), если соответствующие государства-члены не договорятся об ином.

Летом 2014 г. у Киргизии возникли проблемы. Ассоциация нефтетрейдеров пыталась доставить в республику около 500 цистерн ГСМ из России, но они были задержаны на киргизско-казахской границе. Казахстан не пропускал груз, объясняя причину тем, что финансовой полицией выявлены коррупционные схемы. Казахские нефтяные продукты оформлялись под видом российских с целью их завоза в КР без оплаты таможенных пошлин. Речь идет о том, что между российским заводом и киргизскими получателями появилось лишнее звено — казахстанские фирмы-посредники. После длительных переговоров цистерны с топливом были пропущены, но упущенное время привело к дефициту и росту цен на ГСМ, что, безусловно, отразилось на экономике страны. В свою очередь, Государственное антимонопольное агентство Киргизской Республики (КР) вышло с предложением к правительству, чтобы рассмотреть вопросы заключения соглашений с Казахстаном по беспошлинным поставкам нефти и нефтепродуктов.

Узбекистан играет не менее важную роль в поставках углеводородов в Киргизию. Горы, разделяющие области Киргизии, осложняют логистику поставок нефтепродуктов в южные регионы республики. Для того чтобы доставить горюче-смазочные материалы (ГСМ) на юг страны по железной дороге, необходим проезд через территорию Узбекистана. Эта логистика работала в годы СССР и продолжала действовать с приобретением независимости. Однако стабильность такой доставки зависела во многом от политической ситуации в двусторонних отношениях. В случае обострения диалога между странами у Киргизии возникали проблемы. В 2013—2014 гг. нефтетрейдеры Киргизии испытывали проблемы

с получением нефтепродуктов, следующих через территорию Узбекистана, в связи с чем этот маршрут был закрыт¹. В настоящее время зависимость от транзита через Узбекистан решается киргизскими нефтетрейдерами путем использования автомобильных магистралей.

Следующее направление сотрудничества Киргизии с Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном — это гидроэнергетический сектор. Гидроресурсы Киргизии используются центральноазиатскими республиками ниже по течению Сырдарьи для обеспечения поливной водой сельскохозяйственных угодий. В Киргизии, в свою очередь, этот вид ресурса работает для выработки электроэнергии.

Соглашение между республиками о координировании использования воды было принято 18 февраля 1992 г. [Куртов 2004: 24]. Однако существенным упущением данного Соглашения, по мнению международного эксперта Д.А. Капонера, было отсутствие обязанностей республик обмениваться информацией и данными относительно водных ресурсов [Капонера 1995: 17]. Отсутствие механизма разрешения межгосударственных спорных ситуаций по использованию и охране трансграничных вод Центрально-Азиатского региона могло привести к конфликтам².

Сотрудничество в области решения водных энергетических проблем³ [Петров 2009; Сыдыков 2010: 81; Валентини, Оролбаев, Абылгазиева 2004: 35; Актуальные проблемы... 2009: 91—101] до сих пор не дает существенных результатов. С 2003 г. Киргизия перешла на заключение межправительственных двусторонних протоколов с Узбекистаном и Казахстаном. В соответствии с ними условия по пропуску воды и поставкам электроэнергии, газа и угля выполнялись с большим напряжением. В связи с избытком воды у Кыргызстана в зимний период, когда республики, расположенные ниже по течению реки Сырдарья, не нуждаются в поливе сельскохозяйственных угодий и утратой интереса соседних государств к импорту киргизской электроэнергии, ОАО «Электрические станции» приступило к поиску новых партнеров, заинтересованных не в воде, а в электроэнергии. В том же году были достигнуты соглашения о поставке киргизской электроэнергии в Россию. Таким образом, напряжение в межгосударственных отношениях, возникшее в 2003 г. в связи с отказом Узбекистана от импорта электроэнергии и водных ресурсов, было снято Российской Федерацией. Киргизия имела возможность транзитом через Казахстан экспортировать электроэнергию в Россию [Касымова 2010: 34].

¹ Нефтетрейдеры Кыргызстана перестали ввозить ГСМ через Узбекистан. URL: <http://news.invest.kz/57602132-nefttreydery-kyrgyzstana-perestali-vvozit-gsm-cherez-uzbekistan> (дата обращения: 23.01.2018).

² Водная инициатива ЕС. Компонент стран Восточной Европы, Кавказа, Центральной Азии (ВЕКЦА). URL: <http://www.oecd.org/environment/outreach/partnership-eu-water-initiative-euwirus.htm> (дата обращения: 23.02.2018).

³ Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Казахстан о комплексном использовании водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ в 1998 г. (Бишкек, 26 декабря 1997 г.). URL: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsj/dok_oecqri.htm (дата обращения: 12.04.2018).

После дебатов 7 декабря 2004 г. депутаты парламента Киргизии отложили ратификацию договора, подписанного Н.А. Назарбаевым и А.А. Акаевым в 2003 г., на неопределенный срок. В 2004 г. ОАО «Электрические станции» продолжило экспортировать электроэнергию в Россию, Казахстан и Таджикистан. На полученные от реализации средства были приобретены: уголь, топочный мазут, природный газ [Касымова 2010: 35—36].

Правительство Узбекистана в 2005 г., так же как и в предыдущие годы, отказалось от подписания двустороннего межправительственного соглашения с Киргизией по использованию вторичных энергетических ресурсов (ВЭР) на 2005 г. и I квартал 2006 г. Поставка природного газа в 2005 г. для нужд ОАО «Электрические станции» (ТЭЦ г. Бишкека и ТЭЦ г. Ош) осуществлялась по коммерческим контрактам с АО «Кыргызгаз». В период с 2005 по 2006 г. условия работы киргизской энергосистемы оставались напряженными, а в 2007 г. ситуация резко ухудшилась. Выход Узбекистана из ЕврАзЭС в конце 2008 г. усложнил вопросы водно-энергетического регулирования в регионе [Ауелбаев 2009]. Ключевая роль в решении водных и энергетических проблем в регионе отводится межгосударственным переговорам [Джайлообаев].

Создание единого рынка энергоресурсов в ЦА требует решения многих проблем экономического, юридического и технического характера. В регионе решение этой проблемы находится на стадии разработки и согласования совместной программы поэтапного формирования единого рынка энергоресурсов в условиях перехода к рыночным отношениям с созданием нормативно-правовой базы и соответствующих межгосударственных структур [Рахматулина 2007: 56].

Проблемы с обеспечением пиковой нагрузки в ОЭС ЦА, изношенность оборудования на гидроэлектростанциях (ГЭС) и теплоэлектростанциях (ТЭС) поставили под угрозу надежность энергоснабжения во всех странах. Каждое государство региона, обладая богатыми запасами энергетических ресурсов, в условиях суверенитета стремится к энергетической независимости с максимальным использованием собственных ресурсов.

Киргизия сократила экспорт электроэнергии в Казахстан в 2013 г. Главной причиной сокращения поставок электроэнергии называют снижение объемов воды в Токтогульском водохранилище. Между странами также возникали определенные проблемы во взаимных расчетах⁴. В связи с похолоданием и со снижением поставок газа из Узбекистана в целях обеспечения внутреннего потребления Казахстан снизил объемы подачи газа в Киргизию. Начиная с 2009 г. Казахстан выражал намерение выйти из единого энергетического кольца (ЕЭК). Если бы Казахстан не отказался от своего намерения, то 40% севера Киргизии оказались бы без света. В первую очередь пострадали бы северные регионы республики. Казахстан отнесся с пониманием и не отключился от ЕЭК.

⁴ См.: *Клеменкова К.* Цены на казахстанский газ: самые высокие — для Кыргызстана, самые низкие — для Швейцарии. URL: <https://365info.kz/2014/07/ceny-na-gaz-strannaya-cenovaya-politika-ili-kommercheskaya-tajna-vsej-strany/> (дата обращения: 23.04.2018).

В целях решения проблем комплексного сбалансированного рационального использования водных ресурсов КР необходимо постоянно поддерживать согласованный режим межгосударственного водораспределения на основе взаимовыгодного сотрудничества центральноазиатских государств в рамках развивающегося в этом регионе рынка водных ресурсов.

Поставки газа из Казахстана и Узбекистана в Киргизию до появления российской компании «Газпром» занимали серьезную долю в экономическом сотрудничестве центральноазиатских государств. Киргизии было удобно обеспечивать север республики поставками из Казахстана, а юг — из Узбекистана. Причем Узбекистан пользуется участком газа и нефти на киргизском массиве Бурганди — месторождение Северный Сох.

В киргизско-узбекских отношениях присутствуют два важных вопроса: проблемы газа и воды. Первые проблемы сотрудничества Киргизии и Узбекистана возникли в период правления А. Акаева. Поднимался вопрос о шантаже узбекской стороной с началом отопительного сезона. Узбекистан объяснял это авариями, но сторонам было ясно, что основная причина — это водопользование в летний период, когда у Киргизии не всегда получалось обеспечить соседей сбросом воды необходимых объемов. Периодически республика не могла оплатить задолженность перед соседями за газ. Ситуация усугубилась после того, как АО «УзТрансГаз» прекратило подачу газа на юг КР из-за истечения срока договора. Узбекистан связывал ограничение подачи газа на юг Киргизии с приграничными проблемами. Из-за прекращения узбекских поставок жители Ошской области оставались без природного газа долгое время, хотя задолженности не было и даже имелась предоплата киргизской стороной.

В результате вышеперечисленных фактов состояния и проблем сотрудничества Киргизии с заявленными странами Центральной Азии можно утверждать, что каждое отдельно взятое государство занимает определенную роль в топливно-энергетическом секторе Киргизии. Особое место занимает Казахстан. Только в случае успешного осуществления гидроэнергетических проектов Бишкек может снизить зависимость от казахстанского твердого топлива. Что касается поставок нефтегазовой продукции из Казахстана в Киргизию, то республикам необходимо выстраивать политико-экономический диалог и формат сотрудничества, который даст доступ к нефтегазовым продуктам официальной Астаны и снизит монополию поставок российского «Газпрома» в Киргизии.

Узбекистан играет не менее важную роль в топливно-энергетическом комплексе Киргизии. Вопросы водопользования не решены и требуют постоянного внимания. Если официальный Ташкент согласится на осуществление гидроэнергетических проектов в Киргизии и будут урегулированы вопросы водопользования, то это может существенно повлиять на двусторонние отношения, в результате чего Бишкек сможет воспользоваться транзитом через соседний Узбекистан при необходимости поставок нефтепродуктов на юг Киргизии. Кроме того, у Киргизии появляется возможность импортировать узбекистанские нефтепродукты и газ, что существенно снимет проблемы южных регионов Киргизии.

Таджикистан не менее важный партнер в связи с тем, что гидроэнергетические проблемы и вопросы водопользования Киргизии и Узбекистана имеют параллель с Таджикистаном, поэтому Бишкеку необходимо выстраивать диалог с Душанбе в проблемных вопросах с Ташкентом и действовать в унисон. Таджикистан также является транзитной территорией, по которой в перспективе можно экспортировать избытки электроэнергии гидроэнергетической отрасли Киргизии в Афганистан, Пакистан и т.д. Кроме того, транзит грузов с северных областей Киргизии в южные регионы проходит через Таджикистан.

Таким образом, региональная экономическая интеграция — это один из способов защиты от влияния и конкуренции мирового рынка. Региональное взаимодействие может обеспечить устойчивость развития акторов и добрососедское сотрудничество. Принцип соседства — главный фактор, который определяет важную роль Казахстана, Узбекистана и Таджикистана в топливно-энергетическом секторе Киргизии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI века: материалы 11-й научно-практической конференции молодых ученых / под ред. Т.А. Закаурцевой. М.: Восток-Запад, 2009.*
- Ауелбаев Б.* Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона. Официальный сайт КИСИ. 2009. URL: <http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/politika-stran-central-noy-azii-i-vodno-energeticheskie> (дата обращения: 24.03.2018).
- Валентини К.Л., Оролбаев Э.Э., Абылгазиева А.К.* Водные проблемы Центральной Азии / Международный ин-т стратег. исслед. при Президенте Кыргызской Республики; Социнформбюро; Фонд им. Фридриха Эберта в Кыргызской Республике. Бишкек, 2004.
- Джайлообаев А.Ш.* Национальное водное право Кыргызской Республики и его увязка с международным водным правом. Приоритеты и проблемы. Направления совершенствования. URL: http://www.cawater-info.net/review/legal_kg (дата обращения: 22.03.2018).
- Капонера Д.А.* Отчет по «Правовой и организационной структуре управления водными ресурсами бассейна Аральского моря», Проект ВАРМАП. Т. VI: Правовые и институциональные аспекты. Ташкент, 1995.
- Касьмова В.М.* Проблемы межгосударственного сотрудничества в области ТЭК стран Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2010. № 1 (6). С. 34—56.
- Куртов А.А.* Водные конфликты в Центральной Азии // Обозреватель — Observer. 2004. № 7. С. 23—35.
- Петров Г.Н.* Совместное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 1(2). С. 103—116.
- Рахматулина Г.* Проблемы энергетического взаимодействия стран Центральной Азии: некоторые пути решения вопроса // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 4 (52). С. 7—18.
- Сыдыков Б.К.* Топливо-энергетическая политика Кыргызской Республики: проблемы и перспективы развития // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 10. С. 81—83.

Дата поступления статьи: 07.02.2017

Для цитирования: *Бейсебаев Р.С.* Роль стран Центральной Азии в топливно-энергетическом комплексе Киргизии: состояние, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 284—291. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-284-291.

Сведения об авторе: Бейсебаев Рахат Сансызбаевич — кандидат исторических наук, декан кыргызско-китайского факультета Бишкекского гуманитарного университета им. К. Карасаева (e-mail: beisebaev.ra@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-284-291

THE ROLE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE FUEL AND ENERGY COMPLEX OF KYRGYZSTAN: THE STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

R.S. Beisebaev

Bishkek Humanities University named after Kuseyin Karasayev,
Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. The need to study the Kyrgyz-Kazakh, Kyrgyz-Uzbek, Kyrgyz-Tajik interstate relations caused by the fact that there is a need to identify the cooperation framework in fuel and energy field. It is clear that Central Asian states were interdependent, but each individually played a role in the development of fuel and energy sector of Kyrgyzstan. Republic in bilateral relations with the neighboring countries of the region determines ways to improve the development of the fuel and energy complex, taking into account the issues of sovereignty and national interests. Kyrgyzstan, located in the neighborhood with these republics, does not use this advantage, but finds alternative partners.

The main purpose of the study determines the role of Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan in the energy sector of Kyrgyzstan. The processes of globalization affect relations between countries activating them and giving more interdependence of the states. The author emphasizes the importance of bilateral integration relations in the fuel and energy sectors of Central Asian countries. The necessity to build a high-quality format of political agreements with neighboring countries to prevent bilateral issues and implementation of promising projects in the sector, which can improve not only the economic development of Kyrgyzstan, but the entire Central Asian region is discussed. The study used historical and inductive analysis methods.

Key words: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Central Asia, relationship, oil and energy sector, hydropower

REFERENCES

- Auelbaev, B. (2009). *Politics of the countries of Central Asia and water-energy problems of the region*. Official site of KISS. URL: <http://kisi.kz/ru/categories/geopolitika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya/posts/politika-stran-central-noy-azii-i-vodno-energeticheskie> (accessed: 24.03.2018). (In Russ.).
- Dzhailoobayev, A.Sh. (n/a). *National water law of the Kyrgyz Republic and its linkage with international water law. Priorities and problems. Areas of improvement*. URL: http://www.cawater-info.net/review/legal_kg (accessed: 22.03.2018). (In Russ.).
- Kaponera, D.A. (1995). *Report on "Legal and Organizational Structure of Water Resources Management in the Aral Sea Basin", Project WARMAP. Vol. VI: Legal and Institutional Aspects*. Tashkent. 1995. (In Russ.).
- Kasymova, V.M. (2010). Problems of Interstate Cooperation in the Field of Fuel and Energy Complexes of Central Asian Countries. *Eurasian Economic Integration*, 1(6), 34—56. (In Russ.).
- Kurtov, A.A. (2004). Water conflicts in Central Asia. *Observer*, 7, 23—35. (In Russ.).
- Petrov, G.N. (2009). Joint use of water and energy resources of Transboundary Rivers in Central Asia. *Eurasian economic integration*, 1(2), 103—116. (In Russ.).

- Rakhmatulina, G. (2007). Problems of energy cooperation of the countries of Central Asia: ways of solving the issue. *Central Asia and the Caucasus*, 4 (52), 7—18. (In Russ.).
- Sydykov, B.K. (2010). Fuel and Energy Policy of the Kyrgyz Republic: Problems and Development Prospects. *Vestnik KRSU*, 10 (10), 81—83. (In Russ.).
- Valentini, K.L., Orolbaev, E.E. & Abylgazieva, A.K. (2004). *Water problems of Central Asia*. International Institute of Strategic Studies under the President of the Kyrgyz Republic; Sotsinformbureau; Friedrich Ebert Foundation in the Kyrgyz Republic. Bishkek. (In Russ.).
- Zakaurtseva, T.A. (Eds.) (2009). *Actual problems of international relations at the beginning of the XXI century: Proceedings of the 11th Scientific and Practical Conference of Young Scientists*. Moscow: Vostok-Zapad. (In Russ.).

Received: 07.02.2017

For citations: Beisebaev, R.S. (2018). The role of Central Asian countries in the fuel and energy complex of Kyrgyzstan: the state, problems and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 284—291. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-284-291.

About the author: *Beisebaev Rakhat Sansyzbaevich* — PhD in History, Dean of the Kyrgyz-Chinese of Bishkek Humanities University named after Kuseyin Karasayev (e-mail: beisebaev.ra@mail.ru).

© Бейсебаев Р.С., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303

РЕФОРМЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

А.А. Казанцев, Л.Ю. Гусев

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

В работе рассматривается актуальная тема реформ нового президента Республики Узбекистан Ш. Мерзиева. Отмечается, что изучение этих реформ и перспектив развития ситуации в Узбекистане чрезвычайно важны с точки зрения интересов всех стран постсоветского пространства, так как Узбекистан является удачно расположенным и самым большим по населению государством Центральной Азии. Связывающие Россию и Узбекистан миграционные процессы и наличие общей террористической угрозы говорят о серьезной заинтересованности России в сохранении стабильности в соседнем государстве.

Цель работы состоит в анализе реформ во внешней политике Узбекистана. Статья опирается на научные работы и экспертные мнения, посвященные ситуации, как в Узбекистане, так и в регионе Центральной Азии. Кроме того, использованы материалы прессы, как узбекской, так и российской.

В заключение указывается на то, что президентом Узбекистана была инициирована масштабная серия реформ, которую уже вполне можно назвать «оттепелью». Она включает в себя значимые меры по открытию внешнему миру. Во внешней политике Узбекистану удалось серьезно улучшить отношения со всеми соседями по региону, а также с Россией и странами Запада.

Авторами сформулированы три сценария дальнейшего развития ситуации в стране: свертывание реформ без серьезных социально-экономических изменений, успешные реформы при сохранении стабильности, выход реформ из-под контроля.

Ключевые слова: Узбекистан, реформы, внешняя политика, Центрально-Азиатский регион

Узбекистан — исторический и транспортный центр Центральной Азии. Он является третьей по численности населения страной постсоветского пространства после России и Украины (на Украине проживает в 2018 г. 45 млн человек, в Узбекистане — 32 млн). С учетом демографической ситуации (в 2017 г. население страны выросло на 3,3%) к 2050 г. Узбекистан станет второй по численности населения страной постсоветского пространства, так как, согласно «среднему» прогнозу ООН, к этому времени население Украины упадет до 36 млн, а Узбекистана вырастет до 40 млн¹.

Многочисленные узбекские диаспоры проживают во всех странах Центральной Азии. Страна имеет существенную экономическую самодостаточность, хотя и импортирует муку, лекарства, машины и оборудование. Узбекистан также имеет мощную армию. Экономическая самодостаточность и сильные силовые структуры являются важным внешнеполитическим ресурсом страны.

¹ United Nations. World Population Prospects 2017. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed: 17.09.2017).

В статье использованы научные работы и экспертные мнения (включая данные экспертных интервью), посвященные ситуации как в Узбекистане, так и в регионе Центральной Азии в целом. При анализе экспертных мнений был сделан акцент на исследования российских авторов. Среди них — работы сотрудников МГИМО (Сергеев В.М., Содиков Ш.Д., Мехдиев Э.Т.), РСМД (Алексеев Е.С.), ИСПИ РАН (Селезнёв И.А.), ИАЦ МГУ (Власов А.В., Караваев А.В.). Кроме того, использованы материалы прессы: узбекской, российской и западной.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ РЕФОРМ

Следует отметить, что у международного исследовательского сообщества до сих пор нет устоявшейся позиции по оценке реформ Ш. Мирзиёева. Авторы данной статьи имели возможность проинтервьюировать многих представителей зарубежного и российского экспертного сообщества по этому вопросу. Западные исследователи в целом поддерживают курс реформ. Однако они выражают определенный скептицизм относительно методов их проведения и полагают, что реформы не изменяют характера политической системы (описываемой ими как жестко авторитарной). Китайские исследователи, в свою очередь, не поддерживают этот скептицизм. Они полагают, что реформы усилят возможности для объективного взаимодействия Узбекистана с КНР в рамках инициативы «Пояс и путь». Российские исследователи в целом позитивно относятся к реформам, прежде всего к их внешнеполитическим аспектам. Небольшое число экспертов государственно-консервативного направления полагают, что реформы, если они пойдут достаточно далеко, могут усилить западное влияние в Узбекистане, а также ослабить влияние России в Центральной Азии. Однако большинство экспертов считают, что на данном этапе реформы абсолютно соответствуют интересам России. Центральноеазиатские эксперты из стран, соседних с Узбекистаном, в большинстве своем очень позитивно воспринимают реформы, так как они создают принципиально новые возможности для взаимодействия государств региона².

Итоги внешнеполитической активности Мирзиёева за год впечатляют. Именно в этой сфере ему удалось за короткий период совершить реальный прорыв, серьезно уменьшив существовавшую при И. Каримове напряженность между Узбекистаном и целым рядом центральноазиатских стран [Казанцев 2005: 80]. Были также резко улучшены отношения с Россией.

За период с сентября 2016 по начало октября 2017 г. состоялось 14 визитов на высшем уровне³. По итогам государственных визитов Ш. Мирзиёева в Кыргызстан, Туркменистан, Казахстан, Россию, Китай и США подписано 245 дого-

² Казахстанско-узбекистанские отношения зависят от президентов. URL: https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan_uzbekistan_relations/28737599.html (дата обращения: 10.03.2018).

³ См.: Жураев С. Узбекистан год спустя: В преддверии большого стратегического рывка. URL: <https://kun.uz/ru/news/2017/09/29/uzbekistan-god-spusta-v-preddverii-bolsogo-strategiceskogo-ryvka?q=%2Fru%2Fnews%2F2017%2F09%2F29%2Fuzbekistan-god-spusta-v-preddverii-bolsogo-strategiceskogo-ryvka> (дата обращения: 10.01.2018).

воров и соглашений на сумму порядка 39,9 млрд дол. США. Состоялось 12 заседаний межправительственных комиссий по торгово-экономическому и инвестиционно-технологическому сотрудничеству, 130 визитов экономических делегаций Узбекистана в зарубежные страны, 267 визитов иностранных бизнес-делегаций в республику. За первые девять месяцев правления Ш. Мирзиёева заключено свыше 320 торгово-инвестиционных соглашений и контрактов на общую сумму порядка 44 млрд дол. США. Чтобы обеспечить их реализацию, утверждены «дорожные карты» с 13 странами⁴.

В начале сентября 2016 г., будучи еще временно исполняющим обязанности президента Узбекистана, Ш. Мирзиёев озвучил внешнеполитические приоритеты государства на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса⁵. Данное выступление проходило в рамках его предвыборной кампании, и его можно считать программным для дальнейшей деятельности Ш. Мирзиёева в качестве главы государства.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЯСА БЕЗОПАСНОСТИ, СТАБИЛЬНОСТИ И ДОБРОСОСЕДСТВА

Как отметил Ш. Мирзиёев, главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана является регион Центральной Азии, с которым связаны основные национальные интересы страны⁶. В данном случае видна определенная преемственность по отношению к традиционной политике Узбекистана. В Концепции внешнеполитической деятельности Узбекистана, принятой при Исламе Каримове, Центральная Азия была обозначена как главный приоритет внешнеполитической деятельности Ташкента. Приоритетность Центральной Азии также была подтверждена тем, что первую встречу в качестве президента Мирзиёев провел с главой Киргизии А. Атамбаевым, а первые визиты новый узбекский президент нанес в соседние государства: Туркменистан и Казахстан. Следующие визиты прошли в Москву и Пекин.

В начале февраля 2017 г. в Узбекистане была утверждена Стратегия развития страны на 2017—2021 гг., которая ориентирует внешнеполитическую деятельность республики на создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства. Это еще раз подтвердило приоритетную роль Центральной Азии для Узбекистана⁷.

В целом Ш. Мирзиёев сумел за короткий срок существенно улучшить отношения со всеми соседями по Центрально-Азиатскому региону, испорченные в период правления И. Каримова. Визиты Ш. Мирзиёева в Казахстан и Туркмени-

⁴ См.: Жураев С. Узбекистан год спустя...

⁵ Шавкат Мирзиёев назвал приоритеты во внешней политике Узбекистана. URL: <https://tengrinews.kz/sng/shavkat-mirziyev-nazval-prioritetyi-vneshney-politike-301901/> (дата обращения: 10.01.2018).

⁶ Там же.

⁷ См.: От сближения Казахстана и Узбекистана выиграют все — эксперты. URL: <https://365info.kz/2017/03/ot-sblizheniya-kazahstana-i-uzbekistana-vyigrayut-vse-eksperty/> (дата обращения: 11.01.2018).

стан, а также визиты Н. Назарбаева в Узбекистан и Туркменистан даже породили разговоры о возможном образовании новой центральноазиатской «оси» Ташкент—Астана—Ашхабад. Впрочем, пока эта «ось» не имеет какого-то особого политического наполнения, будучи оформлением наличия общих интересов трех лежащих ниже по течению рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья стран против двух вышележащих по течению рек стран (Таджикистана и Киргизии) [Гусев 2013: 36].

В отношениях с Таджикистаном в 2018 г. произошел подлинный прорыв: был введен безвизовый режим между двумя странами, принято принципиальное решение о сотрудничестве в водно-энергетической сфере. Этот прорыв готовился долго. В сентябре 2016 г. по личному приглашению Ш. Мирзиёева (на тот момент и.о. президента) с незапланированным рабочим визитом посетил министр иностранных дел Узбекистана А. Камиллов. В начале октября 2016 г. первый раз за много лет в Таджикистан прибыла узбекская делегация. На встрече обсуждалось возможное сотрудничество в сферах водопользования, железнодорожного и автомобильного транспорта и энергетики⁸.

Отношения с Киргизией связывали сходные с Таджикистаном водно-энергетические проблемы, и здесь также было найдено взаимовыгодное решение. В декабре 2016 г. президент Киргизии А. Атамбаев совершил рабочий визит в Узбекистан, где провел переговоры с Ш. Мирзиёевым. Это была первая встреча Ш. Мирзиёева в качестве президента с руководителем другой страны и первый за восемь лет визит главы Киргизии в Узбекистан. Среди обсуждавшихся проблем были вопросы экономического сотрудничества и приграничные вопросы в регионе Ферганской долины. Летом-осенью 2017 г. была согласована делимитация границы между странами (осталось не согласовано всего порядка 15% протяженности границы).

Отношения между Туркменией и Узбекистаном при нынешнем президенте Туркмении Г. Бердымухамедове поступательно улучшались после очень серьезного кризиса, разразившегося в последние годы правления президента С. Ниязова. Как известно, после истории с покушением на президента Туркмении туркменские спецслужбы под предлогом поиска «террористов» ворвались на территорию узбекского посольства и в квартиры узбекских дипломатов. За этим последовала целая серия враждебных действий двух государств относительно друг друга, включая введение узбекских войск на территорию спорного водохранилища и этнические чистки узбеков в приграничных районах Туркменистана.

Существует серьезный потенциал дальнейшего развития туркменско-узбекских отношений, который пытается реализовать Ш. Мирзиёев. В начале марта 2017 г. Мирзиёев посетил с государственным визитом Туркмению. Необходимо особо отметить, что это было его первой зарубежной поездкой в качестве президента Узбекистана, чем была подтверждена существующая для Ташкента приоритетность отношений с государствами Центральной Азии. Ш. Мирзиёев и Г. Бердымухамедов подписали четыре соглашения: договор об экономическом

⁸ См.: Появится ли в Центральной Азии региональный альянс? — Д. Сатпаев. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1488877980> (дата обращения: 13.01.2018).

сотрудничестве, меморандум о дальнейшем развитии взаимодействия в железнодорожном транспорте, межправительственную программу сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере и программу сотрудничества между внешнеполитическими ведомствами⁹. Узбекистан также заинтересован во взаимодействии в газовой отрасли, в частности в экспорте своего газа через трубопроводы, идущие из Туркмении в Китай.

После подписания документов на уровне глав государств были достигнуты договоренности о приграничном сотрудничестве на уровне областей и предприятий¹⁰.

Ключевым внешнеполитическим достижением Мирзиёева является улучшение отношений с Казахстаном. В этом контексте существенно, что второй свой визит в качестве президента Ш. Мирзиёев нанес в Казахстан (а ранее даже планировалось, что это будет первым визитом). В ходе визита большое внимание уделялось экономическим вопросам, возможно, даже созданию совместной экономической зоны¹¹. В связи с общим кризисом на постсоветском пространстве торговые отношения между двумя соседями находились на тот момент в состоянии спада. По итогам 2015 г. товарооборот между двумя странами находился на уровне 3 млрд дол. США, а в 2016 г. эта цифра снизилась до 2 млрд дол. США¹². В ходе визита обсуждались и другие вопросы двустороннего сотрудничества¹³. В частности, было подписано 13 двусторонних документов межгосударственного, межправительственного и межведомственного характера, а также крупные коммерческие контракты¹⁴.

В ходе поездки был подписан документ о сотрудничестве между министерствами обороны двух стран, что позволит усилить координацию в таких областях, как борьба с угрозой международного терроризма, в том числе с территории Афганистана.

В целом есть большие перспективы для сближения позиций Казахстана и Узбекистана уже в краткосрочной перспективе. Существует очень мало секторов, где производители двух стран конкурировали бы между собой. Страны осуществляют тесные торговые связи. Казахстан в списке основных внешнеторговых партнеров Узбекистана после КНР и РФ на протяжении многих лет занимает третье место [Гусев, Казанцев 2015: 31].

Кроме того, Казахстан и Узбекистан довольно сильно зависимы друг от друга в транспортной сфере. Транзит из Узбекистана в северном и восточном направлении осуществляется через Казахстан, а значительная часть все расширяющегося

⁹ См.: Визиты Мирзиёева в страны ЦА, или Первые политические шаги. URL: <https://ru.sputnik.kg/politics/20170307/1032097473/turne-mirziyoeva-po-stranam-ca-cto-prinesut-pervye-shagi.html> (дата обращения: 18.01.2018).

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Появится ли в Центральной Азии региональный альянс? — Д. Сатпаев. URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1488877980> (дата обращения: 13.01.2018).

¹² Там же.

¹³ См.: Президент Узбекистана прибыл с государственным визитом в Астану. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2253185.html> (дата обращения: 27.01.2018).

¹⁴ Там же.

потока товаров из Казахстана проходит через Узбекистан в южном направлении. В области экономической политики обе страны ставят перед собой задачу перехода к индустриально-инновационной экономике. Существует сходство интересов по водно-энергетической тематике, по борьбе с международным терроризмом и предотвращению распространения угроз с территории Афганистана.

РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Вторым направлением внешнеполитической активности Мирзиёева стало укрепление связей с Москвой и Пекином. В связи с этим интересны высказывания китайских экспертов. Так, старший научный сотрудник Центра исследований развития при Госсовете КНР Сюй Тао заявил, что «Высокой оценки заслуживают выдвинутые Президентом Шавкатом Мирзиёевым инициативы по наращиванию связей с соседними странами»¹⁵.

Заведующий отделом Центральной Азии Института России, Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук Китая У Хунвэй отметил: «В республике к настоящему времени уже достигнуты значительные успехи в социальной сфере... В этом плане в Узбекистане накоплен большой опыт, который может быть полезен и для других государств. Хотя Китай в своем развитии добился больших успехов, все же многое еще требует совершенствования, поэтому узбекский опыт заслуживает изучения и даже заимствования в китайской практике»¹⁶.

Однако если отношения с Китаем продолжают стабильно развиваться долгие годы, то в отношениях с Россией был достигнут серьезный прорыв. Это существенно с точки зрения интересов Москвы, так как отношения с Узбекистаном были периодически, мягко говоря, не самыми «теплыми» [Гусев 2005: 67], что было одним из важнейших ограничителей российской «мягкой силы» в регионе [Беспалов, Власов, Голубцов, Казанцев, Караваев, Меркушев 2007: 20].

За три месяца с начала 2017 г. Россия и Узбекистан нарастили товарооборот на 260%. В соответствии с данными Росстата доля России во внешней торговле Узбекистана — 18,5%¹⁷. В качестве экономического партнера Узбекистана Россия занимает второе место после Китая. В 2016 г. в Узбекистан было инвестировано российским бизнесом 4 млрд дол. США¹⁸.

В апреле 2017 г. во время визита президента Узбекистана в Москву между двумя странами был подписан пакет соглашений по реализации торговых контрактов на 3,8 млрд дол. США и значимых инвестиционных проектов на 12 млрд дол. США¹⁹. Среди подписавших контракты с Узбекистаном такие российские компании, как «Газпром», «Ростех», ВЭБ.

¹⁵ Китайские эксперты: стратегия развития Узбекистана пронизана духом реформ. URL: <http://china-uz-friendship.com/?p=11262> (дата обращения: 05.02.2018).

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Экспорт из Узбекистана в первом полугодии 2017 г. увеличился на 13%. URL: <https://regnum.ru/news/2307630.html> (дата обращения: 03.02.2018).

¹⁸ См.: Узбекистан не спешит в Евразийский союз. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/05/10612535.shtml#page1> (дата обращения: 02.02.2018).

¹⁹ Там же.

«Газпромом» был заключен контракт с Узбекистаном на ежегодную покупку 4 млрд кубометров газа. С 2018 г. подписано соглашение о сотрудничестве между Внешэкономбанком и Национальным банком внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан (НБ ВЭД), в рамках которого стороны будут изучать возможность предоставления до 500 млн дол. США на финансирование инвестиционных проектов²⁰. Был подписан меморандум о взаимопонимании между Гендиректором «Ростеха» С. Чемезовым и министром внешних экономических связей, инвестиций и торговли Узбекистана Э. Ганиевым. Запланирована организация производства композиционных материалов, металлообрабатывающей и инструментальной продукции. Кроме того, между странами будут развиваться кооперация предприятий автомобильной промышленности, автоматизация управления воздушным движением на территории Узбекистана, поставки и ремонт газотурбинного и газоперекачивающего оборудования²¹.

В военном плане Узбекистан также постепенно начал сближаться с российской стороной [Селезнев 2017: 147], о чем свидетельствуют подготовка к совместному проведению крупномасштабных учений и возобновление подготовки в России офицеров Вооруженных сил Узбекистана²².

В определенной степени усилению связей с Россией могут способствовать родственные и другие неформальные связи Мирзиёева с известным российским олигархом А. Усмановым и некоторыми другими влиятельными представителями узбекской диаспоры в России.

Следует отметить, что появившиеся в российской прессе после прихода к власти президента Ш. Мирзиёева слухи о возможности вступления Узбекистана в ОДКБ и ЕАЭС были опровергнуты в июле 2017 г. заявлением министра иностранных дел А. Камилова. Вступление в ОДКБ противоречит принципам Концепции внешней политики, утвержденной в 2012 г., где закреплены положения о том, что Узбекистан не будет входить в военно-политические блоки и не будет размещать на своей территории иностранные военные базы. Вступление в ЕАЭС, по мнению многих представителей узбекской элиты, приведет к росту цен [Содилов, Мехдиев 2017: 140]. Также оно противоречит принципам национальной протекционистской политики. Кроме того, после ратификации договора о присоединении к Договору о Зоне свободной торговли (ЗСТ) СНГ Узбекистан и так имеет расширенный доступ к рынкам стран ЕАЭС. В 2019 г. истечет срок преференциальной торговли со странами ЗСТ СНГ. Тогда Узбекистану придется постепенно снижать протекционистские тарифы и акцизы по целому ряду товаров и открывать свои рынки для продукции других участников ЗСТ. Узбекистан уже сегодня испытывает некоторые проблемы при экспорте в страны ЕАЭС своей продукции

²⁰ См.: Узбекистан не спешит в Евразийский союз. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/04/05/10612535.shtml#page1> (дата обращения: 02.02.2018).

²¹ Там же.

²² «Президент надежды Узбекистана» запускает реформы. URL: <https://www.rithneurasia.org/news--2017-08-02--prezident-nadezhdy-uzbekistana-zapuskayet-reformy-31632> (дата обращения: 04.02.2018).

(в частности автомобилей). Поэтому на экспертном уровне прорабатывается вопрос о формировании Зоны свободной торговли «ЕАЭС — Узбекистан» [Селезнев 2016: 217].

Важным, не до конца используемым механизмом сближения двух стран, может стать трудовая миграция. На 2017 г. в России, по данным Росстата, находилось 1 975 506 трудовых мигрантов из Узбекистана²³. Как известно, И. Каримов с пренебрежением относился к мигрантам, называя их «бездельниками». Узбекская статистика даже отрицает серьезный вклад перечислений трудовых мигрантов в национальную экономику, хотя по ряду оценок российских экспертов она эквивалентна 10—15% ВВП. Трудовые мигранты из Центральной Азии играют все большую роль в развитии российских мегаполисов, и в частности Москвы [Сергеев, Кузьмин, Алексеенкова, Казанцев 2007: 35; Сергеев... 2007].

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДОМ

Еще одним направлением во внешнеполитической деятельности Ш. Мирзиёева явилась заявка на серьезное улучшение отношений со странами Запада. Она была сделана в ходе выступления президента Узбекистана на Генеральной Ассамблее ООН 20 сентября 2017 г. Президент рассказал о том, какие реформы были проведены в Узбекистане за год. По его словам, благодаря проводимым реформам в страну возвращаются международные организации западного мира, включая Европейский банк реконструкции и развития (организация прекратила свою деятельность в Узбекистане после Андижанских событий 2005 г.)²⁴.

В связи с этим, как отметил в ноябре 2017 г. первый вице-президент ЕБРР Филипп Беннет, «с того момента, как акционеры ЕБРР приняли решение возобновить работу в Узбекистане, нам удалось подготовить целый ряд проектов, которые будут подписаны до конца текущего и в будущем году. Это позволяет нам с уверенностью смотреть в будущее»²⁵.

В декабре 2017 г. в статье в американской газете «The New York Times» «Узбекистан открывает двери» отмечалось, что «Шавкат Мирзиёев начал реформирование экономики»²⁶. Газета указывала, что «в свежем рейтинге Doing Business Всемирного банка, оценивающем благоприятность условий ведения бизнеса, Узбе-

²³ РАНХиГС. Институт социального анализа и прогнозирования Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения 2015 г. — август 2017 г. URL: http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/monitoring-insap_12-09-2017.pdf (дата обращения: 07.02.2018).

²⁴ Шавкат Мирзиёев выступил в ООН в Нью-Йорке. URL: <https://centre1.com/uzbekistan/shavkat-mirziyoev-vystupil-na-generalnoj-assamblee-onn-v-nyu-jorke/> (дата обращения: 08.02.2018).

²⁵ Кадровые рокировки и дружба с соседями: год президентства Мирзиёева. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20171204/1024057774/god-prezidentstva-mirziyoeva-kadrovye-rokirovki-druzhba-sosedyami.html> (дата обращения: 09.02.2018).

²⁶ The New York Times о реформах Мирзиёева: Узбекистан открывает двери. URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/20171230/7189879/zarubejniye-izdaniya-o-reformah-Mirziyeva.html> (дата обращения: 09.02.2018).

кистан занял 74-ю из 190 позиций, опередив, к примеру, Китай и Украину»²⁷. Старший вице-президент Совета американской внешней политики И. Берман высоко оценил внешнеполитический курс руководства республики в Центральной Азии. Он указал на то, что «это исторический момент в развитии республики, которая становится центром притяжения в Центральной Азии»²⁸.

Среди других направлений возможного взаимодействия с Западом Ш. Мирзиёев указал на борьбу с международным терроризмом и урегулирование афганских проблем²⁹. В связи с этим ведущий бельгийский эксперт, президент аналитической группы «Евроконтинент» Пьер-Эммануэль Томанн отметил, что «идея нового курса узбекского руководства заключается в обеспечении стабильности и безопасности в Центральной Азии посредством укрепления регионального сотрудничества. Это позволит раскрыть в полной мере потенциал региона»³⁰.

Президент Мирзиёев инициировал масштабную серию реформ, которую уже вполне можно назвать «оттепелью». Заметных успехов за первый год правления Ш. Мирзиёева достигла узбекская внешняя политика. Ташкенту удалось серьезно улучшить отношения со всеми соседями по региону. Улучшены отношения с Россией и странами Запада.

Дальнейшая судьба узбекских реформ пока неопределенна. Можно сформулировать три сценария их будущего развития.

Сценарий 1. Свертывание реформ без серьезных социально-экономических изменений. В условиях такой сложной страны, как Узбекистан, реформы могут привести к усилению социально-экономической нестабильности. Именно поэтому И. Каримов, опасаясь усиления позиций исламистов, избегал проведения реформ столь долгое время. В случае ослабления тотального контроля могут укрепиться позиции радикальной религиозной оппозиции. Внешняя политика страны сохранит многовекторный характер, укрепление связей с Россией и Китаем продолжится, так как остановка реформ не даст серьезно нарастить контакты с Западом. Негативным аспектом данного сценария будет то, что быстрая остановка реформ не даст возможности улучшить ситуацию в социально-экономической сфере. Позитивный аспект — сохранение политической стабильности.

Сценарий 2. Успешные реформы при сохранении стабильности. В рамках данного сценария Ш. Мирзиёеву удастся провести успешные реформы, направ-

²⁷ The New York Times о реформах Мирзиёева: Узбекистан открывает двери. URL: <https://ru.sputniknews-uz.com/politics/2017/1230/7189879/zarubejniye-izdaniya-o-reformah-Mirziyeva.html> (дата обращения: 09.02.2018).

²⁸ Современный внешнеполитический курс Узбекистана представлен в США. URL: <http://senat.uz/ru/news/2017/20-10.html> (дата обращения: 08.02.2018).

²⁹ Шавкат Мирзиёев выступил в ООН в Нью-Йорке. URL: <https://centre1.com/uzbekistan/shavkat-mirziyoev-vystupil-na-generalnoj-assamblee-oon-v-nyu-jorke/> (дата обращения: 08.02.2018).

³⁰ Европейский эксперт о новом внешнеполитическом курсе Руководства Узбекистана. URL: <http://www.uzbekistan.de/ru/nachrichten/nachrichten/европейский-эксперт-о-новом-внешнеполитическом-курсе-руководства-узбекистана> (дата обращения: 09.02.2017).

ленные на либерализацию экономики. Это приведет к повышению уровня жизни. Резко усилится приток зарубежного капитала. В этом случае политическая стабильность и элементы авторитаризма в политике сохранятся. Однако в сфере экономики появятся элементы плюрализма и возникнет интеграция узбекских корпораций с зарубежным капиталом (прежде всего западным).

Сценарий 3. Выход реформ из-под контроля. В случае если реформы приведут к временному ухудшению социально-экономического положения масс на фоне ослабления государственного контроля и позиций силовых структур, возможен революционный взрыв. В этой ситуации возникает серьезная угроза прихода к власти радикальных исламистов, что серьезно усилит террористическую угрозу для России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беспалов С.В., Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваяев А.В., Меркушев В.Н.* Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М.: Евразийская сеть политических исследований, Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (МГУ), 2007.
- Гусев Л.Ю.* Россия — Центральная Азия: перспективы отношений // *Обозреватель — Observer*. 2005. № 12 (191). С. 64—68.
- Гусев Л.Ю.* Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. № 6 (33). С. 34—41.
- Гусев Л.Ю., Казанцев А.А.* Российско-казахстанские отношения: проблемы и перспективы // *Управленческое консультирование*. 2015. № 1 (73). С. 29—40.
- Казанцев А.А.* Центральная Азия: Институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе // *Полис. Политические исследования*. 2005. № 2. С. 78—88.
- Селезнёв И.А.* Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 6. С. 209—219.
- Селезнев И.А.* Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 4. С. 143—152.
- Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А.* Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // *Полис. Политические исследования*. 2007. № 2. С. 31—43.
- Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. и др.* Хора московских «ворот» и сценарии ее развития // *Полис. Политические исследования*. 2007. № 2. С. 44—62.
- Содилов Ш.Д., Мехдиев Э.Т.* Перспективы развития ЕАЭС и ЕС // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2017. № 5-3 (45). С. 139—142.

Дата поступления статьи: 27.02.2018

Для цитирования: Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 292—303. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303.

Сведения об авторах: *Казанцев Андрей Анатольевич* — доктор политических наук, директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана, ведущий научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: andrka@mail.ru).

Гусев Леонид Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: lgoussev@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303

REFORMS IN UZBEKISTAN'S FOREIGN POLICY: MAJOR ACHIEVEMENTS AND DEVELOPMENT SCENARIOS

A.A. Kazantsev, L.Yu. Gusev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The actual, still little explored topic of the reforms of the new president of the Republic of Uzbekistan Sh. Merzиеv is considered in the paper. It is noted that the study of these reforms and the prospects for the development of the situation in Uzbekistan are extremely important from the point of view of the interests of all countries of the post-Soviet space, because Uzbekistan is strategically located and has the largest population of Central Asia. The migration processes that bind Russia and Uzbekistan and the existence of a common terrorist threat show our country's serious interest in maintaining stability in the neighboring state.

The aim of the work is to provide an analysis of reforms in the country's foreign policy. Scientific works and expert opinions devoted to the situation, both in Uzbekistan and in the Central Asian region are used in the article. Among them there are the works of MGIMO staff (Sergeyev V.M., Sodikov S.D., Mehdiyev E.T.), Russian International Affairs Council (Alekseyenkova E.S.), Institute for Socio-Political Studies of RAS (Seleznev I.A.), Information Analytical Center of MSU (Vlasov A.V., Karavaev A.V.). In addition, press materials in Uzbek and Russian were used.

In conclusion, it is pointed out that the President of Uzbekistan initiated a large-scale series of reforms, which can already be called a “thaw”. In foreign policy Tashkent managed to improve relations seriously with all its neighbors in the region, as well as with Russia and Western countries.

The authors formulated three scenarios for the further development of the situation in the country.

Key words: Uzbekistan, reforms, foreign policy, Central Asian region

REFERENCES

- Bespalov, S.V., Vlasov, A.V., Golubtsov, P.V., Kazantsev, A.A., Karavaev, A.V. & Merkushev, V.N. (2007). *Mechanisms for the formation of a positive image of Russia in the countries of the post-Soviet space*. Moscow: The Eurasian Network of Political Studies, Information and Analytical Center for the Study of Social and Political Processes in the Post-Soviet Space (Moscow State University). (In Russ.).
- Gusev, L.Yu. (2005). Russia — Central Asia: the prospects for relations. *Observer*, 12 (191), 64—68. (In Russ.).
- Gusev, L.Yu. (2013). Water-energy problems of Central Asia and possible ways of their solution. *Vestnik MGIMO University*, 6 (33), 34—41. (In Russ.).
- Gusev, L.Yu., Kazantsev A.A. (2015). Russian-Kazakh relations: problems and prospects. *The Journal “Administrative Consultation”*, 1 (73), 29—40. (In Russ.).
- Kazantsev, A.A. (2005). Central Asia: The institutional structure of international interactions in the emerging region. *Polis. Political studies*, 2, 78—88. (In Russ.).

- Seleznev, I.A. (2016). The role of institutional structures in the process of Eurasian integration. *Socio-humanitarian knowledge*, 6, 209—219. (In Russ.).
- Seleznev, I.A. (2017). The Role of the CSTO and the SCO in Securing the Security of the Countries of Central Asia. *Socio-humanitarian knowledge*, 4, 143—152. (In Russ.).
- Sergeev, V.M., Kuz'min, A.S., Alekseenkova, E.S. & Kazantsev, A.A. (2007). Moscow and St. Petersburg as centers of attraction of social networks. *Polis. Political studies*, 2, 31—43. (In Russ.).
- Sergeev, V.M., Kuz'min, A.S., Nechaev, V.D., Alekseenkova, E.S., Kazantsev, A.A. & others (2007). The choir of the Moscow gates and scenarios of its development. *Polis. Political studies*, 2, 44—62. (In Russ.).
- Sodikov, S.D., Mehdiyev, E.T. (2017). Prospects for the development of the EAEC and the EU. *Competitiveness in the global world: economy, science, technology*, 5-3 (45), 139—142. (In Russ.).

Received: 27.02.2018

For citations: Kazantsev, A.A. & Gusev, L.Yu. (2018). Reforms in Uzbekistan's foreign policy: major achievements and development scenarios. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 292—303. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303.

About the authors: *Kazantsev Andrey Anatolievich* — Doctor of Political Science, Director of the Center for Central Asian and Afghan Studies, Leading Researcher of the Institute for International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (e-mail: andrka@mail.ru).

Gusev Leonid Yuryevich — PhD in History, Senior Researcher of the Center for Central Asian and Afghan Studies of the Institute for International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (e-mail: lgoussev@yandex.ru).

© Казанцев А.А., Гусев Л.Ю., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕС В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Л.Р. Рустамова

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

В связи с ростом угроз безопасности, связанных с миграционными потоками из неблагополучных регионов мира, необходимостью диверсифицировать транспортные потоки углеводородных ресурсов, ЕС стал обращать внимание на сотрудничество с центральноазиатскими странами. В рамках Стратегии ЕС для Центральной Азии было названо несколько приоритетных направлений, по которым предполагалось строить отношения с постсоветскими республиками наиболее плотно.

Данное исследование ставит целью проанализировать основные проекты по линии гуманитарного сотрудничества и ответить на вопрос: насколько проекты подобного рода являются конкурентными для России, в чью непосредственную зону интересов входят рассматриваемые страны региона. Достижению данной цели способствовало использование в процессе исследования общенаучных методов и системного подхода. В частности, системный подход был применен при анализе взаимоотношений основных субъектов и объектов гуманитарной деятельности, что позволило выявить комплекс исторических, этнических и иных противоречий, которые снижают эффективность гуманитарных проектов для стран региона. При изучении документов, содержащих концептуальное обоснование европейского прихода в регион, а также материалов зарубежных и российских ученых по гуманитарной проблематике региона, которые занимались исследованием основных результатов реализации Стратегии ЕС для ЦА, автор приходит к выводу, что проекты гуманитарного сотрудничества ЕС со странами ЦА не учитывают национальные особенности и первоочередные нужды бывших советских республик. Однако многие проекты являются не менее конкурентоспособными, чем российские, и России следует учитывать их достижения и характер при будущем выстраивании отношений со странами региона, для того чтобы в длительной перспективе оставаться для центральноазиатских республик стратегическим партнером.

Ключевые слова: Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан, права человека, гуманитарная помощь, Стратегия ЕС для Центральной Азии

Как отмечает известный исследователь по гуманитарной проблематике Бруно де Кордье, гуманитарное сотрудничество как вид деятельности крайне важно для укрепления влияния Европы в регионах, охваченных кризисом [Кордье]. Один из таких регионов — Центральная Азия (ЦА). В этом регионе регулярно случаются природные катаклизмы, внутренние вооруженные конфликты, экономические показатели остаются на крайне низком уровне. В постсоветский период страны региона оказались в тяжелом социально-экономическом положении и с 1992 года

все пять центральноазиатских республик были включены ЕС в проекты ТАСИС (Технической помощи по содействию ускорению процесса экономических реформ в странах СНГ) и СПЕКА (Специальная программа для стран Центральной Азии).

Однако до принятия стратегии ЕС ее гуманитарная политика не имела явных очертаний, прежде всего, поскольку это удаленный от ЕС регион, источник «нетрадиционных для него угроз в сфере безопасности: наркотрафика, эпидемий и миграций» [Кассенова 2007: 100]. Еще одной причиной отсутствия большого интереса к региону у европейских стран можно считать тот факт, что ЦА в целом воспринималась в качестве поля действия России как исторической наследницы СССР, куда входило большинство стран региона. Именно Россия выступала основным посредником в урегулировании многих спорных ситуаций в отношениях Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана; МЧС России как основная организация, через которую идет оказание гуманитарной помощи, неоднократно участвовало в предотвращении и ликвидации последствий нередких для региона природных катаклизмов. Тем не менее переоценка ЕС отношений с Россией, нарастание кризисных явлений в сфере транспортировки энергоресурсов, активная деятельность новых игроков в регионе (Китая и США), возрастание рисков, связанных с миграцией населения из очагов нестабильности, побудили ЕС активно наращивать свое присутствие в регионе ЦА по линии гуманитарного сотрудничества — сфере, которая в условиях XXI века стала ключевой для продвижения национальных интересов большинства государств [Федяй, Межеловская 2017]. Отмечая, что «ЕС может поделиться опытом региональной интеграции, которая ведет к политической стабильности и процветанию, в 2007 г. европейские страны приняли Стратегию для ЦА, где в качестве приоритетных направлений гуманитарного сотрудничества были выделены проекты в области образования, укрепления межкультурного диалога, защиты прав человека, управления водными ресурсами и миграционными потоками, борьбы с загрязнением окружающей среды. Эксперты по внешней политике европейских стран отмечают, что для ЕС само слово «гуманитарный» используется, прежде всего, с противодействием нарушению прав человека и насилию, с оказанием помощи в чрезвычайных ситуациях [Зонова 2013], поэтому в данном исследовании мы сосредоточимся на анализе гуманитарных проектов именно по этим двум сферам.

1. СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

До принятия Стратегии ЕС усиленно критиковал страны ЦА за нарушения прав человека, а также применял санкции в отношении некоторых из них. Так, после событий в мае 2005 года, связанных с массовыми задержаниями и запретами демонстраций в Андижанском районе Узбекистана, ЕС сократил и переадресовал экономическую помощь республике на другие страны региона, а также наложил запрет на въезд на свою территорию узбекских чиновников¹. С принятием стратегии

¹ Евросоюз вводит санкции против Узбекистана 4 октября 2005. URL: <https://lenta.ru/news/2005/10/04/eu/> (дата обращения: 05.12.2017).

было заявлено о том, что диалог со странами ЦА в этой сфере усилится. Первым шагом по реализации Стратегии и наращиванию диалога стало снятие санкций, наложенных на Узбекистан. Одновременно на реализацию проектов в сфере реформирования законодательства, связанного с правами человека в этой республике, ЕС выделил в период 2007—2010 гг. около 32,8 млн евро, а в период 2011—2013 гг. — около 42 млн евро [Парамонов 2017: 99].

Помимо помощи стране со стороны ЕС направляются средства на гуманитарные и правозащитные цели со стороны отдельных государств, которые имеют в этой стране и в регионе в целом определенные интересы. Одной из таких стран является Германия. Ее интерес обусловлен тем, что в ней проживает значительная часть населения с немецкими корнями. Для этой части Германия продвигает собственные проекты в сфере оказания помощи по защите прав гражданских активистов, а также образовательные проекты [Михайлина 2014].

Узбекистан декларирует готовность к диалогу в данной сфере, но по сведениям таких международных правозащитных организаций, как Human Rights Watch, FIDH, Redress, ситуация с развитием институтов гражданского общества и защиты прав человека не меняется в лучшую сторону. В стране продолжается давление на национальные правозащитные организации, а средства, выделенные на реализацию проектов в гуманитарной сфере, не доходят до своих адресатов. Так, Узбекистан заморозил в 2008 г. финансы, которые ФРГ направил гуманитарным организациям, поддерживающим этнических немцев в этой среднеазиатской республике².

С большим энтузиазмом Узбекистан реагирует на более узконаправленные инициативы по защите прав человека, представляющие для него интерес. Это не европейский, а российский проект по защите прав трудящихся-мигрантов, в большом количестве работающих на территории России, где в силу демографических проблем [Соловьев 2011] существует нехватка трудовых ресурсов в определенных секторах. Денежные переводы трудовых мигрантов имеют большое экономическое значение для Узбекистана. В 2017 г. омбудсмены России и Узбекистана договорились о необходимости разработать соглашение о сотрудничестве и реализации совместных научных проектов в области развития институтов прав человека, связанных с правами трудящихся на территории зарубежного государства³.

Денежные переводы из России трудовых мигрантов стали также важной статьей дохода для граждан Таджикистана. В течение 1992—2013 гг. общая сумма денежных переводов таджикских трудовых мигрантов из России в Таджикистан составила около 15 млрд дол. США [Парамонов, Строков, Абдуганиева 2017: 99]. Экономика страны находится в тяжелом положении, кроме того, непростые при-

² См.: Бергер К. Средства ФРГ не доходят до немцев в Узбекистане // Информационный портал российских немцев URL: <http://www.rusdeutsch.ru/Nachrichten/2153> (дата обращения: 15.11.2017).

³ См.: Узбекистан активизирует сотрудничество с ООН и Россией в сфере прав человека и миграции // ИА «Фергана». URL: <http://uzxalqharakati.com/ru/archives/14977> (дата обращения: 05.12.2017).

родные условия и острая нехватка воды вынуждают Таджикистан самому отправлять прямой запрос международному сообществу о гуманитарной помощи. Россия на ежегодной основе направляет гуманитарную помощь Таджикистану как напрямую, так и через российские донорские взносы в фонды специализированных международных организаций, таких как Всемирная продовольственная программа (ВПП) ООН и Международная организация гражданской обороны.

Проекты ЕС по оказанию гуманитарной помощи этой стране часто связаны с требованиями улучшить ситуацию с правами человека, в этой связи возникают разного рода конфликтные ситуации на уровне официальных властей и на уровне гражданского общества Таджикистана. Такого рода конфликт возник, например, в 2008 г., когда немецкую благотворительную организацию «ORA International», не связанную напрямую с продвижением Стратегии ЕС для ЦА, но по сути занимающуюся реализацией ее задач в сфере прав человека, обвинили в незаконной религиозной пропаганде⁴. Очевидно, что причина конфликта кроется в том, что организация, занимающаяся не религиозными вопросами, а образованием детей и подростков, профилактикой наркомании, ВИЧ/СПИДа, а также вопросами планирования семьи и предотвращения насилия в семье, не учла национальную специфику этой крупной мусульманской страны. Также в 2016 г. Таджикистан отказался участвовать в совещании ОБСЕ по вопросам прав человека и потребовал сменить статус организации в стране.

Сходная ситуация в этой сфере складывается и в Туркменистане. Несмотря на декларируемую готовность этой страны к диалогу с ЕС по широкому кругу вопросов, Туркменистан остается заинтересованным лишь в сотрудничестве в сфере экономики, а не защиты прав человека. ЕС выделил на проекты по «укреплению национального потенциала Туркменистана по содействию и защите прав человека» — 2,2 млн евро, на период к 5 декабря 2017 г. между туркменским руководством и представителями ЕС прошла уже 17-я встреча, но практических шагов по реализации этих проектов нет до сих пор.

В отличие от Туркменистана, Кыргызстан с первых дней получения независимости достаточно открыто реагировал на европейские инициативы в области защиты прав человека, имплементировав на законодательном и политическом уровне большинство рекомендаций Евросоюза, и заработал репутацию «острова демократии» в Центральной Азии [Лукьянов 2017]. Однако с точки зрения развития экономики Кыргызстан остается слабым государством, и сложная экономическая ситуация обуславливает нестабильность политической обстановки, которая вылилась в два крупных гражданских столкновения в марте 2005 г. и в апреле 2010 г. Понятно, что до реформирования системы защиты прав человека страна нуждается в решении первоочередных экономических проблем, которые становятся причиной социального расслоения и конфликтов на почве национальной вражды [Stern, Druckman 2000]. Предлагая реформы в сфере прав человека, ЕС

⁴ См.: Нигора Бухари-заде. За что в Таджикистане закрыли немецкую гуманитарную организацию? // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/за-что-в-таджикистане-закрыли-немецкую-гуманитарную-организацию/a-3303972> (дата обращения: 15.12.2017).

не спешит инвестировать в эту страну и наращивать с ней товарооборот. Объем торговли ЕС с этой страной незначителен: в 2014 г. он составлял 0,4 млрд дол. США, в то время как российско-киргизский — 2,2 млрд дол. США [Парамонов 2017: 49]. Понимая необходимость наращивания темпов экономического развития, Кыргызстан активно начал процесс сближения с Москвой и проявил интерес к присоединению к Таможенному союзу и Евразийскому экономическому союзу.

Наиболее плодотворно сотрудничество в сфере защиты прав человека, а также в экономике складывается у ЕС с Казахстаном. Реформирование экономики по западному образцу обуславливает доверие Евросоюза к Казахстану, которое проявляется в том, что именно через Казахстан осуществляется координация финансовых отчислений на реализацию Стратегии для ЦА. Основной орган, который занимается организационными и иными вопросами направления финансовых средств в страны региона, — «Генеральный директорат Комиссии по гражданской обороне и гуманитарной помощи» — расположил свой офис в Алматы, и именно через него денежные средства распределяются между региональными отделениями европейских неправительственных и правительственных организаций. Кроме того, только с этой республикой ЕС подписал полноценное Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве, которое делает механизм сотрудничества более понятным и прозрачным. При этом, активно сотрудничая с Евросоюзом, Казахстан не является простым реципиентом помощи, эта страна сама пытается возглавить процесс сближения с Европой, предлагая свои форматы и условия. Казахстан сам на регулярной основе поддерживает диалог с западными странами по теме защиты прав человека в формате конференций, круглых столов и симпозиумов. В 2008 г. он выступил с инициативой «Путь в Европу», в которой предложил программу расширения сотрудничества по тем областям, которые интересовали его больше всего: создание условий для налаживания технологического сотрудничества, энергетического сотрудничества, развития малого и среднего бизнеса.

В сфере гуманитарной Казахстан предлагает ЕС мультиплицировать свой опыт эффективных механизмов обеспечения межэтнического и межконфессионального согласия на территории Европы⁵. Центральноазиатская республика также стремится усилить свое влияние и в самом регионе, предлагая выступить в качестве связующего звена между ЕС и всеми остальными республиками. Для этого Казахстан сам становится донором помощи на гуманитарные цели для своих соседей. В частности, в период 2000—2012 гг. треть всех средств, назначенных на гуманитарные цели, были потрачены именно на проекты в соседних странах региона [Стрежнева 2016].

В 2011 г. в казахском городе Жанаозене, в ходе забастовки работников нефтяного предприятия, начались беспорядки и насилие со стороны полицейских сил, что повлекло гибель и увечья десятков людей. Жесткая реакция со стороны ЕС, отдельных зарубежных политических деятелей в отношении мер по урегулированию ситуации была болезненно воспринята политическим руководством и стала

⁵ О Государственной программе «Путь в Европу» на 2009—2011 годы. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-200809100240> (дата обращения: 15.12.2017).

причиной того, что Казахстан начал внедрять меры господдержки собственных неправительственных организаций, занимающихся проектами по защите прав человека и укреплению институтов демократии, большое внимание уделять международному освещению их успехов. В 2016 г. под эти проекты были выделены конкретные денежные средства: 208 млн тенге⁶.

Представители НПО и гражданские активисты Центрально-Азиатского региона в целом очень скептически оценивают европейские проекты по защите прав человека. Так, в июне 2012 г. 46 таких организаций выступили с обращением к Евросоюзу «Пятилетняя годовщина стратегии ЕС по Центральной Азии: Установление прав человека в центре действий ЕС», где подвергли сомнению результативность мер, предложенных европейскими странами⁷. В то же самое время многие специалисты по гуманитарной проблематике также отмечают, что непродуманные проекты гуманитарной помощи в некоторых случаях приносят вред, а не пользу [Petlin 1998], чего также часто не удастся избежать и ЕС при реализации своей гуманитарной политики.

В другой области: оказания гуманитарной помощи центральноазиатским республикам, особенно примечательны европейские инициативы по решению вопроса нехватки водных ресурсов, которые являются причинами более широкого круга проблем.

2. ИНИЦИАТИВЫ ЕС ПО РЕШЕНИЮ ВОДНЫХ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА

Основная проблема, связанная с водными ресурсами, состоит в том, что воды двух рек — Сырдарья и Амударья, протекающих по территории Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана и Туркменистана, распределены неравномерно и странам крайне сложно договориться о режиме пользования, поскольку:

1) у стран отличаются цели использования воды: Кыргызстан и Таджикистан — страны так называемого «верховья», не обладая углеводородными ресурсами, получают энергию за счет ГЭС, а Казахстан, Узбекистан и Туркмения — страны низовья, нуждаются в водных ресурсах для сельского хозяйства;

2) у стран совпадают периоды, когда водных ресурсов требуется больше всего: Казахстан, Узбекистан и Туркмения используют воду весной и летом для орошения полей, а Кыргызстан и Таджикистан в этот же период сберегают воду, для того чтобы ее было достаточно для сброса зимой;

3) к нехватке водных ресурсов добавляется проблема экологического загрязнения вод и опустынивания почвы, решение которых являются очередным камнем преткновения в отношениях. Страны «верховья» обвиняют страны «низовья» в том, что те при орошении земли неэффективно используют ирригационные системы, и это приводит к бесполезной утрате воды. Так, по вине неграмотного

⁶ НПО в Казахстане: как государство взаимодействует с общественниками? URL: <https://informburo.kz/stati/npov-kazahstane-kak-gosudarstvo-vzaimodeystvuet-s-obshchestvennikami-.html> (дата обращения: 15.12.15).

⁷ Civil Society Appeal — Five Year Anniversary of EU Central Asia Strategy. URL: www.hrw.org/news/2012/06/19 (дата обращения: 12.01.18).

использования водных ресурсов рек происходит стремительное высыхание Аральского моря, что еще больше усугубляет экологическую обстановку в регионе, становясь причиной осолонения почвы, изменения климата на более засушливое лето и продолжительную холодную зиму.

Поскольку сами постсоветские республики ЦА пока не выработали общий механизм по взаимовыгодному использованию водных ресурсов, европейские инициативы по решению проблемы исходят из того, что странам региона необходимо наладить межнациональный диалог и перейти на меры более эффективного использования, а также предотвращения дальнейшего загрязнения рек и озер в регионе. В частности, при содействии ЕС состоялась встреча центральноазиатских республик в 2008 г. в Ашхабаде, в результате которой стороны подписали документ «Укрепление регионального сотрудничества ЕС — Центральная Азия по вопросам окружающей среды и водных ресурсов». В 2010 г. для решения проблемы были выделены инвестиции в размере 65 млн евро на период 2010—2013 гг. для всего региона [Лихачева 2014: 55]. Кроме того, ЕС использует и опыт России, которая плодотворно сотрудничает с бывшими советскими республиками по водной проблематике в двухстороннем формате. В 2008 г. ЕС начал диалог с Кыргызстаном по реформированию законодательства в сфере использования водных ресурсов, а также водных проектов на озере «Иссык-Куль», Таджикистану было предложено финансирование строительства ГЭС малой мощности. Свои пути решения проблемы предложила и Германия, представив в 2008 г. так называемую «Берлинскую Водную инициативу по Центральной Азии», в рамках которой предполагалось вкладывать 5 млн евро ежегодно на установление политических консультаций между представителями стран региона с целью налаживания совместного эффективного механизма использования водных ресурсов рек, а также введения технических и экономических инноваций для лучшего распределения водных ресурсов в сферах хозяйствования [Рустамова 2016: 126].

ФРГ неоднократно пыталась помочь наладить межнациональный диалог стран региона и на площадке международных конференций. Например, в 2015 г. была организована конференция в Берлине «Вода и добрососедские отношения в Центральной Азии». Однако, несмотря на наличие декларативной готовности установить партнерские отношения и использовать водные ресурсы на взаимовыгодной основе, подписание большого количества документов, содержащих принципы подобного партнерства, водные инициативы ЕС и Берлина остаются лишь проектами на бумаге, поскольку для практических шагов по их воплощению отсутствует политическая воля и желание у руководства ряда стран ЦА. Сбалансированному европейскому подходу в использовании водных ресурсов они предпочитают не связывать себя никакими обязательствами и стремятся обеспечить для себя режим наибольшего благоприятствования в использовании общих водных ресурсов. Так, Узбекистан отказался участвовать в переговорах по предложению ЕС соорудить каскадные дамбы на реке «Нарын» в Кыргызстане и реке «Вакш» в Таджикистане, впадающих в Сырдарью и Амударью, которые могли бы решить проблему по следующей схеме: в зимний период верхние дамбы смогут спускать воду для удовлетворения потребностей стран «верховья» в электроэнергии, в летние

месяцы нижние дамбы смогут выпускать воду для ирригационных нужд стран «низовья» [Лихачева 2014]. Таджикистан в это же время, несмотря на протесты Узбекистана, продолжает строительство Рогунской ГЭС, а Кыргызстан — строительство гидроэлектростанции «Камбар-ата-2» и ведет переговоры с Россией о совместном строительстве «Камбар-ата-1».

Немаловажным фактором неэффективности европейской водной инициативы является и то, что на нее затрачено меньше всего средств. По оценкам экспертов, наибольшие инвестиции из бюджета ЕС и со стороны крупного частного бизнеса были направлены на «энергетику и транспорт», «экономику и торговлю», почти на треть меньшая доля инвестиций приходится на «молодежь и образование», «права человека, верховенство закона и демократизацию»; и «вполовину меньшая сумма на экологию и водные ресурсы» [Стратегия ЕС в ЦА... 2013]. Очевидно, что проекты, связанные с водными ресурсами в странах, где наблюдается низкий уровень участия общественности в экологической политике и экологических мероприятиях, требуют несравнимо большего финансирования.

Конфликт интересов по поводу использования вод Сырдарьи и Амударьи обостряют межнациональные отношения, а также становятся проблемой этнических конфликтов. В 2015 г. президент Узбекистана Ислам Каримов заявил, что водные проблемы в регионе «могут усугубиться до такой степени, что вызовут не только серьезное противостояние, но даже войны»⁸. В 2016 г. при попытке вернуть контроль над гидротехническими сооружениями со стороны Ташкента на грани вооруженного противостояния оказались Узбекистан и Таджикистан. В этих условиях консолидированный подход ЕС только затягивает поиск путей выхода из кризиса. Решение же водных проблем на основе двусторонних соглашений, применяемое Россией, дает определенные результаты. Соглашения о строительстве ГЭС, сохранения экосистем водных ресурсов для решения проблем водного дефицита у России подписаны с Кыргызстаном, Таджикистаном, Казахстаном. При этом у России больше возможностей для оказания услуг посредника в споре по водным ресурсам, поскольку постсоветские центральноазиатские республики входят в совместные с ней интеграционные объединения: ШОС, ЕвроАзЭС, ОДКБ, СНГ. «Дорожная карта» по налаживанию взаимодействия в водно-энергетическом регулировании в Центральной Азии, в частности, разрабатывалась в рамках ЕвроАзЭС в 2006 г. Многие положения «дорожной карты» затем легли в основу межгосударственных соглашений о взаимовыгодном использовании водных ресурсов региона.

Таким образом, выстраивая отношения со странами ЦА и выдвигая амбициозные проекты по тому или иному направлению, ЕС приходится учитывать несколько факторов. Во-первых, у стран региона сложились тесные взаимосвязи с Россией и многие европейские инициативы перекликаются с тем, что в той или иной области уже сделала РФ. Во-вторых, экономические проблемы вкупе с проблемами развития демократических институтов власти в регионе осложняют

⁸ Сейидов А. Губит людей вода // Лента. Ру. URL: https://lenta.ru/articles/2017/05/18/wasser_krieg/ (дата обращения: 12.01.18).

работу неправительственных европейских организаций и обуславливают тот факт, что, несмотря на декларируемую готовность следовать тем направлениям, которые очерчены в качестве приоритетных в Стратегии развития для ЦА, сами центральноазиатские страны более заинтересованы в проектах, которые могут помочь поднять экономику на новый уровень. В-третьих, практически все страны региона конкурируют между собой в освоении водных ресурсов, и этот фактор осложняет межгосударственные отношения, что не способствовало эффективной реализации Стратегии ЕС, в основе которой лежит консолидированный подход. Осознавая недоработки Стратегии, ЕС приступил к разработке нового проекта документа, который должен быть готов к 2019 г., что означает усиление конкуренции внешних игроков за возможность участия в политическом и экономическом развитии центральноазиатских республик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Зонова Т.* Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы». Российский совет по международным делам. 2013. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/> (дата обращения: 12.12.2017).
- Кордые Б.* Гуманитарная помощь Евросоюза и гражданская защита в Центральной Азии: прошлые и будущие кризисы. URL: http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_icticontent/EUCAM-PB-29-Humanitarian-aid-RU_01.pdf (дата обращения: 12.12.2017).
- Лихачева А.Б.* Российско-европейские отношения в урегулировании водно-энергетической проблемы Центральной Азии в среднесрочной перспективе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 3. С. 47—67.
- Лукьянов Г.* Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. Российский совет по международным делам. 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> (дата обращения: 12.12.2017).
- Михайлина И.* Гуманитарные проекты Германии: от лихорадки Эбола до неразорвавшихся мин // Germany-online.ru. 18.08.2014. URL: <http://www.germania-online.diplo.de/Vertretung/russland-dz/ru/01-politik/aussenpolitik/humanitaere-projekte-des-aa.html> (дата обращения: 12.12.2017).
- Парамонов В.В., Строков А.В., Абдуганива З.А.* Влияние Европейского союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017.
- Рустамова Л.Р.* «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2016.
- Соловьев Э.Г.* Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // Международная жизнь. 2011. № 8. С. 47—60.
- Стратегия Европейского союза в Центральной Азии на 2007—2013 гг.: предварительные итоги:* монография / под общ. ред. А.Е. Чеботарева. Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Центр германских исследований Каз-НУ им. аль-Фараби; Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2013.
- Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э.* Европейский союз: архитектура внешней политики. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Федяй И.В., Межеловская М.О.* Методологические и теоретические основы гуманитарного измерения внешней политики // Вестник КРСУ. 2017. Том 17. № 4. С. 87—90.
- Kassenova N.* The EU in Central Asia: strategy in the context of Eurasian geopolitics // Central Asia and the Caucasus. 2007. № 4. P. 99—108. (In Russ.).

Perrin P. The Impact of humanitarian aid on conflict development // *International Review of the Red Cross*. № 323, 30 June 1998. URL: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/57jpcj.htm> (дата обращения: 12.12.2017).

Stern P.C., Druckman D. New Challenges to Conflict Resolution: Humanitarian Nongovernmental Organizations in Complex Emergencies // National Research Council. *International Conflict Resolution After the Cold War*. Washington, DC: The National Academies Press, 2000. DOI: 10.17226/9897.

Дата поступления статьи: 6.03.2018

Для цитирования: *Рустамова Л.Р.* Гуманитарная деятельность ЕС в центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 304—314. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314.

Сведения об авторе: *Рустамова Лейли Рустамовна* — кандидат политических наук, преподаватель кафедры МПП, эксперт отдела докторантуры и аспирантуры Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: leili-rustamova@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314

EU HUMANITARIAN ACTIVITIES IN THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

L.R. Rustamova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation;

Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russian Federation

Abstract. In connection with the growing security threats related to migration flows from the troubled regions of the world and the need to diversify transport flows of hydrocarbon resources, the EU began to pay attention to the cooperation with the Central Asian countries. Within the framework of the EU Strategy for Central Asia, several priority areas were adopted, according to which it was planned to build relations with the post-Soviet republics most closely.

This study aims to analyze the main projects in the field of humanitarian cooperation between the EU and the Central Asian countries and to establish to what extent such projects are competitive in comparison with the Russian ones, as the countries of the region belong to the area of Russian interests. To achieve this goal the author used general scientific methods and systematic approach. While analyzing the documents which give the theoretical explanation of the importance of the region for European partners and materials of foreign and Russian researchers devoted to the humanitarian problems of the region and the main results of the EU Strategy for Central Asia, the author comes to the conclusion that the projects of humanitarian cooperation of the EU with the countries of Central Asia do not take into account the national characteristics and priority needs of the former Soviet republics. However, many projects are quite competitive in comparison with the Russian ones and in order to stay as a strategic partner in the long-term future for the countries of the region Russia needs to take into account their best characteristics and achievements.

Key words: Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, human rights, humanitarian assistance, EU Strategy for Central Asia

REFERENCES

- Chebotarev, A.E. (Ed.) (2013). *Strategy of the European Union in Central Asia for 2007—2013: preliminary results*: Monograph. Almaty: Center for Topical Studies “Alternative”; Center for German Studies KazNU. al-Farabi; The Foundation. Friedrich Ebert in Kazakhstan. (In Russ.).
- Cordier, B. *EU humanitarian assistance and civil protection in Central Asia: past and future crises*. URL: http://www.eucentralasia.eu/uploads/tx_ictcontent/EUCAM-PB-29-Humanitarian-aid-RU_01.pdf (accessed: 12.12.2017). (In Russ.).
- Kassenova, N. (2007). The EU in Central Asia: strategy in the context of Eurasian geopolitics. *Central Asia and the Caucasus*, 4, 99—108. (In Russ.).
- Likhacheva, A.B. (2014). EU-Russia Relations Regarding Water Resources in Central Asia. *International Organizations Research Journal*, 9(3), 47—67. (In Russ.).
- Luk'yanov, G. (2017). *Kyrgyzstan: “island of democracy” before the challenge of effective governance*. Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> (accessed: 12.12.2017). (In Russ.).
- Mikhaylina, I. (2014). *Humanitarian projects in Germany: from Ebola fever to unexploded mines*. Germany-online.ru. URL: <http://www.germania-online.diplo.de/Vertretung/russland-dz/ru/01-politik/aussenpolitik/humanitaere-projekte-des-aa.html> (accessed: 12.12.2017). (In Russ.).
- Paramonov, V.V., Stokov A.V., Abduganiva Z.A. *The impact of the European Union on Central Asia: review, analysis and forecast*. Almaty: The Friedrich Ebert Foundation, 2017. 117 s. (In Russ.).
- Rustamova, L.R. (2016). *“Soft power” in the foreign policy of modern Germany*. [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
- Soloviev, E.G. (2011). Humanitarian dimension of “soft power”: “human security” in the foreign policy of the Russian Federation. *International Life*, 8, 47—60. (In Russ.).
- Strezhneva, M.V. & Rudenkova, D.E. (2016). *The European Union: the architecture of foreign policy*. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.).
- Zonova, T. (2013). *Humanitarian cooperation between Russia and the European Union as an instrument of “soft power”*. Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/> (accessed: 12.12.2017). (In Russ.).
- Fedya, I.V. & Mezhelovskaya, M.O. (2017). Methodological and theoretical foundations of the humanitarian dimension of foreign policy. *Vestnik KRSU*, 17(4), 87—90. (In Russ.).
- Perrin, P. (1998). The Impact of humanitarian aid on conflict development. *International Review of the Red Cross*. № 323. URL: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/57jpcj.htm> (accessed: 12.12.2017).
- Stern, P.C. & Druckman, D. (2000). New Challenges to Conflict Resolution: Humanitarian Non-governmental Organizations in Complex Emergencies. In: *International Conflict Resolution After the Cold War*. National Research Council. Washington, DC: The National Academies Press. DOI: 10.17226/9897.

Received: 6.03.2018

For citations: Rustamova, L.R. (2018). EU humanitarian activities in the Central Asian countries of the Post-soviet space: challenges and opportunities for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 304—314. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-304-314.

About the author: Rustamova Leili Rustamovna — PhD in Political Science, Assistant Lecturer at the World Politics Department, expert of PhD and postgraduate study Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); Researcher of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) (e-mail: leili-rustamova@yandex.ru).

© Рустамова Л.Р., 2018

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

К.П. Курылев, Р.М. Курбанов,
А.Б. Макенова, А.А. Хотивришвили

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Система международных отношений находится в постоянном изменении, где появляются новые вызовы, проблемы, определенные тренды. В этом смысле глобальная миграция не является исключением. В данном исследовании речь идет о том, что мигранты из Центральной Азии в последние годы устремлены против традиционно сложившегося направления, где на смену России приходят другие страны Европы.

Подобная тенденция не может являться краткосрочной по ряду внутренних и внешних причин, где глобализация, нивелирующая естественные границы государств, способствует постепенному росту мировой миграции. Более того, ведущие страны Европы с высоким уровнем экономического развития всегда привлекали иностранцев, которые находились в поиске работы и лучшей жизни. Среди других причин актуальности этой проблемы можно назвать и быстрое демографическое развитие ЦА, заинтересованность европейских стран в более дешевой рабочей силе, но, тем не менее, достаточно квалифицированной. Помимо этого экономический кризис в России, усложнение миграционной политики, ослабление курса валюты, а также зависимость бюджета стран ЦА от денежных переводов из-за границы в комплексе провоцируют большую заинтересованность в смене традиционного миграционного направления.

Цель работы — исследовать феномен постепенного увеличения числа мигрантов из стран Центральной Азии в Европу и проанализировать причины и последствия данного явления в контексте актуальной международной обстановки.

По итогам рассмотрения проблемы авторы делают вывод о том, что количество мигрантов из Центральной Азии в странах Европейского союза постепенно увеличивается. В следующие десятилетия этот феномен также будет актуален из-за высокого темпа рождаемости и относительно молодого среднего возраста граждан в странах ЦА, потребности ЕС в дешевой и одновременно квалифицированной рабочей силе, невысокого уровня экономики ЦА и экономического кризиса в России.

Ключевые слова: Центральная Азия, Европейский союз, миграция, экономический кризис, Российская Федерация

Миграционные потоки из региона Центральной Азии в страны Европы являются все еще слабо изученной проблемой, несмотря на ее масштаб. В соответствии с данными ООН количество мигрантов из Казахстана в страны Северной, Южной, Западной Европы с 2010 по 2015 г. увеличилось с 1 040 377 до 1 082 940 человек¹ в год.

¹ Статистика ООН по международной миграции. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockTotal_2015.xlsx (дата обращения: 28.12.2017).

Российскими авторами больше исследуется вопрос трудовой миграции из Центральной Азии в Россию. Так подчеркивается значимость миграции в истории отношений всех пяти центральноазиатских стран с Россией, а также феномен «русскоязычной» диаспоры и его значения в течение 20 века [Ситнянский, Бушков 2016]. Также выпускаются различные доклады, где исследуются проблемы и возможности в отношениях между странами [Интересы России в Центральной Азии... 2013].

Миграция играет жизненно важную роль в социально-экономической истории Европы и Центральной Азии. Считается, что изменения в политике не должны строиться на основе возможной изоляции друг от друга. Политические реформы должны помочь мигрантам справиться с повышенной и неизбежной гибкостью на рынках труда [Timmer 2017].

Количество мигрантов из ЦА в РФ по-прежнему остается большим, но фокус данной работы сосредоточен на миграционном движении из центральноазиатских стран в ЕС [Muhre 2012]. В связи с тем что миграционный вопрос является важным в политике стран ЦА, были также рассмотрены различные документы, соглашения и заявления первых лиц относительно этой сферы.

За многие годы европейские страны постепенно развивали свою миграционную политику, временами ее ужесточая, а временами, наоборот, способствовали росту иммиграции. Сегодняшняя ситуация осложняется тем кризисом, который связан с беспрецедентным потоком беженцев с 2014 г. из стран Африки и Ближнего Востока в Европу.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ РОСТА МИГРАЦИИ ИЗ ЦА В ЕВРОПУ

В различных трудах исследователей обычно подчеркивается устоявшаяся точка зрения о традиционных миграционных путях из ЦА в Российскую Федерацию по причине как минимум общего советского прошлого [Гусаков, Андронова 2014]. Однако из виду упускается тот факт, что одновременно растет количество мигрантов из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана в других странах Европы, что наглядно видно из диаграмм на рис. 1.

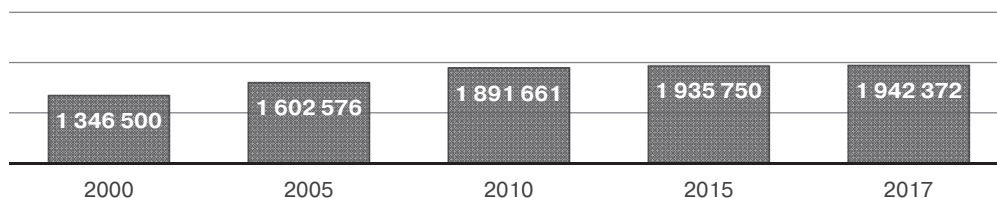

Рис. 1. Рост международных мигрантов из стран Центральной Азии в Европу (без учета миграции в РФ) в 2000—2017 гг. /

Fig. 1. Growth of the number of international migrants from Central Asia to Europe (without migration to Russia), 2000—2017

Источник / Source: Статистика ООН по международной миграции. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/data/UN_MigrantStockByOriginAndDestination_2017.xlsx (дата обращения: 16.05.2018)

С 2000 г. по настоящее время наблюдается положительная динамика, так как количество мигрантов за 17 лет увеличилось почти на 600 тыс. человек. Однако рост миграции резко замедлился после 2010 г. Тем не менее последние приведенные данные показывают, что проблема миграции остается актуальной и сегодня. Это, в свою очередь, заставляет задаться вопросом: «Каковы основные элементы этого процесса?» Рассмотрим ряд внутренних и внешних причин.

Одной из самых главных причин увеличения экспорта рабочей силы является рост населения Центральной Азии. На 2016 г. в пяти странах проживало чуть больше 69 млн человек². Общий прирост населения в 2016 г. в сравнении с 2000 г. составил более 14 млн (рис. 2).

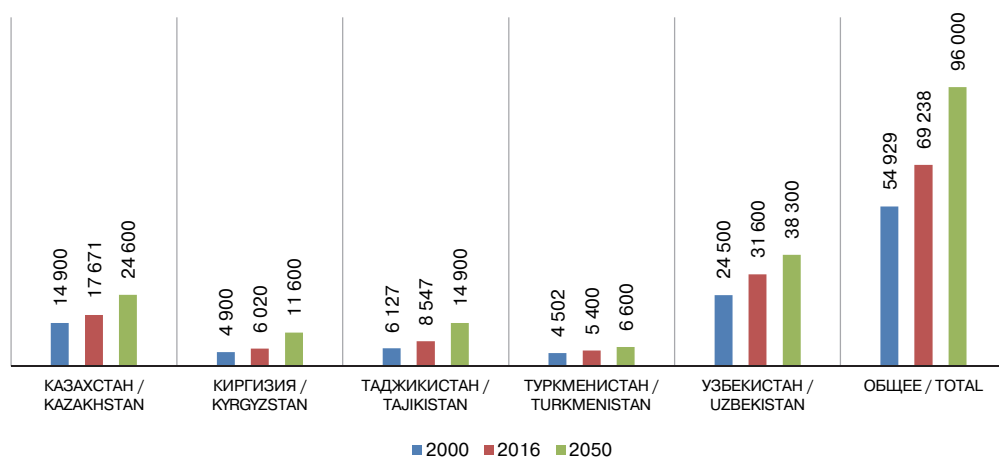

Рис. 2. Численность населения стран ЦА (прогноз на 2050 г.) (тыс. человек) / **Fig. 2.** Population of Central Asian countries (forecast for 2050) (thousand people)

НИСИ Кыргызской Республики спрогнозировал рост населения ЦА к 2050 г.³ Таким образом, согласно приведенному прогнозу, рост составит около 27 млн человек. Интересно сравнить этот прогноз с другим, касающимся численности населения стран Европейского союза к 2050 г. На официальном сайте европейской статистики⁴ представлены данные о том, что на территории ЕС к середине XXI века будет проживать более 528 млрд человек. Сравнивая оба прогноза, выясняется, что темпы роста населения в пяти странах Центральной Азии значительно превысят темпы роста в европейских странах (рис. 3).

² Институт демографии НИУ «Высшая школа экономики». «15 новых независимых государств. Численность населения на начало года, 1950—2016, тысяч человек». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pop.php (дата обращения: 28.12.2017).

³ Информационное агентство «Кактус Медиа». «НИСИ: к 2050 г. численность населения Центральной Азии достигнет 96 млн». URL: https://kaktus.media/doc/329511_nisi_k_2050_gody_chislennost_naseleniia_centralnoy_azii_dostignet_96 mln.html (дата обращения: 28.12.2017).

⁴ Официальный сайт статистической службы Европейского союза. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 28.12.2017).

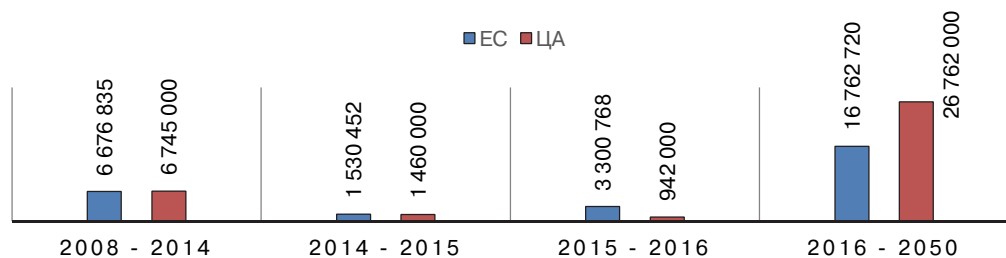

Рис. 3. Прирост населения в ЕС и ЦА. Сравнение / **Fig. 3.** Population growth in the EU and Central Asia. Comparison

Следующая причина — средний возраст населения. В странах Центральной Азии эта цифра составляет 26 лет⁵. В Европе средний показатель держится на уровне почти 40 лет⁶. Что касается трудоспособных граждан ЦА (15—64 лет), то их насчитывается 65—67% от общего числа населения. С одной стороны, это может положительно повлиять на экономику стран ЦА, с другой стороны, рост численности городского трудоспособного населения создает дополнительную нагрузку на рынок труда, что может вылиться в еще один стимул для трудовой миграции⁷. В том случае, если внутренний рынок не предоставляет достаточных и привлекательных условий для трудоустройства, граждане отправляются на заработки в другие страны [Чудиновских 2011].

Денежные переводы граждан ЦА домой представляют собой значительные суммы [Мансур, Куиллин 2008]. В 2013 г. Таджикистан получил 4,1 млрд дол. США, что составило более 40% от ВВП страны⁸. Таджикистан считается одной из самых бедных стран региона, бюджет которой напрямую зависит от денежных переводов или количества рабочих мигрантов за пределами своего государства. В Киргизскую Республику было отправлено в том же году более 2 млрд дол. США, что составило 31% от ВВП. Лидером среди стран ЦА по денежным переводам в том же году стал Узбекистан (около 6,7 млн дол. США), а Казахстан и Туркменистан получили 561 млн дол. США и 40 млрд дол. США соответственно⁹. Таким образом, 3 из 5 стран, которые представляют 67% от общего числа населения ЦА, находятся в фактической зависимости от миграционных потоков.

⁵ См.: Всемирная книга фактов ЦРУ. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/download/download-2012/index.html> (дата обращения: 28.12.2017).

⁶ Европа — средний возраст населения. «Список стран и карта». http://ru.worldstat.info/Europe/List_of_countries_by_Total_median_age (дата обращения: 28.12.2017).

⁷ Центр экономических исследований, Ташкент. «Урбанизация в Центральной Азии: вызовы, проблемы и перспективы». Аналитический доклад 2013 г. URL: <http://www.unescap.org/sites/default/files/Urbanization-in-CA-RUS.pdf> (дата обращения: 28.12.2017).

⁸ Всемирный банк. Краткая информация о миграции и развитии. «Миграция и денежные переводы: последние тенденции и перспективы, 2013—2016». URL: <http://www.worldbank.org/en/news/feature/2013/10/02/migration-and-remittance-flows-in-europe-and-central-asia-recent-trends-and-outlook-2013-2016> (дата обращения: 28.12.2017).

⁹ См.: Информационное агентство «Фергана». «В 2016 г. объем денежных переводов из России в страны Центральной Азии вырос до \$6,980 млрд». URL: <http://www.fergananews.com/news/26167> (дата обращения: 28.12.2017).

Ситуация с трудовой миграцией существенно осложнилась, с одной стороны, миграционным кризисом, который стал причиной ужесточения миграционной политики Европейского союза, с другой стороны, экономическим кризисом в Российской Федерации [Рязанцев 2016], политикой санкций со стороны западных стран в отношении РФ, а также падением курса рубля и обесцениванием доходов на внутреннем рынке. По данным Центробанка России¹⁰, за 2015 г. было переведено в страны ЦА 5,065 млрд дол. США, хотя в 2014 г. — 12,177 млрд дол. США. В этом смысле переводы трудовых мигрантов действительно снизились на 60%¹¹. Следовательно, государства, сильно зависящие от зарубежных переводов, вынуждены активно заниматься поиском стран с наиболее стабильной экономикой и высоким уровнем заработных плат.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно констатировать, что международная миграция продолжит рост по разным причинам. Количество трудовых мигрантов будет увеличиваться. Среди причин заинтересованности граждан Центральной Азии в эмиграции есть как внутренние, так и внешние. К внутренним относятся: темпы рождаемости, относительно молодой средний возраст населения, экономические внутренние проблемы (недостаток качественной инфраструктуры, бедность, неподготовленность рынка к большому количеству трудящихся), зависимость ряда стран от денежных переводов и работы за рубежом. К внешним причинам относятся: миграционный кризис в ЕС, экономический кризис в РФ и ослабление рубля.

Безусловно, существует ряд иных внутренних и внешних причин, но именно те, которые были разобраны в данной работе, представляют наибольшую значимость в вопросе все более возрастающей миграции из Центральной Азии в Европу.

АКТУАЛЬНЫЕ ВИДЫ МИГРАЦИИ ДЛЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Миграционный вопрос в XXI в. остается одним из самых важных структурных элементов системы международных отношений. Согласно докладу Генеральной Ассамблеи ООН, с 1950 по 2015 г. население богатых стран с каждым годом в среднем увеличивалось от 0,3 млрд до 3,2 млрд человек за счет чистой позитивной миграции, что дает возможность говорить о высоком уровне влияния этого фактора на всю мировую систему¹².

¹⁰ Центральный Банк РФ. Статистика внешнего сектора. «Трансграничные переводы физических лиц». URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtdid=svs&ch=Par_17101#CheckedItem (дата обращения: 28.12.2017).

¹¹ См.: Информационное агентство «Мигрант.Фергана.ру». «Переводы трудовых мигрантов из России в страны Центральной Азии в 2015 г. рухнули на 60 процентов». URL: <http://migrant.ferghana.ru/newslaw/переводы-трудоовых-мигрантов-из-россии.html> (дата обращения: 28.12.2017).

¹² Доклад Генерального Секретаря ООН 71-й сессии. Международная миграция и развитие. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_71_296_R.pdf (дата обращения: 22.11.2017).

По данным Международной организации по миграции (МОМ), в 2015 г. более 760 тыс. граждан Кыргызстана (11,35% от общего количества населения) покинули свою страну. При этом на страны ЕС пришлось более 94 тыс., или 12,5%, эмигрантов. Уровень по внешней эмиграции Казахстана по сравнению с Кыргызстаном оказался больше — 18,78%, из них 26,9% иммигрировали в Европу. Миграция из Таджикистана в Европу — 5,5%; Туркменистана — 4,2%; Узбекистана — 3,26% (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Статистика МОМ за 2015 г. /
Statistics of IOM for 2015**

Показатель / Index	Мигранты из Кыргыз- стана / Migrants from Kyrgyzstan	Мигранты из Казахстана / Migrants from Kazakhstan	Мигранты из Таджики- стана / Migrants from Tajikistan	Мигранты из Туркмени- стана / Migrants from Turkmenistan	Мигранты из Узбеки- стана / Migrants from Uzbekistan
Эмиграция в числах / Emigration in numbers	760 847	4 075 738	589 748	242 948	1 991 040
Эмиграция в процентах / Emigration in percent	11,35%	18,78%	6,5%	4,33%	6,24%
<i>Европейские страны / European countries</i>					
Норвегия / Norway	190	896	103	75	477
Швеция / Sweden	961	1 892	308	238	3 555
Финляндия / Finland	57	303	56	27	145
Эстония / Estonia	551	3 803	374	332	1 090
Латвия / Latvia	827	5 919	561	598	1 925
Литва / Lithuania	385	4 541	332	245	959
Польша / Poland	124	4 604	59	54	496
Дания / Denmark	49	211	27	16	280
Словакия / Slovakia	24	242			46
Чехия / Czech Republic	785	6 307	229	160	1 913
Венгрия / Hungary	143	520	16		126
Болгария / Bulgaria	107	1 122	137	283	754
Греция / Greece	548	26 982	97	116	8 208
Австрия / Austria	648	1 103	284	140	754
Швейцария / Switzerland	500	2 402	164	96	741
Италия / Italy	1 326	3 851	186	206	2 509
Германия / Germany	83 673	1 016 844	28 985	6 624	42 271
Великобритания / United Kingdom	1 132	5 432	455	784	2 864
Ирландия / Ireland	32	259	21	4	92
Нидерланды / The Netherlands	71	228	53		443
Бельгия / Belgium	1 547	2 784	117	27	1 521
Франция / France	721	2 583	244	211	1 103
Испания / Spain	333	1 797	84	60	642
Португалия / Portugal		845			851
Словения / Slovenia		81			28
Сербия / Serbia		97			80
Румыния / Romania		35			
Общее количество в странах Европы / Total in Europe	94 734	1 095 683	32 892	10 296	64 911
Итого, % / Total, %	12,5%	26,9%	5,57%	4,2%	3,26%

Источник / Source: Мировая миграция. URL: <https://www.iom.int/world-migration> (дата обращения: 19.09.2017).

Германия занимает лидирующее место как реципиент эмигрантов из Центральной Азии. После Германии граждане стран Центральной Азии выбирают такие высокоразвитые страны, как Великобритания, Франция, Италия, Австрия; ко второй группе стран пребывания относятся скандинавские и прибалтийские страны; к третьей группе, куда мало или вообще не едут, — Словения, Сербия, Румыния, Португалия.

К наиболее популярным видам миграции из ЦА в ЕС можно отнести семейную, экономическую и образовательную, а также миграцию по политическим причинам. Кроме того, несколько последних десятилетий является актуальной проблема воссоединения семей [Касаткин, Хрусталеv 2012]. Например, немецкая диаспора в Центральной Азии (более 70 тыс. немцев), которая проживала там в период советской власти, начала возвращаться на свою родину постепенно с 1990-х гг. [Большова 2012]. Каждый год европейское население все больше стремилось вернуться в свои родные страны.

Незащищенность границ, новые экономические трудности, а также внедрение языковой политики, — все это отразилось, в первую очередь, на жизни некоренных народов [Ситнянский, Бушков 2016]. Кроме репатриации европейских диаспор коренные народы Центральной Азии бежали в Европу по разным причинам: иммиграция в период гражданской войны 1918—1922 гг., голод в 1920-е гг., коллективизация в 1930-е годы, депортация немцев и корейцев в 1937—1941 гг., военная эвакуация 1940-х годов, Вторая Мировая война, распад Советского Союза [Мендикулова 1997].

Что касается трудовой миграции, то в 2011 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выпустила большую работу со статистическим исследованием о миграции из развивающихся в развитые страны. В контексте этого исследования были рассмотрены три страны Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан¹³.

Таблица 2 / Table 2

**Мигранты из Таджикистана в странах ОЭСР в 2000—2011 гг., % /
Migrants from Tajikistan in OECD, 2000—2011, %**

Категории / Categories	2000/2001	2010/2011
Уровень занятости / Employment level	59,9	57,9
Высокообразованные мигранты / Highly educated migrants	—	46,7
Мигранты с низким образованием / Migrants with low education	—	13,7
Уровень занятости высокообразованных / The employment rate of highly educated	73,3	68,3

Таблица 3 / Table 3

**Мигранты из Кыргызстана в странах ОЭСР в 2000—2011 гг., % /
Migrants from Kyrgyzstan in OECD, 2000—2011, %**

Категории / Categories	2000/2001	2010/2011
Уровень занятости / Employment level	61,7	58
Высокообразованные мигранты / Highly educated migrants	—	56,6
Мигранты с низким образованием / Migrants with low education	—	14,6
Уровень занятости высокообразованных / The employment rate of highly educated	—	64,6

¹³ OECD. Connecting with Emigrants. A Global Profile of Diasporas 2015. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264239845-en> (accessed: 12.10.2017).

Таблица 4 / Table 4

**Мигранты из Казахстана в странах ОЭСР в 2000–2011 гг., % /
Migrants from Kazakhstan in OECD, 2000–2011, %**

Категория / Categories	2000/2001	2010/2011
Уровень занятости высокообразованных / The employment rate of highly educated	75,8	77,7

Мигранты из Кыргызстана преимущественно выбирали такие страны, как США, Израиль, Турция, Канада, Германия, Великобритания, Австрия, Италия, Франция, Греция, Чешская Республика.

Удивительную картину показал уровень миграции Казахстана в страны ОЭСР. Основные страны пребывания казахских эмигрантов: Германия, Греция, США, Израиль, Турция, Канада, Великобритания, Польша, Чехия, Эстония (2011 г.). В Германии в 2011 г. проживало более 800 тыс. эмигрантов из Казахстана, в то время как в США и в остальных странах почти 200 тыс.

Помимо трудовой и семейной следует отдельно отметить образовательную или учебную миграцию. Число международных студентов Кыргызстана в Германии с каждым годом росло (2008 г. — 425 студентов, 2010 г. — 523 студентов, 2012 г. — 533 студентов). Кроме Германии количество студентов из Кыргызстана с каждым годом росло в Австрии и Франции. Студенты из Казахстана предпочитали обучаться в Великобритании (2008 г. — 1178 студентов, 2010 г. — 2054 студентов, 2012 г. — 2014 студентов), в Чешской Республике (2008 г. — 332 студентов, 2010 г. — 679 студентов, 2012 г. — 979 студентов), в Германии (2008 г. — 668 студентов, 2010 г. — 701 студента, 2012 г. — 693 студента).

На официальном сайте ОЭСР приводится статистика о миграции мужского и женского населения с 2000 по 2015 г. из стран Центральной Азии в Европу¹⁴, которая вызывает большой интерес.

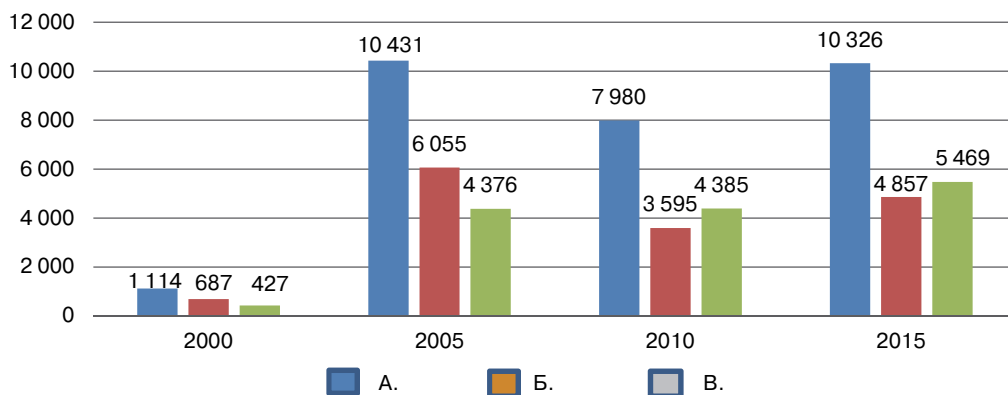

Рис. 4. Миграция из стран ЦА в Европу /
Fig. 4. Migration from Central Asia to Europe

Обозначения на диаграмме: А — общее количество; Б — мужчины; В — женщины /
Symbol on the diagram: A — total; Б — male; В — female

¹⁴ OECD.stat. International Migration Database. Inflows of foreign population by nationality. DOI: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG> (accessed: 16.05.2018).

Исходя из приведенных данных, стоит обратить внимание как на общий рост эмиграции из Центральной Азии с 2000 г., так и отдельно на соотношение женщин и мужчин, где количество первых каждые пять лет постепенно растет. В контексте процесса глобализации, большей транспарентности границ и появления все новых возможностей для легкого переселения из одной страны в другую или из одного региона в другой у авторов данного исследования существует полная убежденность в том, что следующие десятилетия европейские страны все также будут привлекать к себе внимание мигрантов из разных частей света, в том числе из стран Центральной Азии.

Ежегодно увеличивается число международных студентов за счет двусторонних соглашений и программ. Подписывается все больше договоров о взаимном сотрудничестве стран Центральной Азии и Европейского союза, например, новая межрегиональная стратегия «Европейский союз и Центральная Азия: стратегия ради нового партнерства» в 2007 г.¹⁵ Региональное соглашение охватывает разные сферы сотрудничества: от политического до социально-экономического. В числе разных программ данного соглашения нового партнерства функционирует «Программа содействия управлению границами в Центральной Азии» ВОМСА, в которой обсуждаются технические и нормативные вопросы управления границами Центральной Азии¹⁶. Новые шаги для сотрудничества между регионами открыли новые возможности для миграции, но в то же время различные внешние и внутренние причины могут оказать свое негативное влияние.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА НА ОТНОШЕНИЯ ЕС И ЦА

Миграция, как процесс, является действительно важным в социально-экономической истории. Многие люди находят в этом спасение от политических и других преследований, другие видят возможность избежать нищеты. Миграционный кризис, с которым столкнулся Европейский союз, вынуждает его принимать более серьезные меры и проводить реформы в миграционной политике. Однако принятые меры не должны ограничивать положительное влияние миграции, в котором заинтересованы страны Центральной Азии. Миграция вот уже долгие годы считается механизмом, который может дать толчок экономическому росту.

Тем не менее миграционный кризис оказывает свое влияние на сложившийся формат отношений между странами ЕС и ЦА. Число граждан третьих стран, незаконно присутствующих на территории ЕС, резко возросло в 2015 г. до 2,154 млн человек. В 2016 г. сократилось до 983 860 и продолжило сокращение в 2017 г. до 618 780 человек¹⁷. В этой связи наблюдается рост общественного недовольства в целом миграционной политикой, которая осуществляется в ЕС. Большой поток

¹⁵ Council of the European Union, *The EU and Central Asia: Strategy for a new Partnership*, Brussels, 2007. DOI: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf (accessed: 01.02.2018).

¹⁶ *Border Management in Central Asia*, EU, 2015, DIO: http://www.rs.gov.lv/faili/doc2013/bomca_newsletter08dec.pdf (accessed: 08.02.2018).

¹⁷ Официальный сайт статистической службы Европейского союза. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_eipre&lang=en (дата обращения: 16.05.2018).

беженцев привел к тому, что вопрос иммиграции стал одной из самых важных проблем, с которой сталкиваются европейские страны за последнее время. В 2015 г. в ходе опроса европейских жителей 58% респондентов отметили именно эту проблему. Правда, уже в 2017 г. этот процент снизился до 38%, а в лидеры вышла угроза терроризма в Европе [Timmer 2017].

Изменения миграционной политики ЕС, прежде всего, коснулись беженцев, квоты распределения и защиты их прав. Было подписано соглашение между ЕС и Турцией в 2016 г. о контроле за границей и денежной поддержке турецкому государству со стороны ЕС¹⁸. Турция являлась главным перевалочным пунктом сирийских беженцев. Согласно тексту соглашения, Турция должна была закрыть беженцам путь в ЕС, что сокращало количество нелегальных въездов в Европу [Цапенко, Монусова 2017].

ЕС сегодня нуждается в дополнительных рабочих кадрах, но из-за того, что беженцы в своем большинстве представляют собой низкоквалифицированных работников и многие из них остаются жить внутри Евросоюза, требования к экономическим мигрантам возрастают в разы.

Без устойчивой международной миграции и скоординированной миграционной политики Европейского союза число людей трудоспособного возраста среди населения Европы уменьшится на 20 млн человек, поэтому ЕС должен выстраивать единую и взвешенную политику по отношению к данной проблеме.

Несмотря на все принимаемые меры, экономическая миграция будет осуществляться и количественно увеличиваться. У ЕС есть все шансы, чтобы справиться с последствиями миграционного кризиса. Европа заинтересована в глобальных миграционных процессах по многим причинам, как и страны Центральной Азии, которые продолжают искать для себя новые места для работы за рубежом.

Глобальная миграция не может находиться вне политических международных рамок, поэтому глобальные, региональные и локальные проблемы и вызовы оказывают свое влияние на характер и масштабы миграции.

В ходе исследования было выявлено, что число мигрантов из ЦА в Европе растет. Количество женского населения, мигрирующего в страны ЕС, продолжает увеличиваться с начала нового тысячелетия. Также отмечается, что для пятерки стран региона ЦА характерен разный вид миграции: семейная, трудовая (экономическая), образовательная и миграция по политическим причинам. В статье предоставлены таблицы и диаграммы, демонстрирующие актуальные данные по миграции.

В 2014 г. Европа столкнулась с миграционным кризисом, спровоцированным войной в Сирии. В связи с этим изменения миграционной политики ЕС оказывают влияние на трудовую миграцию из Центральной Азии, где условия въезда на территорию европейских стран постепенно ужесточаются. Несмотря на по-

¹⁸ Европейская комиссия — Европейский бюллетень по соглашению ЕС-Турция. “EU-Turkey statement: questions and answers”. Брюссель. 19 марта 2006 г. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-16-963_en.htm (дата обращения: 28.12.2017).

явившиеся сложности, численность трудовых мигрантов от этого не уменьшается по ряду других причин.

К внешним причинам, стимулирующим миграцию, относится экономический кризис в России и обесценивание рубля. Россия является страной, куда многие годы направляются мигранты из центральноазиатских стран. Тем не менее ситуация понемногу меняется. Россия сегодня находится под многочисленными западными санкциями, что делает ее менее привлекательным местом для заработка. Денежные переводы трудовых мигрантов снизились более чем в два раза.

Безусловно, несмотря на новые проблемы извне, существует ряд внутренних причин, влияющих на рост миграции из ЦА в ЕС. Постепенный рост населения ЦА, наличие большого количества трудоспособных граждан, зависимость бюджетов центральноазиатских стран от денежных переводов, а также внутренние экономические проблемы стимулируют мигрантов перебираться в более привлекательные для заработка и обучения страны, какими и представляются страны Европейского союза.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ-ВАОН 18-514-92003 «Вьетнам в реализации концепции Большого евразийского партнерства».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Большова Н.Н.* Политика регулирования интеллектуальной миграции в современной Германии // Вестник МГИМО. 2012. № 6 (27). С. 226—237.
- Гусаков Н.П., Андропова И.В.* Единая миграционная политика стран ЕЭП: проблемы разработки и перспективы реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 78—86.
- Интересы России в Центральной Азии: Содержание, перспективы, ограничители. № 10 / под ред. И.С. Иванова. М.: Российский совет по международным делам, 2013.
- Касаткин П.И., Хрусталева И.М.* Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в 21 веке // Вестник МГИМО. 2012. № 6 (27). С. 79—93.
- Мансур Али, Куллин Б.* Миграция и денежные переводы. Восточная Европа и бывший Советский Союз. Всемирный Банк. М.: Весь Мир, 2008.
- Мендикулова Г.* Исторические судьбы Казахской Диаспоры. Астана: Галым, 1997.
- Рязанцев С.В.* Трудовая миграция из Центральной Азии в России в контексте экономического кризиса. Валдайские записки № 55. Август, 2016.
- Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И.* Миграция населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016.
- Чудиновских О.С.* Статистика международной миграции: практическое руководство для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Женева: Европейская экономическая комиссия ООН, 2011.
- Цапенко И.П., Монусова Г.А.* Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 90—105. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.07>.
- Myhre M.H.* Labour migration from Central Asia to Russia — State Management of Migration. University of Oslo, 2012. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/33968/1/MasteroppgavexxMyhre.pdf> (accessed: 28.12.2017).
- Timmer H.* Migration and Mobility in Europe and Central Asia. World Bank Group. International Bank for Reconstruction and Development. 2017. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/445651508415857577/pdf/120539-replacement-PUBLIC.pdf> (accessed: 28.12.2017).

Дата поступления статьи: 3.01.2018

Для цитирования: Курьлев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А. Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 315—327. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327.

Сведения об авторах: Курьлев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

Курбанов Руслан Магомедович — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kurbanovr25@gmail.com).

Макенова Асия Базаровна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032163970@rudn.university).

Хотивришвили Анна Александровна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032165394@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327

MIGRATION FLOWS FROM CENTRAL ASIA TO EUROPEAN UNION COUNTRIES

K.P. Kurylev, R.M. Kurbanov,
A.B. Makenova, A.A. Khotivrishvili

RUDN University (Peoples Friendship University of Russia),
Moscow, Russia

Abstract. The system of international relations is in constant change, where new challenges, problems, trends are emerging. In this context, the global migration is no exception. The central question of this study is that labor migrants from Central Asia are changing their traditional directions, where Russia is replaced by other European countries.

Such a trend can not be short-term for a number of reasons, both internal and external. Globalization, which neutralizes the natural borders of states, contributes to the gradual growth of world migration. Moreover, the leading countries of Europe with a high level of economic development have always attracted foreigners who were in search of work and a better life. Among other reasons of this problem is the rapid demographic development of Central Asia, the interest of European countries in cheaper labor, but quite qualified. In addition, the economic crisis in Russia, the complication of migration policy, the weakening of the currency, as well as the dependence of the budget of the Central Asian countries from remittances from abroad, it provokes great interest in changing traditional migratory direction.

The objective of the research is to investigate the phenomenon of gradual increase in the number of migrants from Central Asian countries to Europe and analyze causes and consequences of this phenomenon in the context of the current international situation.

Summarizing the results of the research, the authors make the important conclusion that the number of migrants from Central Asia in the countries of the European Union is gradually increasing. In the next decades this phenomenon will also be relevant because of the high birth rate and relatively young middle age of citizens in the countries of Central Asia, the EU's need for cheap and at the same time qualified labor, a low level of the Central Asian economy and the economic crisis in Russia.

Key words: Central Asia, the European Union, migration, the economic crisis, the Russian Federation

Acknowledgements: The research was carried in the framework of Russian Foundation for Basic Research — Vietnamese Academy of Social Sciences research project 18-514-92003 “Vietnam in the implementation of the concept of the Great Eurasian Partnership”.

REFERENCES

- Bolshova, N.N. (2012). Germany's immigration policy towards highly-skilled workers in the 21st century. *Vestnik MGIMO*, 6, 226—237. (In Russ.).
- Gusakov, N.P. & Andronova, I.V. (2014). Common Migration Policy as a Part of Common Economic Space: Problems of Figuring out and Perspectives of Implementation. *Vestnik RUDN. International Relations*, (4), 78—86. (In Russ.).
- Ivanov, I.S. (Ed.) (2013). *Interests of Russia in the Central Asia: Content, prospects, constraints*, 10. Moscow: The Russian International Affairs Council. (In Russ.).
- Kastkin, P.I. & Khrustalev, I.M. (2012). Integration, European security and soft power of migration. *Vestnik MGIMO*, 6, 79—93. (In Russ.).
- Mansur, A., Kuillin, B. (2008). *Migration and remittances. Eastern Europe and the former Soviet Union*. World Bank. Moscow: All the World. (In Russ.).
- Mendikulova, G. (1997). *Historical destinies of the Kazakh Diaspora*. Astana: Galym. (In Russ.).
- Ryazantsev, S.V. (2016). Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis. *Valday notes № 55*. (In Russ.).
- Sitnyansky, G.Yu. & Bushkov, V.I. (2016). *Migration of the population in Central Asia: past, present and future*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tsapenko, I.P. & Monusova, G.A. (2017). Integration potential of ethno-cultural diversity in European societies. *Polis. Political studies*. № 4. P. 90—105. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.07>. (In Russ.).
- Chudinovsky, O.S. (2011). *Statistics of international migration. A practical guide for countries of Eastern Europe and Central Asia*. Geneva: United Nations Economic Commission for Europe. (In Russ.).
- Timmer, H. (2017). *Migration and Mobility in Europe and Central Asia*. World Bank Group. *International Bank for Reconstruction and Development*. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/445651508415857577/pdf/120539-replacement-PUBLIC.pdf> (accessed: 28.12.2017).
- Myhre, M.H. (2012). *Labour migration from Central Asia to Russia — State Management of Migration*. University of Oslo. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/33968/1/MasteroppgavexxMyhre.pdf> (accessed: 28.12.2017).

Received: 3.01.2018

For citations: Kurylev, K.P., Kurbanov, R.M., Makenova, A.B., & Khotivrishvili, A.A. (2018). Migration Flows from Central Asia to European Union Countries. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 315—327. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327.

About the authors: *Kurylev Konstantin Petrovich* — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

Kurbanov Ruslan Magomedovich — MA student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kurbanovr25@gmail.com).

Makenova Asiya Bazarovna — MA student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Khotivrishvili Anna Aleksandrovna — MA student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

© Курьлев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А., 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-328-341

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПАКИСТАНА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.В. Галищева

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Целью настоящего исследования является анализ одного из современных направлений пакистанской внешнеэкономической политики в 1990—2000-е гг. — связей Пакистана со странами Центральной Азии. При выборе направления работы автор исходила из того, что проблема пакистанско-центральноазиатского сотрудничества в последние два десятилетия в российской экономической литературе комплексно, с привлечением математического аппарата, практически не освещалась.

Тема исследования потребовала привлечения и обобщения большого объема статистических данных, которые были почерпнуты из многих источников, включая официальные интернет-сайты государственных структур Пакистана и стран Центральной Азии. Автор также использовала российские и пакистанские научные журналы и монографии.

В статье детально проанализировано пакистанско-центральноазиатское экономическое сотрудничество: приводятся данные по индексу интенсивности взаимной торговли Пакистана и стран Центральной Азии, характеризуется инвестиционное сотрудничество между ними, рассматривается действие «мягкой силы» Пакистана в регионе. Проведенный автором исследования комплексный анализ экономических связей Пакистана с центральноазиатскими государствами сотрудничества позволяет сделать следующие практические выводы.

Несмотря на некоторый рост объемов взаимной торговли в последние годы, ее динамика и характер по-прежнему остаются ниже потенциально возможных. Важным препятствием на пути расширения сотрудничества, помимо экономических проблем в самом Пакистане, отсутствия у него общей границы со странами Центральной Азии и нестабильной ситуации в Афганистане, через который осуществляется торговля, также являются геополитические устремления сторон. Геополитические интересы государств Центральной Азии в направлении США, стран ЕС, Японии и России снижают возможность расширения экономического сотрудничества между Пакистаном и странами региона. В свою очередь развернувшаяся в регионе новая «Большая игра» и подключение к ней целого ряда развивающихся государств (прежде всего Китая, Турции и Ирана), каждое из которых для закрепления своих позиций использует внушительный арсенал средств — от предоставления гуманитарной помощи до финансирования различных инфраструктурных проектов, в существенной мере снижает шансы Пакистана на значительное расширение своего присутствия в регионе.

В статье приведены статистические данные, характеризующие состояние взаимной торговли Пакистана и стран Центральной Азии на современном этапе.

Ключевые слова: Пакистан, экономика Пакистана, внешнеэкономическая политика Пакистана, Центральная Азия, ТАПИ, CASA-1000, взаимная торговля Пакистана и стран Центральной Азии, мягкая сила Пакистана в Центральной Азии

ВВЕДЕНИЕ

Экономические отношения Пакистана со странами Центральной Азии насчитывают чуть более четверти века, однако центральноазиатскому вектору уделяется особое значение при формировании современной внешнеэкономической политики. Среди основных целей, преследуемых Пакистаном в Центральной Азии, следует отметить, прежде всего, расширение своего политического и экономического влияния в регионе, попытку сокращения присутствия Индии в центральноазиатских странах, развитие через свою территорию транзитного коридора для товаров из/в государства Центральной Азии. Кроме того, Исламская Республика также планировала создать обширную зону добрососедства и сотрудничества в рамках исламского блока и стать его лидером [Ahmed 2002: 36]. В свою очередь, укрепление связей с Исламской Республикой также является одним из приоритетных направлений региональной политики центральноазиатских республик: Пакистан рассматривается ими как важный партнер в обеспечении безопасности в Азиатском регионе, обладающий масштабными людскими ресурсами и увеличивающимся промышленным и военным потенциалом. Страны региона также привлекает и возможность использования транспортных коммуникаций на пакистанской территории, в том числе морского порта Гвадар, для транзитной торговли. Примечательно, что территория, прилегающая к порту Гвадар, прежде принадлежавшая Оману, была выкуплена Пакистаном в 1958 г.¹, однако до конца XX в. оставалась одной из наименее развитых в провинции Белуджистан. Между тем стратегическое положение этой территории у выхода из Персидского залива, через который проходит порядка 40% мировой торговли нефтью, предопределило ее ускоренное развитие. Порт Гвадар, построенный китайскими компаниями в 2007 г., вполне способен предоставить Пакистану возможность диверсифицировать торговые пути в Западную Азию, Африку и Европу [Галищева 2015].

Актуальность исследования определяется двумя обстоятельствами. Прежде всего, в настоящее время уже вполне очевидно, что Пакистан стал еще одним, хотя и не столь крупным, как остальные, игроком в развернувшейся в последнее время в Центральной Азии новой «Большой игре». В этой связи для России, необходимо выявить и правильно оценить его позиции и возможные перспективы укрепления его присутствия в регионе. Кроме того, для России всестороннее развитие отношений с Пакистаном является важным с учетом веса этой страны в Южной Азии и исламском мире в целом. Со своей стороны Пакистан также считает перспективным дальнейшее расширение двусторонних торгово-экономических связей с Россией. Так, например, в январе 2012 г. Конференция пакистанских посланников рекомендовала расширение связей с Москвой, «чтобы снизить зависимость

¹ Территория прилегающая к Гвадару была аннексирована Пакистаном 8 сентября 1958 г., а 8 декабря 1958 г. Оман согласился получить за нее выкуп в размере 5,5 млрд рупий (1,17 млрд дол. США).

от США»². А в феврале 2012 г. министр иностранных дел Пакистана Нина Раббани Хан нанесла визит в Москву, начав переговоры о расширении военно-технического, инвестиционного и энергетического сотрудничества и т.д.³ Переломным в отношениях России и Пакистана стал 2014 г.: в ответ на санкции против России из-за Крыма и политику двойных стандартов США, направленную против Пакистана в Южной Азии, в российско-пакистанских отношениях наметилось оживление. Таким образом, всесторонний анализ внешнеэкономических связей Пакистана с его центральноазиатскими партнерами может помочь России в разработке комплексной программы экономического сотрудничества, формировании новых мер в интенсификации экономического сотрудничества как с Пакистаном, так и со странами Центральной Азии с учетом современных реалий.

Важнейшим фундаментом исследования стали работы как пакистанских экономистов (М.С. Роя, Ш. Ирума, А. Захида), так и российских востоковедов, прежде всего, Н. Замараевой и Р. Мукиджановой. Между тем их работы посвящены, как правило, анализу общих вопросов двустороннего взаимодействия Пакистана со странами Центральной Азии. Хотя эти работы и дают серьезную почву для размышлений, однако они не исследуют детально роль «мягкой силы» Пакистана в регионе и проблемы инвестиционного сотрудничества и взаимной торговли между Пакистаном и странами Центральной Азии. Таким образом, при выборе темы и основных направлений исследования, определении его цели, задач и структуры автор исходила из того, что определенные аспекты пакистано-центральноазиатского финансового и торгового взаимодействия в период 2000-х гг. в российской экономической литературе комплексно, с привлечением математического аппарата, практически не освещались.

Объектом исследования является система экономического сотрудничества между Пакистаном и странами Центральной Азии. Предметом исследования — основные проблемы и перспективы взаимной торговли и сотрудничества в финансовой сфере. Цель работы — анализ современных тенденций в пакистано-центральноазиатском экономическом сотрудничестве. Исходя из этого, определяются следующие основные задачи: выделение этапов экономического сотрудничества; выявление текущих проблем и их причин; формулирование возможных перспектив пакистано-центральноазиатских экономических связей.

ТОРГОВЛЯ ПАКИСТАНА СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 2000-Е ГГ.

Центральная Азия попала в сферу геоэкономических интересов Пакистана с момента обретения южными республиками СССР своего государственного суверенитета. Заинтересованность Пакистана в установлении и развитии устойчивых экономических связей со странами региона была обусловлена главным обра-

² Ариф Р. Пакистан — новый лучший друг России? // ПолиСМИ. 2015. 7 октября. URL: <http://polismi.ru/politika/bolshoj-blichnij-vostok/1214-pakistan-novyj-luchshij-drug-rossii.html> (дата обращения: 15.11.2016).

³ Там же.

зом следующими причинами. Прежде всего, Исламская Республика нуждалась в диверсификации источников жидкого топлива и поставках электроэнергии, дефицит которой и в настоящее время является одной из основных причин низких темпов экономического роста страны (в среднем 5,8% в 2000—2008 гг. и 3,0% — 2009—2014 гг.) [Галищева 2015: 42]. Кроме того, для Пакистана также остро стояла задача диверсификации географической структуры экспорта страны, которая и поныне характеризуется значительной концентрацией [Zaidi 2014: 169]: на пять ведущих партнеров традиционно приходится свыше 35—40% объема экспорта⁴. По подсчетам пакистанских экспертов на старте налаживания контактов с новыми партнерами Пакистан мог бы экспортировать в Центральную Азию медикаменты, одежду, спортивную обувь и другие потребительские товары, а также продовольствие на сумму до 4 млрд дол. США ежегодно [Roy 2006: 815].

Между тем в ходе первого этапа сотрудничества, в 1990-е гг., взаимная торговля Пакистана со странами региона в существенной мере сдерживалась целым рядом обстоятельств, в том числе недостаточным развитием коммуникаций на территории Центральной Азии, ориентированностью сети дорог преимущественно на Россию, нехваткой квалифицированных управленческих кадров, валюты, несовершенством развития банковской системы. Ситуация также усугублялась тем, что ни одна из республик региона не имеет общей границы с Пакистаном, а ситуация в Афганистане, через который осуществлялась торговля, была крайне нестабильной. Однако Исламская Республика предпринимала всевозможные попытки активизации торговых связей, например, предоставляя странам Центральной Азии возобновляемые коммерческие кредиты для закупки пакистанских товаров (так, в 1993 г. Киргизия получила кредит в размере 10 млн дол. США для ввоза оборудования по выпуску медикаментов), предлагая осуществлять торговлю на условиях клиринга (в рамках пакистано-казахской торговли его лимит был определен в 100 млн дол. США) или обещая в счет будущих поставок электроэнергии экспортировать своим партнерам потребительские товары (например, Таджикистану — на сумму 500 млн дол. США) [Мукиджанова 2005: 92, 95, 98]. В целом ежегодный объем товарооборота между Пакистаном и центральноазиатскими республиками в 1990-е гг. не превышал 30 млн дол. США. При этом доля региона в пакистанском экспорте традиционно составляла около 0,5%, а в импорте — 0,7%⁵.

В 2000-е гг. проблема поиска новых рынков сбыта продукции для Пакистана еще сильнее обострилась, что было вызвано окончанием действия в 2004 г. Международного соглашения по поливолоконным материалам [Zaidi 2004, 46], а также периодически возникающими ограничениями на пакистанский экспорт в странах Западной Европы и существенным сокращением спроса на пакистанские товары в богатых монархиях Персидского залива [Галищева 2009: 340—343].

В 2006—2016 гг., несмотря на неравномерную динамику, объемы товарооборота между Пакистаном и странами Центральной Азии увеличились примерно

⁴ Pakistan Economic Survey 2015—2016. P. 121, 124.

⁵ Pakistan Economic Survey. Various Issues.

в два раза и по результатам 2016 г. достигли 87,4 млн дол. США (табл. 1). Между тем для Пакистана регион так и не стал крупным торговым партнером: в настоящее время на него приходится лишь около 0,13% пакистанского внешнеторгового оборота (около 0,2% — в экспорте и 0,1% — в импорте)⁶.

Таблица 1 / Table 1

**Торговля Пакистана со странами Центральной Азии в 2006—2016 гг., млн дол. США /
Trade of Pakistan with the countries of Central Asia in 2006—2016, mln, dollars US**

Показатель / Index	2006	2008	2010	2012	2014	2016
Экспорт / Export	12,875	11,001	12,094	13,405	25,940	37,470
Импорт / Import	33,463	101,340	92,326	22,104	20,871	49,965
Оборот / Turnover	46,338	112,341	104,42	35,509	46,811	87,435
Сальдо / Trade Balance	-20,588	-90,339	-80,232	-8,699	5,069	-12,495

Источник / Source: Составлено автором на основе данных World Integrated Trade Solution. Trade Summary for Pakistan 2016. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/PAK> (accessed: 07.11.2017).

В «тройку» крупнейших торговых партнеров Пакистана из числа стран Центральной Азии традиционно входят Казахстан (около 0,1% общего объема пакистанского товарооборота), Туркменистан (0,1%) и Таджикистан (0,03%). При этом только с Киргизией (и в отдельные годы с Узбекистаном и Казахстаном) у Пакистана баланс торговли в последнее десятилетие стабильно сводится с положительным сальдо (табл. 2, 3).

Таблица 2 / Table 2

**Торговля Пакистана со странами Центральной Азии в 2016 г., млн дол. США /
Trade of Pakistan with the countries of Central Asia in 2016, mln, dollars US**

Показатель / Index	Туркменистан / Turkmenistan	Казахстан / Kazakhstan	Таджикистан / Tajikistan	Узбекистан / Uzbekistan	Киргизия / Kyrgyzstan
Экспорт / Export	4,002	24,529	4,371	3,376	1,192
Импорт / Import	24,956	2,702	18,965	3,224	0,119
Оборот / Turnover	28,958	27,231	23,336	6,600	1,311
Сальдо / Trade Balance	-20,954	21,827	-14,594	0,152	1,073

Источник / Source: Составлено автором на основе данных World Integrated Trade Solution. Trade Summary for Pakistan 2016. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/PAK> (accessed: 07.11.2017).

Примечательно, что пакистанский экспорт в страны региона является более диверсифицированным, чем импорт. Основными статьями пакистанского экспорта в страны Центральной Азии являются сельскохозяйственная продукция, медикаменты, предметы одежды и трикотажные изделия, изделия из кожи, игрушки, парфюмерия, хозяйственные товары и проч. Среди основных статей пакистанского импорта — хлопок-волокно и шелк-сырец, изделия из шелка, станки и другое оборудование для предприятий легкой промышленности, руды черных, цветных и благородных металлов и др.

⁶ Рассчитано автором по World Integrated Trade Solution. Trade Summary for Pakistan 2016. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/PAK> (accessed: 07.11.2017).

Таблица 3 / Table 3

**Торговля Пакистана с Казахстаном, Туркменистаном и Таджикистаном
в 2006—2016 гг., млн дол. США /
Trade of Pakistan with Kazakhstan, Turkmenistan and Tajikistan in 2006—2016, mln, dollars US**

Страна / Country	Экспорт / Export	Импорт / Import	Оборот / Turnover	Сальдо / Trade Balance
<i>2006 г.</i>				
Казахстан / Kazakhstan	8,517	2,50	11,067	5,967
Туркменистан / Turkmenistan	0,763	8,770	9,533	-8,007
Таджикистан / Tajikistan	0,472	3,507	3,979	-3,035
<i>2008 г.</i>				
Казахстан / Kazakhstan	6,061	44,528	50,589	-38,467
Туркменистан / Turkmenistan	0,630	25,190	26,820	-24,560
Таджикистан / Tajikistan	0,274	11,346	11,620	-11,343
<i>2010 г.</i>				
Казахстан / Kazakhstan	5,921	34,971	40,892	-29,05
Туркменистан / Turkmenistan	1,506	31,882	33,388	-30,376
Таджикистан / Tajikistan	0,689	6,184	6,191	-5,495
<i>2012 г.</i>				
Казахстан / Kazakhstan	4,210	13,204	17,414	-8,994
Туркменистан / Turkmenistan	1,327	7,974	9,301	-6,647
Таджикистан / Tajikistan	3,104	0,234	3,338	2,870
<i>2014 г.</i>				
Казахстан / Kazakhstan	6,528	4,206	10,734	2,322
Туркменистан / Turkmenistan	6,953	15,780	22,733	-8,827
Таджикистан / Tajikistan	9,126	0,052	9,178	9,074
<i>2016 г.</i>				
Казахстан / Kazakhstan	24,529	2,702	27,231	21,827
Туркменистан / Turkmenistan	4,002	24,956	28,958	-20,954
Таджикистан / Tajikistan	4,371	18,965	23,336	-14,594

Источник / Source: Составлено автором на основе данных World Integrated Trade Solution. Trade Summary for Pakistan 2016. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/PAK> (accessed: 07.11.2017).

Рассчитанный автором индекс интенсивности торговли между Пакистаном и странами Центральной Азии в 2006—2014 гг. (для Казахстана и Киргизии — в 2006—2016 гг.) в целом показывает положительную динамику (табл. 4). Особенно ускоренными темпами он рос в пакистано-таджикской, пакистано-казахской и пакистано-туркменской торговле, увеличившись в 8, 2,8 и 2,3 раза соответственно. Это обусловлено тем, что в 2014—2016 гг. произошло усиление центральноазиатского вектора пакистанской внешнеэкономической политики, что было вызвано главным образом сложной политической ситуацией, в которой оказался Пакистан в последние годы: в ответ на политику двойных стандартов США, направленную против Пакистана, охлаждение по отношению к нему Евросоюза из-за отмены Исламабадом моратория на смертную казнь, резкое сокращение инвестиций и помощи со стороны Саудовской Аравии из-за отказа направить войска воевать на стороне Королевства против повстанцев Хуситов в Йемене Пакистан был вынужден искать новые рынки сбыта.

Таблица 4 / Table 4

**Индекс интенсивности торговли Пакистана со странами Центральной Азии в 2006—2016 гг. /
The index of intensity of trade of Pakistan with the countries of Central Asia in 2006—2016**

Годы / Years	Таджикистан / Tajikistan	Казахстан / Kazakhstan	Туркменистан / Turkmenistan	Узбекистан / Uzbekistan	Киргизия / Kyrgyzstan
2006	0,192	0,252	0,214	0,334	0,420
2008	0,065	0,123	0,087	0,212	0,282
2010	0,182	0,173	0,185	0,221	0,271
2012	0,229	0,070	0,098	0,242	0,106
2014	1,590	0,118	0,505	0,126	0,181
2016	—	0,695	—	—	0,221

Источник / Source: Рассчитано автором по данным World Integrated Trade Solution. Trade Summary for Pakistan 2016. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/PAK> (accessed: 07.11.2017).

Анализируя торговое сотрудничество Пакистана со странами Центральной Азии, следует отметить, что, несмотря на некоторый рост объемов взаимной торговли в последние годы, ее динамика и характер по-прежнему остаются ниже потенциально возможных. И хотя среди основных препятствий этого обычно называют недостаточную информированность сторон о взаимных возможностях, бюрократические проволочки, территориальную удаленность, серьезные экономические проблемы в Пакистане и странах региона и даже языковой барьер, главные из них все-таки зачастую остаются «за кадром» [Галищева 2015: 42—43]. Важным препятствием на пути расширения сотрудничества являются геополитические устремления сторон. Геополитические интересы государств Центральной Азии в направлении США, стран ЕС, Японии и России снижают возможность расширения сотрудничества между Пакистаном и странами региона. В свою очередь развернувшаяся в регионе новая «Большая игра» и подключение к ней целого ряда развивающихся государств (прежде всего Китая, Турции и Ирана), каждое из которых для закрепления своих позиций использует внушительный арсенал средств — от предоставления гуманитарной помощи до финансирования различных инфраструктурных проектов, в существенной мере снижает шансы Пакистана на значительное увеличение объемов взаимной внешней торговли. Так, Индия, например, в настоящее время активно реализует здесь различные проекты в соответствии с Программой «Соединяя Центральную Азию» (*Connect Central Asia Policy*), запущенную в июне 2012 г. [Singh, Kaur 2014: 103—106].

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПАКИСТАНА С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ

В настоящее время крупных инвестиционных проектов с пакистанским участием в странах Центральной Азии пока нет. Среди же средних проектов можно выделить строительство с участием пакистанского капитала текстильных фабрик и других предприятий легкой промышленности (в том числе кожевенных заводов) в Узбекистане, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в Казахстане и др.

В 1990-е гг. пакистанские компании принимали участие в реорганизации банковской системы Туркменистана в соответствии с международными стандартами,

предусматривающей среди прочего стажировку туркменских банкиров в Пакистане, а также проявили интерес к участию в тендерах на проведение строительства ЛЭП в Киргизии, Рогунской ГЭС на р. Вахш в Таджикистане, трубопровода в Туркмении, автодорог в Таджикистане.

В настоящее время пакистанские предприниматели активно инвестируют в такие сферы центральноазиатских экономик, как туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, розничная торговля. Постепенно развивается деловое сотрудничество в банковской сфере. В Узбекистане, Казахстане и Туркменистане действуют отделения государственного коммерческого банка *The National Bank of Pakistan*.

Кроме того, в регионе с участием Пакистана и центральноазиатских государств развиваются различные инфраструктурные проекты, главными из которых являются *CASA-1000* и *ТАПИ*.

В мае 2016 г. в Душанбе произошел официальный запуск строительства по проекту *CASA-1000* (*Central Asia — South Asia Electricity Transmission and Trade Program*). Официально строительство должно завершиться к 2020 г. Проект *CASA-1000* предусматривает соединение энергосистемы республик Центральной Азии с государствами Южной Азии и организацию поставок электроэнергии из Таджикистана и Киргизии через Афганистан в Пакистан. Строительство линии энергопередачи позволит в летний период экспортировать избыточную электроэнергию из Таджикистана и Киргизии в Афганистан и Пакистан. Также ожидается, что этот проект будет способствовать разработке механизмов торговли электроэнергией и созданию так называемого Регионального электроэнергетического рынка стран Центральной и Южной Азии. В соответствии с ранее достигнутыми договоренностями 1000 МВт электроэнергии должен был получать Пакистан, 300 МВт — Афганистан. Однако в 2016 г. Афганистан объявил о своем отказе импортировать 300 МВт электроэнергии в рамках проекта. В этой связи все 1300 МВт электроэнергии, которую предполагается передавать из Центральной Азии в Южную Азию, будут поступать в Пакистан.

Для реализации *CASA-1000* планируется построить ЛЭП 500 кВт от подстанции «Датка» до Худжента (477 км); конвертерную подстанцию пропускной способностью 1300 МВт в Сангтуде; высоковольтную ЛЭП постоянного тока протяженностью 750 км от Сангтуды до Кабула и Новшера (Пакистан); конвертерную подстанцию пропускной способностью 300 МВт в Кабуле и конвертерную подстанцию пропускной способностью 1300 МВт в Новшере [Mishra 2017]. Для реализации этого проекта, по предварительным расчетам, стороны должны были осуществить внушительные инвестиции: Афганистан — 354 млн дол. США, Таджикистан — 314 млн, Киргизия — 233 млн и Пакистан — 209 млн⁷. В силу ограниченности денежных ресурсов самостоятельно изыскать такие средства странам оказалось не под силу, и в финансировании проекта в настоящее время участвуют группа Всемирного банка, Европейский банк реконструкции и развития,

⁷ См.: *Марат З.* Риски для Кыргызстана и Центральной Азии после запуска энергетического проекта *CASA-1000*. URL: <http://eurasia.expert/riski-posle-zapuska-casa-1000/> (дата обращения: 12.02.2018).

Исламский банк развития и др. Между тем в настоящее время в силу малоперспективности этого проекта с экономической точки зрения возможность его реализации ставится многими экспертами под сомнение. Это объясняется, прежде всего, тем, что в зимний период из-за падения уровня воды в водохранилищах на Нурекской ГЭС в Таджикистане и Токтогульской ГЭС в Киргизии существенно падает выработка электроэнергии, и ее не хватает не только для регулярных поставок на экспорт, но даже и для обеспечения собственных потребительских нужд в самих республиках.

В фазу реализации вошел и проект строительства газопровода *ТАПИ*, предусматривающий организацию поставок газа из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее — в Индию. Предполагаемая стоимость строящегося газопровода проектной мощностью 33 млрд кубометров газа в год — 10 млрд дол. США. Общая его протяженность составит 1814 км, из которых по территории Туркменистана от месторождения Галкыныш пройдет 200 км, Афганистана — 735 км, Пакистана — 826 км⁸. Предполагается, что в Афганистане он пройдет вдоль шоссе Кандагар — Герат на западе страны, а затем через Кветту и Мултан в Пакистане. Конечный пункт газопровода — индийский город Фазилка на индийско-пакистанской границе. Вдоль газопровода будет построено шесть компрессорных станций [Чичкин 2017].

В декабре 2015 г. в туркменском городе Мары прошла церемония закладки первого камня строительства газопровода, а в феврале 2018 г. был завершен участок ТАПИ протяженностью 215 км на территории Туркменистана. Между тем, несмотря на то что в реализации этого проекта заинтересованы все стороны, в том числе и Туркменистан, который стремится к дальнейшему росту и диверсификации своих газопоставок, дальнейшее сооружение газопровода весьма туманно, что, прежде всего, обусловлено нестабильной политической обстановкой в Афганистане.

«МЯГКАЯ СИЛА» ПАКИСТАНА В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Уже в 1990-е гг. Пакистан предпринял ряд попыток укрепить свои экономические связи со странами Центральной Азии, в том числе и благодаря выделению финансовой помощи. Ее начало было положено сразу же после обретения независимости центральноазиатскими государствами. Первый кредит в объеме 30 млн дол. США государства получили уже в 1992 г. [Irum 2011: 221]. Предоставляя помощь странам региона, Пакистан надеялся обеспечить рынки сбыта своих товаров. Кроме того, центральноазиатские государства стратегически важны для Пакистана, так как среди прочего обладают богатой ресурсной базой.

Пакистан стремится закрепить свое присутствие в Центральной Азии также путем оказания технического содействия развитию стран региона. Так, например, в 1992/93 ф.г. правительство Пакистана запустило Программу специальной тех-

⁸ См.: *Rehman H. Pakistan and Central Asian States: From Challenges to Opportunities // Daily Pakistan Global. 2018. 14th January. URL: <https://en.dailypakistan.com.pk/opinion/pakistan-and-central-asian-states-from-challenges-to-opportunities/> (accessed: 12.01.2018).*

нической помощи (*The Special Technical Assistance Programme — STAP*), в рамках которой осуществляется Ежегодное финансирование обучения в Пакистане специалистов из Центральной Азии. В целом ряде вузов Пакистана ведется преподавание по программам различной продолжительности по английскому языку, банковскому делу, страхованию, информационным технологиям, ведению малого и среднего бизнеса и дипломатии [Roy 2006: 804].

Пакистанская политика предоставления помощи странам Центральной Азии, очевидно, преследует цель не только закрепления своих экономических позиций в этом регионе, но и в определенном смысле распространения на него своего геополитического влияния.

Первый этап развития отношений Пакистана со странами Центральной Азии оказался весьма непростым для обеих сторон: он пришелся на сложный период запуска широкомасштабных либеральных реформ в пакистанской экономике и начала процесса перехода от командно-административной модели хозяйствования к рыночной экономике в центральноазиатских республиках [Галищева 2015: 43]. Тем не менее, партнеры смогли преодолеть сложности и заложить основы для будущего сотрудничества. Пакистан сделал все необходимое для того, чтобы правильно позиционировать себя в Центрально-Азиатском регионе, грамотно реализовав свои преимущества. Можно констатировать, что в непростых условиях предпринимательский сектор Пакистана все-таки смог найти свою нишу.

Однако слабость транспортной инфраструктуры на территории Центральной Азии и отсутствие общей границы по-прежнему являются сдерживающим фактором в развитии экономических связей между Пакистаном и странами региона. Между тем реализуемый в настоящее время на территории Исламской Республики проект Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК)⁹ должен способствовать преодолению удаленности торговых партнеров и установлению между ними транспортного сообщения. Кроме того, КПЭК, несомненно, поможет укрепить позиции Пакистана в регионе, превратив его в крупнейший транспортно-логистический центр, через который не имеющие выхода к морю государства Центральной Азии смогут осуществлять транзит своих товаров [Галищева 2015]. Благодаря транспортным коридорам 5 и 6 Пакистан будет соединен с Центральной Азией, подключив китайский Кашгар и Бишкек, с городами Ош в Киргизии, а также Муграб в Таджикистане с Карасу. В свою очередь дорожное сообщение Читрал — Ишкашим свяжет Пакистан, Афганистан и Таджикистан через Ваханский коридор. Кроме того, в ближайших планах партнеров также открытие меж-

⁹ Примечательно, что у проекта КПЭК есть и свои противники, в том числе и за пределами Пакистана. В частности, согласно пакистанским СМИ, в мае 2015 г. послу КНР в Индии была высказана озабоченность Нью-Дели планами строительства экономического коридора между КНР и Пакистаном, поскольку часть его пройдет по спорным с Пакистаном территориям в районе Кашмира. Китайская сторона в свою очередь подчеркнула, что это чисто «коммерческий проект».

дународного торгового коридора, который соединит туркменский порт Туркменбаши с пакистанским — Гвадар¹⁰.

Подписанное в марте 1995 г. четырехстороннее Соглашение о транзитных перевозках между Пакистаном, Китаем, Киргизией и Казахстаном является еще одним важным инструментом для продвижения экономических отношений между странами [Замараева 2015]. Дорожное сообщение между Алматы и Карачи через Каракорумское шоссе (Алматы — Бишкек — Кашгар — Каракорум — Исламабад — Карачи) существенно активизировалось после окончания реконструкции порта Гвадар. Кроме того, стороны достигли договоренности о запуске автомобильного сообщения, что должно не только способствовать дальнейшему росту объемов взаимной торговли, но и стать важным инструментом в стимулировании контактов между гражданами четырех стран. По оценке специалистов, в результате создания инфраструктурных проектов объем региональной торговли может возрасти на 160% [Zahid 2011: 107].

Торговля услугами, в случае с которой инфраструктурный фактор не играет решающую роль, все же остается на достаточно низком уровне, однако все указывает на то, что у нее, тем не менее, есть колоссальный потенциал.

Очевидно, что в ближайшие годы неизбежно должна вырасти доля энергоносителей. Есть все основания предполагать, что энергетическое сотрудничество между Пакистаном и странами региона станет ключевой сферой их экономического взаимодействия. В условиях нестабильности мировых рынков энергоносителей для Пакистана крайне важно диверсифицировать географическую структуру своего импорта энергоресурсов, что он пытается сделать за счет интенсификации энергетического партнерства со странами Центральной Азии.

Таким образом, хотя в настоящее время Пакистан не в состоянии соперничать на равных с Китаем, Индией и даже Турцией и Ираном за влияние в Центральной Азии, тем не менее, сотрудничество со странами региона стало одним из приоритетных направлений современной внешнеэкономической политики Пакистана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ahmed M.* South Asia. Crisis of Development. The Case of Bangladesh. Dhaka: The University Press Limited, 2002.
- Галищева Н.В.* Перспективы развития экономик Южной Азии: факты, цифры, тенденции // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 40—67.
- Галищева Н.В.* Экономика стран Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивы, Бутан). М.: Изд-во МГИМО (У) МИД России, 2009.
- Галищева Н.В.* Экономические отношения Пакистана и Китая // Мировое и национальное хозяйство. 2015. № 4 (35). URL: <http://www.mirec.ru/upload/pdf/2015-02/galistcheva-the-economic-ties-between-india-and-pakistan.pdf> (дата обращения: 12.02.2018).
- Замараева Н.* Пакистан и Центральная Азия: новый этап — прежние цели. URL: <https://ru.journal-neo.org/2015/07/17/pakistan-i-tsentral-naya-aziya-novy-j-e-tap-prezhnie-tseli/> (дата обращения: 12.01.2018).

¹⁰ *Rehman H.* Pakistan and Central Asian States: From Challenges to Opportunities // Daily Pakistan Global. 2018. 14th January. URL: <https://en.dailypakistan.com.pk/opinion/pakistan-and-central-asian-states-from-challenges-to-opportunities/> (accessed: 12.01.2018).

- Мукимджанова П.* Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. М.: Научная книга, 2005.
- Чичкин А.* Газопровод ТАПИ: «энергетический фронт» США против Китая в Центральной Азии. URL: <http://vpoanalytics.com/2017/07/06/gazoprovod-tapi-energeticheskij-front-ssha-protiv-kitaya-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 12.02.2018).
- Irum Sh.* Importance of Pakistan — Central Asia Relations: Opportunities and Constraints // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2011. Vol. 1. № 14. P. 218—225.
- Mishra A.* Tajikistan: Pakistan's Gateway to Central Asia. *The Diplomat*. 2017. 7th August. URL: <https://thediplomat.com/2017/08/tajikistan-pakistans-gateway-to-central-asia/> (accessed: 12.02.2018).
- Roy M.S.* Pakistan's Strategies in Central Asia // *Strategic Analysis*. October-December 2006. Vol. 30. № 4. P. 798—825.
- Singh S., Kaur A.* Connect Central Asia Policy's Factor in India's Soft Power Initiatives in CARs: Problems and Perspectives // *International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences*. 2014. Vol. 3. № 12. P. 94—114. URL: <http://www.garph.co.uk/IJARMSS/Dec2014/8.pdf> (accessed: 04.06.2018).
- Zahid A.* Development of Infrastructural Linkages between Pakistan and Central Asia // *South Asian Studies*. January-June 2011. Vol. 26. № 1. P. 103—115.
- Zaidi Akbar S.* Pakistan's Economic and Social Development. New Delhi: Rupa. Co., 2004.
- Zaidi Akbar S.* Issues in Pakistan's Economy. Karachi: Oxford University Press, 2014.

Дата поступления статьи: 24.02.2018

Для цитирования: *Галищева Н.В.* Центральноазиатский вектор внешнеэкономической политики Пакистана: основные проблемы и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 328—341. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-328-341.

Сведения об авторе: *Галищева Наталья Валерьевна* — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой мировой экономики Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: galistcheva@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-328-341

THE CENTRAL-ASIAN VECTOR OF THE PAKISTANI FOREIGN ECONOMIC POLICY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

N.V. Galistcheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The aim of this article is the analysis of the modern directions of the Pakistani external economic policy in 1990—2000s — its ties with the Central Asian countries. While selecting the research topics the author proceeded from the idea that the problem of the Pakistani cooperation with Central Asian countries has not been comprehensively studied for the last two decades.

The research required to attract and summarize a large amount of statistical data that has been drawn from many sources including official-sites of Pakistan and Central Asian countries. The author also used Russian and Pakistani scientific journals and monographs.

The article highlights economic cooperation between Pakistan and Central Asian countries: there are statistical data on the index of intensity of mutual Pakistani-Central Asian trade, some information both on investment cooperation between parties and on Pakistani “soft power” in the region. A comprehensive analysis of the Pakistani-Central Asian economic cooperation allows to make several conclusions.

Despite some growth in the volume of mutual trade in recent years, its dynamics and nature remain below potential. An important obstacle to the expansion of cooperation in addition to the economic problems in Pakistan and the lack of the common border between it and Central Asia as well as the unstable situation in Afghanistan through which the trade is carried out, are the geopolitical aspirations of the parties. The geopolitical interests of the Central Asian states towards the US, the EU, Japan and Russia reduce the possibility of expanding cooperation between Pakistan and countries of the region. On the other hand the new Great Game unfolding in the region and the participation in it a number of developing states (first of all China, Turkey and Iran) each of which uses an impressive arsenal of funds to consolidate its intentions — from providing humanitarian aid to financing various infrastructure projects, significantly reduces Pakistan’s chances of expanding its presence in the region.

The article presents statistical data characterizing the present state of the Pakistan — Central Asia mutual trade at the present time.

Key words: Pakistan, Pakistani economy, the Pakistani external economic policy, Central Asia, TAPI, CASA-1000, the Pakistan — Central Asia mutual trade, the soft power of Pakistan in Central Asia

REFERENCES

- Ahmed, M. (2002). *South Asia. Crisis of Development. The Case of Bangladesh*. Dhaka: The University Press Limited.
- Galistcheva, N.V. (2015). Prospects for a South Asian Economy. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13(3(42)), 40—67. (In Russ.).
- Galistcheva, N.V. (2009). *The Economy of the South Asian Countries (India, Pakistan, Bangladesh, Shri Lanka, Maldives, Bhutan*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.).
- Galistcheva, N.V. (2015). The Economic cooperation between Pakistan and China. *The World and National Economy*, 4 (35). URL: <http://www.mirec.ru/upload/pdf/2015-02/galistcheva-the-economic-ties-between-india-and-pakistan.pdf> (accessed: 12.02.2018). (In Russ.).
- Zamaraeva, N. (2015). *Pakistan and the Central Asia: the new stage but the same aims*. URL: <https://ru.journal-neo.org/2015/07/17/pakistan-i-tsentral-naya-aziya-novy-j-e-tap-prezhnie-tseli/> (accessed: 12.01.2018). (In Russ.).
- Mukimjanova, R. (2005). *Countries of Central Asia: the Asian Vector of the External Policy*. Moscow: Nauchnaia kniga. (In Russ.).
- Chichkin, A. (2017). *The gas-pipeline TAPI: the US-China energy front in the Central Asia*. URL: <http://vpoanalytics.com/2017/07/06/gazoprovod-tapi-energeticheskij-front-ssha-protiv-kitaya-v-tsentralnoj-azii/> (accessed: 12.02.2018). (In Russ.).
- Irum, Sh. (2011). Importance of Pakistan — Central Asia Relations: Opportunities and Constraints. *International Journal of Humanities and Social Science*, 1(14), 218—225.
- Mishra, A. (2017). Tajikistan: Pakistan’s Gateway to Central Asia. *The Diplomat*, 7th August. URL: <https://thediplomat.com/2017/08/tajikistan-pakistans-gateway-to-central-asia/> (accessed: 12.02.2018).
- Roy, M.S. (2006). Pakistan’s Strategies in Central Asia. *Strategic Analysis*, 30 (4), 798—825.
- Singh, S. & Kaur, A. (2014). Connect Central Asia Policy’s Factor in India’s Soft Power Initiatives in CARs: Problems and Perspectives. *International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences*, 12 (3), 94—114. URL: <http://www.garph.co.uk/IJARMSS/Dec2014/8.pdf> (accessed: 04.06.2018).

Zahid, A. (2011). Development of Infrastructural Linkages between Pakistan and Central Asia. *South Asian Studies*, 26 (1), 103—115.

Zaidi, Akbar S. (2004). *Pakistan's Economic and Social Development*. New Delhi: Rupa.Co.

Zaidi, Akbar S. (2014). *Issues in Pakistan's Economy*. Karachi: Oxford University Press.

Received: 24.02.2018

For citations: Galistcheva, N.V. (2018). The Central-Asian vector of the Pakistani foreign economic policy: problems and perspectives. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 328—341. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-328-341.

About the author: *Galistcheva Natalia Valer'vna* — Doctor of Economics, Associate Professor, the Head of the Department of the World Economy of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (e-mail: galistcheva@yandex.ru)

© Галищева Н.В., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-342-355

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

Ахмед Мохамед Абду Хасан

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Актуальность проблематики энергетического диалога Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия (КСА) во многом определяется трансформацией всей системы международных отношений на Ближнем Востоке, вызванной событиями «арабской весны», т.е. чередой региональных военно-политических кризисов, а также военно-политической ролью, взятой на себя Россией в урегулировании конфликта в Сирийской Арабской Республике (САР).

Энергетический диалог нефтедобывающих государств рассматривается как один из важных механизмов, способствующих урегулированию кризисов на Ближнем Востоке, разрешению спорных вопросов в сфере ценообразования на энергоресурсы и решению инфраструктурных, социальных и экологических проблем региона. Авторская позиция заключается в том, что международные отношения не являются «игрой с нулевой суммой», и политическая воля государств идти на сближение за счет поиска компромиссов может способствовать стабилизации ситуации в регионе Ближнего и Среднего Востока и стать основой для устойчивого социально-экономического развития и России, и Саудовской Аравии.

Целью статьи является выявление особенностей энергетического диалога между Россией и Саудовской Аравией, а также факторов, влияющих на него. Автор прибегает к методам сравнительного анализа и использует системный подход. В работе проанализированы концептуальные основы энергетической политики России и КСА, изучены международные договоры и механизмы функционирования формата «ОПЕК+», сопоставлены подходы Москвы и Эр-Рияда к выстраиванию диалога в энергетической сфере. В работе учтены экспертные оценки ведущих арабских и российских специалистов в области энергетики.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие ключевые особенности энергодиалога России и КСА. Во-первых, он развивается на фоне региональных военно-политических кризисов и принципиально отличающихся подходов двух стран к урегулированию конфликта в Сирии. Во-вторых, введя термин «переворот союзов», автор обращает внимание на серьезные изменения в выстраивании Саудовской Аравией партнерских отношений с США и Россией. В-третьих, отмечается поиск компромиссов и готовность сторон идти на взаимные уступки в принципиальных вопросах, таких как конфликт в Йемене и Сирии. Еще одной особенностью диалога России и КСА является использование сферы энергетики как универсальной площадки для поиска взаимовыгодных решений в вопросах обеспечения региональной экономической безопасности и военно-политической стабильности.

Ключевые слова: Россия, Саудовская Аравия, внешняя энергетическая политика, энергетическая дипломатия, формат «ОПЕК+», сотрудничество, конкуренция, компромиссы, союзники «первого» и «второго порядка»

Российская Федерация и Королевство Саудовская Аравия — ключевые игроки на мировом рынке энергоресурсов. Сходство экономических интересов в энергетической сфере и наметившаяся близость политических подходов в области обеспечения безопасности на Ближнем Востоке, в частности по урегулиро-

ванию сирийского вопроса, гарантируют развитие внутри- и межрегиональных отношений в духе сотрудничества и поиска взаимовыгодных решений. Основными механизмами достижения этих целей являются внешняя энергетическая политика государств и политический диалог между ними [Жизнин 2005].

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Под внешней энергетической политикой понимается сфера деятельности любого государства в международных отношениях по защите и отстаиванию национальных интересов, обусловленных производством, транспортировкой и потреблением энергоресурсов. Заметим, что цели, задачи, приоритеты и направления внешней энергетической политики тесно связаны с внешней политикой, выступая составляющими последней [Жукова 2010]. Эта взаимосвязь определяется необходимостью развития как внутренней, так и смежной с другими странами инфраструктуры, логистики, инновационных отраслей экономики и человеческого потенциала с ориентацией на мировые рынки технологий и труда¹. Особое значение имеют экологичность сектора, рациональное использование и сохранение ресурсов при одновременном обеспечении доступа к ним на региональном и мировом уровнях, что соответствует международным требованиям и стандартам — Целям устойчивого развития ООН².

В Энергетической стратегии России на период до 2030 г. подчеркивается, что Россия, являясь одним из крупнейших в мире производителей, экспортеров и потребителей энергоресурсов, будет в целях обеспечения справедливых цен на энергоресурсы активно вести диалог со странами, производящими и потребляющими энергоресурсы, участвуя в работе международных энергетических конференций. Речь идет о сотрудничестве с промышленно развитыми государствами, а также взаимодействии с ведущими странами — экспортерами нефти — как членами ОПЕК, так и независимыми³.

В своей Энергетической концепции КСА во главу угла ставит задачу «обеспечить наличие достаточного количества сырой нефти на международном рынке, избегая при этом обвала цен и сохраняя единый уровень добычи сырья на своей территории»⁴.

Своей основной задачей Эр-Рияд видит поддержание «разумного уровня цен в интересах производителей и потребителей нефти, особенно для экономик разви-

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. // Официальный сайт Министерства энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 17.10.2017).

² The 2030 Agenda for Sustainable Development: Achieving the industry-related goals and targets // Официальный сайт Организации Объединенных Наций по промышленному развитию. URL: http://www.unido.org/fileadmin/user_media_upgrade/Who_we_are/Mission/ISID_SDG_brochure_final.pdf (дата обращения: 17.10.2017).

³ Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. // Официальный сайт Министерства энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 17.10.2017).

⁴ Энергетическая концепция Королевства Саудовская Аравия // Официальный сайт Министерства энергетики КСА. URL: <http://www.meim.gov.sa/arabic/ministry/Pages/petroleum-and-politics.aspx> (дата обращения: 17.10.2017).

вающихся стран»⁵. Основным механизмом достижения этой цели для КСА является установление тесных политических связей и экономического сотрудничества со странами — производителями и потребителями нефти как в двустороннем формате, так и на площадках международных форумов в рамках официальных визитов, торговли, инвестиций, обмена информацией и мнениями и координации политики [Bronson 2006: 189]. В Концепции подчеркивается исключительная роль ОПЕК, одним из основателей которой является Саудовская Аравия⁶.

Россия стремится налаживать двусторонние отношения со странами — участницами ОПЕК. На начало 2014 г. Россия более тесно сотрудничала с Венесуэлой и Ираном, в то время как Саудовская Аравия, один из лидеров ОПЕК, является стратегическим партнером США [Jones 2010: 209]. До войны в Ираке 2003 г. Россия активно развивала энергетическое сотрудничество с Багдадом, а до начала событий «арабской весны» Москва также имела тесные партнерские отношения в энергетической сфере с Ливией и Алжиром [Хаджер 2015].

Один из ведущих арабских экспертов по России Нурхан аш-Шейх полагает, что на современном этапе развития международных отношений мы наблюдаем переход от однополярного мира под эгидой США к полицентричной системе, в которой Россия и ряд стран играют важную роль в мировой политике, уравновешивая друг друга и США⁷. Мустафа Махмуд Шахета, аналитик Арабского Демократического Центра стратегических, политических и экономических исследований, отмечает, что Россия, будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, пытается противостоять американской гегемонии на Ближнем Востоке. Вовлеченность в урегулирование региональных военных и политических кризисов связана с необходимостью гарантировать устои собственной государственности: Россия — страна со значительным мусульманским населением, окруженная центральноазиатскими республиками, в которых подавляющее большинство населения исповедует ислам, а в цивилизационно-культурном плане является частью мусульманской уммы [Савичева, Шаар 2014: 160].

Диалог с политическими элитами и контроль террористических угроз, исходящих из стран Ближнего Востока, гарантирует государственную и национальную безопасность России [Шахета 2017]. Саудовская Аравия является сильным региональным игроком, обладающим огромным политическим и экономическим влиянием в исламском и арабском мире. Отношения между двумя странами могут быть основаны на общих интересах в сфере обеспечения национальной и региональной безопасности, считает эксперт. При наличии политической воли КСА может сделать Россию своим стратегическим союзником, тем более в условиях, когда энергетическая безопасность стала актуальной темой на международной арене в контексте колоссального технического прогресса и глобализации [Примаков 2012: 302].

⁵ Энергетическая концепция Королевства Саудовская Аравия // Официальный сайт Министерства энергетики КСА. URL: <http://www.meim.gov.sa/arabic/ministry/Pages/petroleum-and-politics.aspx> (дата обращения: 17.10.2017).

⁶ Там же.

⁷ Аш-Шейх Н. Лидирующая роль России. (18 июня 2017) // Аль-Ахрам. URL: <http://www.siyassa.org.eg/News/9810.aspx> (на арабском) (дата обращения: 15.10.2017).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Основной особенностью энергетического диалога между Россией и КСА в 2010—2017 гг. можно назвать то, что он формируется в условиях непрекращающихся региональных конфликтов. При этом подходы сторон к оценке кризисов и способам их урегулирования в корне разнятся. В борьбе за региональное лидерство на Ближнем и Среднем Востоке Россия склонна отдавать предпочтение Ирану, поддерживая его ключевого союзника — Сирию. КСА, в свою очередь, утрачивает доверие и возлагает все меньше надежд на США, которые не оказывают однозначной поддержки в урегулировании сирийского кризиса по сценарию монархий Персидского залива. По словам Зухайра аль-Харси, члена комитета по международным делам Меджлиса аш-Шуры КСА, особое недовольство вызывает то, что администрация Б. Обамы не решила вопрос о применении Дамаском химического оружия. Второе серьезное основание для недовольства — это игнорирование действий Ирана в Ираке и Йемене [Саудовская Аравия... 2017].

Политическая «апатия» США контрастирует с активностью России. Это создает благоприятную почву для «переворота союзов», когда традиционные партнеры «первого порядка» могут уступить место в решении ряда вопросов (новые технологии в сфере добычи и переработки энергоресурсов, инвестиции, военно-техническое сотрудничество) партнерам «второго порядка» [Нефть... 2017]. Это является еще одной особенностью политического диалога между Россией и КСА в области энергетики — он проходит в условиях «переворота союзов». Как отмечает Зухайр аль-Харси, «сегодня правила игры изменились, политика больше не является игрой с нулевой суммой, когда победитель получает все, а проигравший — ничего. Надо уметь сотрудничать со всеми странами, а если говорить о России как о великой державе, как можно не сотрудничать с ней?» [Саудовская Аравия... 2017]. КСА приняло новую стратегию — «не класть все яйца в одну корзину» и начать сотрудничать с Россией, тем более что для этого есть общая площадка — энергетическая сфера.

Маджид Абдель Азиз Аль Турки, главный специалист по России и СНГ Министерства иностранных дел КСА, заявил: «Региональная ситуация на Ближнем Востоке привела к такому положению вещей, когда нельзя воспринимать Россию иначе, как великую державу. Россия может стать партнером КСА, при этом сотрудничать и со стратегическим союзником Королевства — США»⁸. Таким образом, политик разделил союзников на стратегических и тех «союзников», с которыми нельзя не договариваться в силу их возрастающей значимости в урегулировании кризисов в регионе.

В двусторонних отношениях между Москвой и Эр-Риядом всегда было много спорных моментов. Как отмечают эксперты Центра политических и стратегических исследований «Равабет», Москва выражала недовольство Соединенными Штатами и Саудовской Аравией, которые якобы имели сговор против России

⁸ Нефть между КСА, РФ и Ираном // Аль-Джазира. URL: <http://www.aljazeera.net/amp/news/ebusiness/2016/7/27/النفط-بين-السعودية-وإيران-وروسيا> (на арабском) (дата обращения: 08.09.2017).

в 2014 г., когда цены на нефть пошли вниз. Эр-Рияд отрицал сговор и объяснял свою политику экономическими интересами нефтяных стран. Однако существует куда более серьезное противоречие и касается оно отношения к сирийской проблеме. Москва оказывает финансовую, военную и политическую помощь режиму Башара Асада, а КСА выступает за уход нынешнего лидера с поста президента при любых обстоятельствах [Саудовская Аравия... 2017].

КСА и монархии Персидского залива активно поддерживают различные политические и военные сирийские группировки, настроенные оппозиционно по отношению к действующему режиму. Арабские монархии резко осудили вмешательство ВКС России в сирийский конфликт в сентябре 2015 г. [Мануков 2015]. А в декабре 2015 г. по итогам объединительной конференции в Эр-Рияде сирийская оппозиция создала Высший комитет по переговорам⁹. Такая жесткая позиция объясняется борьбой за региональное политическое лидерство между КСА и Ираном. Нестабильность внутривосточной ситуации и как результат — приход к власти более лояльно настроенных по отношению к КСА сил в Сирии укрепили бы положение Эр-Рияда в качестве регионального лидера.

Однако, по мнению экспертов Центра восточных исследований Дубая, нельзя сбрасывать со счетов изменившуюся в 2015—2017 гг. геополитическую обстановку: усиливающееся после снятия санкций с Ирана соперничество между Эр-Риядом и Тегераном, заключительный этап сирийской войны, жестокость йеменской войны, снижение уровня вовлеченности Вашингтона в урегулирование кризисов на Ближнем Востоке (вывод войск из Ирака, отсутствие внятных действий после применения химического оружия в Сирии) [Нефть... 2017]. Все эти факторы создают новую атмосферу для координации позиций КСА и России.

Важно подчеркнуть, что Россия заняла несколько неожиданную для КСА позицию в отношении войны в Йемене. В связи с этим нам представляется важным отметить то, что в политическом взаимодействии России и Саудовской Аравии наметились поиск компромиссов и готовность идти на уступки в принципиальных вопросах. Как отмечают в Центре политических и стратегических исследований «Равабет», в апреле 2015 г. в Совете Безопасности ООН Россия не использовала право вето в отношении резолюции 2216, хотя это противоречило интересам Ирана. Таким образом, можно предположить, что Россия воздержалась именно с целью не обострять отношения с монархиями Персидского залива в кризисный момент существенного падения цен на нефть и в силу невозможности в одиночку повлиять на эту ситуацию без сотрудничества со странами ОПЕК и КСА как лидером данной организации [Саудовская Аравия... 2017].

Особую роль в укреплении дружественных отношений сыграла встреча короля Саудовской Аравии Сальмана бен Абдель Азиза Аль Сауда с президентом России В.В. Путиным 5 октября 2017 г. в Москве. Политическим успехом переговоров можно считать позитивную оценку королем Сальманом бен Абдель Азизом

⁹ Сирийская оппозиция создала Высший комитет по переговорам из 32 человек // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2518422> (дата обращения: 17.11.2017).

усилий, которые предпринимаются по сирийскому урегулированию в рамках Астанинского формата. Лидеры России и КСА поддержали проводимую по линии министерств энергетики работу в рамках формата «ОПЕК+». В терминологии обеих стран борьба с терроризмом подразумевает «решительное противодействие экстремистской идеологии». В частности, особый акцент был сделан на ситуации в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене, в регионе Персидского залива и палестино-израильском урегулировании. Принципиально важно, что лидеры обеих стран проявили полное понимание необходимости уважительного диалога между всеми заинтересованными сторонами для решения указанных и других проблем. Они подчеркнули необходимость скорейшего преодоления кризисных ситуаций мирными политическими средствами на основе широкого национального диалога в каждом конкретном конфликте¹⁰. Впервые это прозвучало на таком высоком уровне именно во время визита короля КСА в Москву [Young 2017].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Ключевой особенностью диалога России и КСА является использование энергетики в качестве универсальной площадки для поиска взаимовыгодных решений по разным вопросам. А.Ф. аль-Хаджи, специалист по энергетике, фокусирующий внимание на перспективах рынка нефти и газа, энергетической геополитике, энергетической безопасности и влиянии технологий на предложение и спрос на энергию, выделяет несколько факторов. Во-первых, нефть является неотъемлемой частью политики России и КСА. Во-вторых, границы между экономической и политической сферами крайне размыты. Поэтому практически невозможно интерпретировать реальные причины, которые стоят за конкретными решениями отдельных государств, особенно когда государства ведут скрытую нефтяную политику [Аль-Хаджи 2017]. Так, по мнению аналитика, соперничество между Россией и КСА носит исключительно экономический характер. Национальная саудовская компания «Сауди Арамко» приняла стратегическое решение сделать акцент на поставки энергоресурсов в страны АТР: экспортировать нефть в Китай и азиатские страны. Но после присоединения Крыма к России США и европейские страны наложили санкции на Российскую Федерацию. В результате Пекин воспользовался ситуацией и убедил Москву экспортировать нефть в Китай [Аль-Хаджи 2017].

Политический диалог Китая с каждым из поставщиков имеет ряд особенностей и обусловлен интересом КНР к совместным сырьевым и инфраструктурным проектам [Ильминская 2015]. Однако наиболее привлекательными для Пекина

¹⁰ Заявление для СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместного выхода к прессе с Министром иностранных дел Королевства Саудовская Аравия А. Аль-Джубейром по итогам переговоров Президента России В.В. Путина с Королем Саудовской Аравии Сальманом Бен Абдель Азизом Аль Саудом (5 октября 2017) // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2888856 (дата обращения: 30.10.2017).

выглядят перспективы сотрудничества с Россией в вопросах обеспечения энергетической, экономической и военной безопасности как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС.

Таким образом, присутствие российских нефтяных компаний на рынке Китая угрожает стратегии «Сауди Арамко» в долгосрочной перспективе. Россия также начала экспортировать нефтепродукты в Индию и Индонезию — рынки, имеющие стратегическое значение для «Сауди Арамко» [Аль-Хаджи 2017].

Россия всегда обозначала свою готовность к сотрудничеству со странами ОПЕК в целях стабилизации цен на нефть. Однако в интересах Москвы — поддерживать как можно более высокую цену на энергоносители. На КСА приходится около трети добычи ОПЕК — 9,7 млн бар. в сутки. По расчетам Саудовской Аравии, низкие цены на нефть сдержат инвестиции в добычу, в частности, на сланцевых месторождениях США. Вследствие этого цены на нефть смогут вырасти, поскольку альтернативные источники энергии не смогут составить ценовую конкуренцию нефти ввиду их высокой себестоимости.

Эксперты Центра восточных исследований Дубая отмечают, что Россия и КСА обеспечивали более 21% от мирового потребления нефти в 2016 г. И в планы государств входит диверсификация экономики и поиск новых стратегических партнеров в энергетической сфере. Непосредственное участие в этом должны принять «Роснефть» со стороны России и одна из наиболее влиятельных нефтяных компаний в мире «Сауди Арамко» — со стороны КСА. Государство владеет более 50% акций ПАО «НК „Роснефть“» через АО «РОСНЕФТЕГАЗ»¹¹, КСА контролирует 100% компании «Сауди Арамко». Таким образом, достаточно политического решения для того, чтобы компании снизили или увеличили добычу нефти вне зависимости от рыночных условий. Также на эти компании возлагается задача технологического усовершенствования добычи и транспортировки энергоресурсов, подготовки высококвалифицированных кадров в процессе взаимодействия друг с другом [Центр восточных исследований Дубая 2017].

Поворотным моментом во внешней энергетической политике обеих стран, по мнению ряда экспертов, стало подписание 5 сентября 2016 г. в китайском городе Ханчжоу во время саммита G-20 совместного заявления России и КСА по стабилизации рынка нефти¹². Иракский исследователь, специализирующийся в вопросах энергетики, Валид Хури назвал это заявление «отправной точкой» для начала совместных действий двух крупнейших производителей нефти¹³.

Основной угрозой стабильности на нефтяном рынке в долгосрочной перспективе как для производителей, так и для потребителей министр энергетики, про-

¹¹ Структура акционерного капитала // Официальный сайт ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/ (дата обращения: 18.11.2017).

¹² Заявление РФ и Саудовской Аравии по стабилизации рынка нефти (5 сентября 2016) // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3594360> (дата обращения: 05.10.2017).

¹³ Хури В. Совместные энергетические проекты между СА и РФ // Аль-Хайат. URL: <http://www.alhayat.com/m/opinion/24674327> (дата обращения: 15.10.2017).

мышленности и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Халед бен Абдель Азиз аль-Фалех и министр энергетики России А.В. Новак назвали значительное сокращение по всему миру капитальных расходов на нефтедобычу и массовую отмену и перенос на более поздний срок инвестиционных проектов¹⁴. Министры договорились продолжить консультации и создать совместную мониторинговую рабочую группу для отслеживания фундаментальных показателей рынка нефти и выработки рекомендаций по мерам и совместным действиям для обеспечения стабильности и предсказуемости рынка.

Следует отметить, что рынок отреагировал на заявление незамедлительно. В сентябре цены на нефть постепенно начали расти в силу увеличивающегося спроса на энергоносители перед зимними месяцами. На фоне политического заявления России и Саудовской Аравии 5 сентября 2016 г. стоимость фьючерса на нефть марки «Брент» с поставкой в ноябре 2016 г. на бирже «АйСиИ» в Лондоне одномоментно поднялась на 5,4% — до 49,15 дол. США за баррель. Однако позже ситуация стабилизировалась, цена опустилась до 48,57 дол. США за баррель¹⁵. В конце декабря 2016 г. произошел очередной скачок цены на 12,71% по отношению к ноябрю, стоимость барреля нефти марки «Брент Круд» составила 54,06 дол. США. В январе—феврале цена колебалась от 52,61 до 54,45 дол. США¹⁶. Ключевыми факторами роста цен вновь стали сезонный спрос на энергоносители и решение нефтедобывающих стран в формате «ОПЕК+» о сокращении добычи.

Хотя в тексте заявления говорится о рекомендательном характере предлагаемых мониторинговой группой мер, а сама она рассматривается исключительно как консультативный механизм, Валид Хури считает, что сам факт согласования этого документа — серьезное заявление для других участников рынка. КСА и Россия не только совместно выступили с инициативой, но и открыто призвали другие страны — производители «черного золота» выполнять свои обязательства по сокращению добычи¹⁷.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И САУДОВСКОЙ АРАВИИ В ФОРМАТЕ «ОПЕК+»

28 сентября 2016 г. на встрече в Алжире страны ОПЕК достигли соглашения о снижении объема добычи нефти с 33,24 млн бар. в сутки до 32,5—33 млн бар.¹⁸ Важно отметить, что в отличие от переговорного процесса в Дохе в апреле 2016 г.,

¹⁴ Хури В. Совместные энергетические проекты между СА и РФ // Аль-Хайат. URL: <http://www.alhayat.com/m/opinion/24674327> (дата обращения: 15.10.2017).

¹⁵ Brent подорожала более чем на 5% на фоне договоренности России и Саудовской Аравии // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3594091> (дата обращения: 05.09.2016).

¹⁶ Статистика // Сайт Oilprice.com. URL: <https://oilprice.com/oil-price-charts/45> (дата обращения: 27.01.2018).

¹⁷ Хури В. Совместные энергетические проекты между СА и РФ // Аль-Хайат. URL: <http://www.alhayat.com/m/opinion/24674327> (дата обращения: 15.10.2017).

¹⁸ ОПЕК на встрече в Алжире достигла исторического решения о заморозке добычи нефти до 32,5—33 баррелей сутки // Neftegaz.RU. URL: <https://neftgaz.ru/news/view/153767-ОПЕК-na-vstreche-v-Alzhire-dostigla-istoricheskogo-resheniya-o-zamorozke-dobychi-nefti-do-325-33-barrsutki> (дата обращения: 01.11.2017).

когда страны — члены ОПЕК не смогли прийти к консенсусу, в Алжире удалось достичь соглашения. Это произошло, в том числе, благодаря достаточно гибкому совместному заявлению России и КСА в Ханчжоу. Однако, несмотря на этот успех, изначально Россия была настроена настороженно и принимать собственное решение о присоединении к соглашению намеревалась только после того, как страны — члены ОПЕК придут к согласию внутри организации¹⁹.

Необходимо обратить внимание и на особенности диалога между Москвой и Эр-Риядом в формате «ОПЕК+».

Во-первых, процесс выработки решения по снижению уровня добычи нефти проходил на фоне неформальных консультаций России с представителями стран — членов ОПЕК в ходе министерской встречи Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ) в Катаре 17—18 ноября 2016 г. Это свидетельствует о том, что политики и эксперты не могли не принимать во внимание ситуацию по разработке и транспортировке сланцевого газа. Опасения КСА по поводу увеличения объемов добычи в США сланцевого газа во многом осложняли выработку совместного решения [Лебедева 2016: 127].

Во-вторых, важно отметить, что Королевство Саудовская Аравия вынуждено сократить добычу нефти больше остальных стран-участниц. Нестабильность политической и экономической ситуации в Ливии и Нигерии делает эти страны особенно зависимыми от продажи энергоресурсов, поэтому на министерской встрече в преддверии саммита 30 ноября 2016 г. было принято решение о предоставлении им и Ирану особых условий. Ливия заявляла о том, что не вышла на довоенный уровень добычи нефти, а Иран — на досанкционный. Следовательно, от КСА потребовалась особая политическая воля для того, чтобы пересмотреть свои подходы и взять на себя ответственность и расходы за другие страны региона, что соответствует Энергетической концепции Королевства [Каздагли 2017: 60]. Однако это решение было продиктовано экономической целесообразностью: прогнозировался рост цен на нефть с учетом сокращения предложения на рынке [Арафа 2014: 274].

В-третьих, среди стран — членов ОПЕК росло недоверие к России по вопросу сокращения добычи нефти. В октябре 2016 г. в России был достигнут максимум добычи сырой нефти с учетом газового конденсата — 47,493 млн т²⁰. Сомнения развеяли президент России В.В. Путин и министр энергетики А.В. Новак. По словам последнего, Россия вела переговоры о «сокращении добычи на действующих месторождениях»²¹. Этот аспект также следует рассматривать сквозь призму

¹⁹ А. Новак не исключает достижения договоренностей о заморозке добычи нефти на встрече в Алжире, но все будет зависеть от консенсуса внутри ОПЕК // Neftegaz.RU. URL: <https://neftgaz.ru/news/view/153666-A.-Novak-ne-isklyuchaet-dostizheniya-dogovorennostey-o-zamorozke-dobychi-nefti-na-vstreche-v-Alzhire-no-vse-budet-zaviset-ot-konsensusa-vnutri-OPEK> (дата обращения: 15.10.2017).

²⁰ Статистика // Официальный сайт Министерства энергетики РФ. URL: <https://minenergo.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 17.11.2017).

²¹ Страны ОПЕК хотят, чтобы Россия пошла на сокращение добычи нефти ради спасения мирового рынка (24 ноября 2016) // Neftegaz.RU. URL: <https://neftgaz.ru/news/view/155625-Strany-OPEK-hotyat-chtoby-Rossiya-poshla-na-sokraschenie-dobychi-nefti-radi-spaseniya-mirovogopynka> (дата обращения: 01.11.2017).

экономических интересов страны. Москве необходимо согласовать графики сокращения добычи с нефтяными компаниями, многие из которых не являются полностью государственными. Важно понимать, что в отличие от нефтяного сектора ближневосточных стран в России невозможно прекратить, а затем начать разработку энергоресурсов по техническим причинам. Большинство месторождений находится в Сибири, в условиях низких температур, и в случае остановки добычи они замерзнут, а сохранение инфраструктуры станет нерентабельным. В силу климатических особенностей транспортировка нефти также более трудоемкая и затратная. Поэтому Россия не может принимать подобные решения, не удостоверившись в том, что страны — члены ОПЕК согласовали свои позиции и перешли к непосредственному выполнению взятых обязательств.

Во время саммита ОПЕК 30 ноября 2016 г. в Вене страны — члены организации приняли решение о сокращении добычи нефти на 1,2 млн баррелей в сутки. Страны, не входящие в ОПЕК, должны были сократить добычу нефти на 600 тыс. бар. в сутки. Стоимость февральских фьючерсов на нефть марки «Брент» поднялась на 7,5% — до 50,87 дол. США за баррель²².

На заседании министров в формате «ОПЕК+» 25 мая 2017 г. в Вене участники договорились продлить свои обязательства по сокращению добычи нефти, действующие с 1 января 2017 г., еще на 9 месяцев, начиная с 1 июля 2017 г. Это соглашение должно было действовать до 31 марта 2018 г. Второе заседание на уровне министров проходило под председательством главы Министерства энергетики, промышленности и минеральных ресурсов Саудовской Аравии Х. аль-Фалиха и министра энергетики России А.В. Новака, на котором две страны вновь выступили единым фронтом.

В конце ноября 2017 г. на полях саммита в формате «ОПЕК+» страны-экспортеры договорились о пролонгации соглашения о заморозке добычи нефти вплоть до января 2019 г. На фоне сезонной волатильности цены в конце января 2018 г. стоимость барреля «Брент Круд» составила 66,14 дол. США. Таким образом, цена достигла максимального значения с мая 2015 г.²³

Важную роль в процессе консолидации позиций ключевых стран — экспортеров нефти сыграли уже упомянутые выше переговоры короля Сальмана бен Абдель Азиза Аль Сауда с президентом В.В. Путиным, прошедшие 5 октября 2017 г. в Москве. Основной акцент был сделан на экономическом взаимодействии двух стран — интенсивном развитии сотрудничества между Российским фондом прямых инвестиций и Публичным инвестиционным фондом КСА²⁴.

²² OPEC has reportedly agreed a production cut — and oil is going wild (30 ноября 2016) // Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/en/news/view/155831-OPEC-has-reportedly-agreed-a-production-cut-and-oil-is-going-wild> (на английском) (дата обращения: 01.11.2017).

²³ Статистика // Сайт Oilprice.com. URL: <https://oilprice.com/oil-price-charts/45> (дата обращения: 29.01.2018).

²⁴ Заявление для СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместного выхода к прессе с Министром иностранных дел Королевства Саудовская Аравия А. Аль-Джубейром по итогам переговоров Президента России В.В. Путина с Королем Саудовской Аравии Сальманом Бен Абдель Азизом Аль Саудом (5 октября 2017) // Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2888856 (дата обращения: 30.10.2017).

В рамках инвестиционного форума было подписано пять меморандумов о взаимопонимании «Сауди Арамко» с крупнейшими российскими энергетическими компаниями²⁵, а также семь соглашений между частными компаниями в дополнение к предоставлению лицензий трем российским компаниям на осуществление деятельности на территории Королевства. По предварительному соглашению между «Сауди Арамко» и «Сибур» (Российская нефтехимическая компания), планируется строительство нефтехимического завода в Саудовской Аравии стоимостью 1,1 млрд дол. США²⁶.

Для России и Саудовской Аравии важно диверсифицировать свою экономику, в том числе с учетом того, что электрические автомобили могут в ближайшие 25 лет потеснить бензиновые, что напрямую скажется на потреблении нефти. Развитие энергосберегающих технологий и необходимость обеспечения экологичности добычи энергоресурсов также подталкивают страны к научно-техническому сотрудничеству.

Политический диалог между Москвой и Эр-Риядом в энергетической сфере в 2010—2017 гг. во многом отражает трансформацию, происшедшую за этот период как в региональной системе международных отношений в пространстве Ближнего и Среднего Востока, так и в мировой экономике [Савичева 2014].

На современном этапе в условиях многочисленных конфликтов и противоречий, если проигрывает один, то гораздо меньше выгоды получают все остальные. Необходимость гарантировать поставки энергоресурсов и обеспечивать доступ к ним стран-импортеров, развитие экономики стран за счет диверсификации и получения доступа к новым технологиям не только является базой для развития сотрудничества двух крупнейших производителей в мире — России и Саудовской Аравии, но также становится экономическим базисом для урегулирования политических противоречий в регионе Ближнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арафа Хадиджа.* Энергетическая безопасность и ее стратегические последствия. Эр-Рияд: Арабский университет по изучению проблем безопасности имени Принца Наифа, 2014. (На арабском языке).
- Жизнин С.* Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: ООО Ист Брук, 2005.
- Жукова И.С.* Энергетическая дипломатия и геополитика как составной элемент международного энергетического права // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 3. URL: http://vestnik.osu.ru/2010_3/11.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

²⁵ Саудовско-российские отношения набирают силу в международной политике под руководством короля Салмана (2 октября 2017) // Saudi Press Agency. URL: <http://www.spa.gov.sa/1674485> (На арабском языке) (дата обращения: 01.11. 2017).

²⁶ *Хури В.* Совместные энергетические проекты между СА и РФ // Аль-Хайат. URL: <http://www.alhayat.com/m/opinion/24674327> (дата обращения: 15.10.2017).

- Ильминская М.Ф.* Регион Персидского залива как зона геополитических интересов Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 152—161.
- Каздагли Н.* Сотрудничество России со странами Северной Африки в рамках Российско-арабского делового совета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 58—62.
- Лебедева М.М.* Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 125—133.
- Мануков С.* Монархии Персидского залива готовят ответ на действия России в Сирии // Эксперт Онлайн. URL: <http://expert.ru/2015/10/5/monarhii-persidskogo-zaliva-gotovyat-otvet-na-dejstviya-rossii-v-sirii/> (дата обращения: 17.11.2017).
- Нефть открывает новую страницу в отношениях между РФ и КСА* // Центр восточных исследований Дубая. URL: http://www.orientresearchcentre.com/يَفْتَحُ_النفط_الروسيّة_السعوديّة_العلاقات/ (дата обращения: 10.11.2017). (На арабском языке).
- Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012.
- Савичева Е.М.* К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14—21.
- Савичева Е.М., Шаар М.О.* Отношения арабских стран Персидского залива с центрально-азиатскими государствами СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 160—168.
- Саудовская Аравия — Российская Федерация: разногласия во взаимоотношениях // Центр политических и стратегических исследований «Равабет». URL: <http://rawabetcenter.com/archives/22155/amp> (дата обращения: 15.10.17). (На арабском языке).
- Хаджер М.* Energy Security: Relations between Russia and Europe (2000—2015). URL: <http://democraticac.de/?p=34018> (дата обращения: 16.10.2017). (На арабском языке).
- Шахета М.М.* Внешняя политика России в отношении Саудовской Аравии после 2011 г. // Democratic Arab Center for strategic, political and economic studies. URL: <http://democraticac.de/?p=48025> (дата обращения: 16.10.2017). (На арабском языке).
- Аль-Хаджи А.Ф.* Нефть между КСА, РФ и Ираном. URL: <https://www.anasalhajji.com/about-dranas-alhajji> (дата обращения: 08.09.2017). (На арабском языке).
- Young M.* What Did King Salman's Visit to Russia Say About U.S.-Saudi Relations? 12 October 2017. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/73334> (accessed: 16.10.2017).
- Bronson R.* Thicker than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia. New York: Oxford University Press, 2006.
- Jones T.C.* Desert Kingdom: How Oil and Water Forged Modern Saudi Arabia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.

Дата поступления статьи: 14.12.2017

Для цитирования: *Ахмед Мохамед Абду Хасан.* Энергетический диалог Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 342—355. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-342-355.

Сведения об авторе: *Ахмед Мохамед Абду Хасан* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: mido_pharon@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-342-355

ENERGY DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND SAUDI ARABIA IN 2010—2017

Ahmed Mohamed Abdu Hassan

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation

Abstract. Energy dialogue between Russia and the Kingdom of Saudi Arabia became an issue of current importance in many respects, due to transformation of the whole system of international relations in the Middle East, caused by several military and political crises as well as the new political and military role assumed by Russia in Syrian crisis settlement.

The energy dialogue between the two oil-producing countries is considered as one of the key mechanisms promoting crises settlement in the Middle East, regulating disputable issues in energy pricing and as adjusting infrastructure, social and environmental problems in the region. The author's position is that international relations are not a "zero-sum game". So, the political will of states to find the compromises contributes to the stabilization of the situation in the Middle East that, in its turn, can provide sustainable social and economic development of Russia and Saudi Arabia.

The aim of this article is to identify the features of the energy dialogue between Russia and KSA and to determine the factors affecting it. The author uses methods of the comparative analysis and system approach. This paper analyses the conceptual basis of energy policy of the Russian Federation and Saudi Arabia, international treaties and the functioning of the "OPEC+" format, compare the approaches of Russia and KSA to the formation of the dialogue in the energy sector. The opinions of leading Arab and Russian experts in the energy field are taken into consideration.

As a result, the following key features of the energy dialogue between Russia and the KSA were marked out. Firstly, in many aspects it is determined by regional political and military crises and fundamental difference in Russia's and the KSA's approaches to the final settlement of the Syrian conflict. Secondly, by introducing the concept of "the alliances overturn" the author draws attention to important changes in the way KSA forms partnership with the USA and Russia. In the context of conceptual changes in KSA's approach to the strategic partnership with the USA and Russia. Thirdly, the author emphasizes the willingness of the parties to make mutual concessions in matters of principle, such as the conflict in Yemen and Syria. The fourth key feature of the dialogue between Russia and the KSA is using energy as a universal platform to find mutually beneficial solutions in ensuring regional economic security and military and political stability.

Key words: Russia, Saudi Arabia, foreign energy policy, energy diplomacy, the "OPEC+" format, cooperation, competition, compromise, allies "of the first and the second order"

REFERENCES

- Arafa, Khadija (2014). *Energy security and its strategic implications*. Riyadh: Naif University for Security Studies. (In Arab.).
- Bronson, R. (2006). *Thicker than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia*. New York: Oxford University Press.
- El Hadji, A.F. (n/a). *Oil between KSA, RF and Iran*. URL: <https://www.anasalhajji.com/about-dr-anas-alhajji> (accessed: 15.10.2017). (In Arab.).
- Hadjer, M. (2016). *Energy Security: Relations between Russia and Europe (2000—2015)*. URL: <http://democraticac.de/?p=34018> (accessed: 15.10.2017). (In Arab.).
- Ilminkaya, M. F. (2015). The Persian Gulf Region as a Field of China's Geopolitical Interests. *Vestnik RUDN. International Relations*, (1), 152—161. (In Russ.).

- Jones, T.C. (2010). *Desert Kingdom: How Oil and Water Forged Modern Saudi Arabia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kazdagli, N. (2017). Relation between Russia and the countries of North Africa. The Russian-Arab Business Council // *Vestnik Voronezh State University*, 1, 58—62. (In Russ.).
- Lebedeva, M.M. (2016). System of political organization of the world: 'Perfect Storm'. *Vestnik MGIMO-University*, 2 (47), 125—133. (In Russ.).
- Manukov, S. (2015). The Monarchies of the Persian Gulf preparing response to Russian activity in Syria. *Expert Online*. URL: <http://expert.ru/2015/10/5/monarhii-persidskogo-zaliva-gotovyat-otvet-na-dejstviya-rossii-v-sirii/> (accessed: 17.11.2017). (In Russ.).
- Oil opens a new page in relations between Russia and Saudi Arabia*. Orient Research Center Dubai. URL: http://www.orientresearchcentre.com/يُفتح_النفط_الروسي_السعودية_العلاقات/ (accessed: 10.11.2017). (In Arab.).
- Primakov, E.M. (2012). *Confidential: The Middle East on stage and behind the scene*. Moscow: Rossiyskaya Gazeta. (In Russ.).
- Saudi Arabia — Russian Federation: disagreements in the relationship*. Center for Political and Strategic Studies 'Rawabet'. URL: <http://rawabetcenter.com/archives/22155/amp> (accessed: 15.10.17). (In Arab.).
- Savicheva, E.M. (2014). On Geopolitical Situation in the Middle East: Interaction between Regional and Global Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, (3), 14—21.
- Savicheva, E.M. & Shaar, M.O. (2014). Relations of the Arab Gulf countries with Central Asian states of CIS. *Vestnik RUDN. International Relations*, (4), 160—168. (In Russ.).
- Shehata, M.M. *Russia's foreign policy towards Saudi Arabia after 2011*. Democratic Arab Center for strategic, political and economic studies. URL: <http://democraticac.de/?p=48025> (In Arab.). (accessed: 16.10.2017).
- Young, M. (2017). What Did King Salman's Visit to Russia Say about U.S.-Saudi Relations? URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/73334> (accessed: 16.10.2017).
- Zhiznin, S. (2005). *Energy Diplomacy of Russia: economics, politics, practice*. Moscow: Ist Bruk. (In Russ.).
- Zhukova, I.S. (2010). Energy diplomacy and geopolitics, as part of international energy law. *Vestnik of Orenburg State University*, 3 (109), 52—54. (In Russ.).

Received: 14.12.2017

For citations: Ahmed Mohamed Abdu Hassan (2018). Energy dialogue between Russia and Saudi Arabia in 2010—2017. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 342—355. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-342-355.

About the author: *Ahmed Mohamed Abdu Hassan*— postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: mido_pharon@mail.ru).

© Ахмед Мохамед Абду Хасан, 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367

КИТАЙСКОЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО В БРИКС В 2017 Г.: РАСШИРЯЯ ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Е.А. Сафонкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

В данной статье представлен анализ председательства Китая в БРИКС в 2017 г. через призму критериев: консолидации миссии и обеспечения преемственности повестки дня БРИКС; формирования новых инициатив, соответствующих интересам председателя и стран-членов; реализации национальных приоритетов страны-председателя в условиях сохраняющихся и новых глобальных вызовов.

При проведении исследования автор опирается на методы исторического и сравнительного анализа.

Автор приходит к выводу, что Китаю удалось достаточно эффективно организовать работу БРИКС в рамках председательства, закрепить тенденцию институционализации форума, реализовать приоритеты председательства. В сфере экономического сотрудничества был одобрен ряд секторальных документов для обмена опытом между странами-участницами, предполагающий выделение финансирования в размере 500 млн юаней для наращивания практического сотрудничества. В финансовой сфере, с учетом задач продвижения национальной китайской валюты на международных финансовых рынках, Китаем были предприняты шаги по развитию сотрудничества в валютной сфере, что, безусловно, выгодно и для других стран — членов института. В силу большого числа социальных задач, стоящих перед КНР, соответствующих Целям устойчивого развития, Сямэньский саммит закрепил обязательства стран-участниц по полной имплементации Повестки-2030.

Будучи заинтересованным в трансфере новых технологий, Китай содействовал принятию долгосрочного инструмента сотрудничества в этой сфере (Плана действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2017—2020 гг.).

Поскольку для расширения своего влияния на международной арене Китай активно использует механизмы «мягкой силы», председательство в БРИКС не стало исключением. Было организовано большое число встреч для продвижения культуры и языка КНР, впервые были организованы Спортивные игры БРИКС.

Таким образом, в ходе китайского председательства 2017 г. была обеспечена преемственность повестки дня, определены новые направления сотрудничества в интересах КНР и стран-партнеров; консолидирована роль БРИКС как института глобального управления.

Ключевые слова: БРИКС, КНР, приоритеты внешней и внутренней политики, глобальное управление, вызовы

ВВЕДЕНИЕ

В условиях меняющегося в настоящее время глобального миропорядка благодаря выдающемуся экономическому потенциалу Китайская Народная Республика стала одной из ведущих мировых держав. КНР является членом ключевых институтов глобального и регионального управления — «Группы двадцати», БРИКС, форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), причем во всех указанных институтах Китай имеет опыт председательства и продвижения в повестку своих национальных приоритетов.

С момента провозглашения независимости 1 октября 1949 г. Китайская Народная Республика позиционировала себя как государство «новой демократии», которое «ведет борьбу за независимость, демократию, мир, единство, создание процветающей и сильной страны» [Трифонов 2009]. В отношении других стран КНР демонстрировала готовность установить дипломатические отношения с любым иностранным правительством, которое было бы заинтересовано во взаимовыгодном и справедливом сотрудничестве.

Основные принципы внешней политики КНР, реализуемые и по сей день, были изложены на XVII съезде КПК генеральным секретарем ЦК Ху Цзиньтао в 2007 г. Они включают независимость и самостоятельность, политику открытости, линию на защиту мира во всем мире и содействие мирному развитию [Трифонов 2009].

Как отмечают российские исследователи [Лексютина 2016], внешняя политика Китая в период после глобального финансового кризиса 2008—2009 гг. характеризуется активизацией взаимодействия по всем направлениям и регионам; выдвижением крупномасштабных инициатив и напористостью в отстаивании внешнеполитических приоритетов страны.

Перед КНР, как развивающейся страной, стоит ряд важных социально-экономических задач, которые власти Китая стремятся решить, в том числе с использованием инструментов внешней политики. В качестве примера можно привести известную недавнюю инициативу Пекина — «Один пояс, один путь», которая среди прочего направлена на обеспечение ускоренного развития и модернизации производственных мощностей и инфраструктуры внутренних областей Китая.

Внутриполитические задачи заложены в 13-м пятилетнем плане экономического и социального развития страны (2016—2020 гг.)¹. В качестве приоритетных направлений в нем выделены следующие: финансовые реформы и усовершенствование макроэкономического регулирования; модернизация сельскохозяйственного сектора; развитие цифровой экономики и инноваций; создание современных инфраструктурных сетей; сбалансированное развитие городов и сельской местности; сохранение экосистем и охрана окружающей среды; борьба с бедностью; повышение качества систем образования и здравоохранения для всех граждан; поддержка всеобщего процветания.

Учитывая, что Китай уже выступал председателем в БРИКС, интересно сравнить, что нового было привнесено в повестку дня в 2011 и 2017 гг.

Двумя основными достижениями китайского председательства в БРИКС 2011 г. было присоединение к объединению Южно-Африканской Республики, а также запуск сотрудничества БРИКС в таких приоритетных для Китая сферах, как здравоохранение, развитие городов, культура, спорт, «зеленая экономика», инновационное сотрудничество. Хотя процесс присоединения ЮАР был начат еще в 2010 г., не случайно, что именно в период китайского председательства

¹ The 13th Five-Year Plan For Economic And Social Development Of The People's Republic Of China. URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed: 20.02.2018).

в объединении ЮАР вошла в его состав. Подобное расширение, с одной стороны, отражало интерес КНР к развитию партнерства с африканским континентом, с другой — демонстрировало принципы страны по формированию порядка, который бы обеспечивал гармоничное развитие всех стран.

1 января 2017 г. Китай во второй раз стал председателем в объединении БРИКС². Ключевое событие председательства — саммит лидеров БРИКС состоялся 4 сентября 2017 г. в г. Сямэнь юго-восточной провинции Фуцзянь.

Председательство знаменовало собой почти 10-летний юбилей с момента создания объединения в Екатеринбурге в 2009 г. Сам процесс сотрудничества Бразилии, России, Индии и Китая был начат в 2006 г. В силу быстрых темпов экономического роста (темп экономического роста КНР в 2000—2005 гг. составлял от 8 до 11% в год, Бразилии — 3—5% в год, России — от 4 до 9% в год, Индии — от 3 до 9% в год, при среднемировых показателях в 2—4%)³ росла их доля в глобальном ВВП, однако доля квот и число голосов в Международном валютном фонде (МВФ) оставались незначительными. На тот момент, за исключением России, ни одна из стран БРИК не входила в существующий институт глобального управления («Группу семи/восьми»), а также такие международные стандартообразующие организации, как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Кроме того, все страны — члены БРИКС являются региональными лидерами, и для закрепления своего влияния им было важно показать соседним странам, что они могут продвигать интересы последних в мире.

За период начиная с 2009 г. страны — члены БРИКС расширили сотрудничество по широкому кругу сфер, представляющих взаимный интерес (экономика, финансы, торговля, инвестиции, промышленность, энергетика, сельское хозяйство, наука и технологии, ИКТ, образование, занятость, здравоохранение, культура и др.), создали институциональные механизмы, такие как Новый банк развития (НБР), Пул условных валютных резервов, Сетевой университет БРИКС. Однако, как отмечает ряд исследователей [Толорая, Чуков 2016], страны — члены БРИКС пока не достигли такого уровня взаимодействия, чтобы совместно отстаивать свои интересы, например, в Организации Объединенных Наций (ООН).

В этой связи представляется актуальным проанализировать председительство КНР в БРИКС в 2017 г., чтобы понять, насколько стране удалось обеспечить преемственность повестки данного объединения, содействовать дальнейшей институционализации механизмов сотрудничества, а также продвинуть свои национальные приоритеты, учитывая при этом интересы партнеров по институту.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для того чтобы оценить, насколько эффективным оказалось китайское председительство в БРИКС; что нового оно дало объединению, автор использовал метод *исторического анализа*. Автор опирался на три критерия успешности пред-

² Первый раз КНР проводила саммит БРИК в г. Санья в 2011 г.

³ World Bank. GDP growth (annual %). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?cid=GPD_30&end=2006&start=2000 (accessed: 20.02.2018).

седательства, выделенные российскими и зарубежными исследователями при анализе национальных председательств в международных многосторонних институтах, а именно: 1) консолидация миссии и обеспечение преемственности повестки дня БРИКС; 2) формирование новых инициатив, соответствующих интересам председателя и стран-членов; 3) реализация национальных приоритетов страны-председателя в условиях сохраняющихся и новых глобальных вызовов [Ларионова 2018; Ларионова 2017; Ларионова, Колмар 2017; Ларионова 2016; Шелепов 2015; Ларионова 2015; Ларионова с соавт. 2013; Kirton, Larionova 2017; Kirton 2013; Larionova, Sheleпов 2015; Sheleпов 2018].

Далее будет представлен анализ сотрудничества стран — членов БРИКС по тематическим направлениям и достижений китайского председательства по ним.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС

С момента создания одной из первоочередных задач БРИКС было наращивание взаимовыгодного экономического сотрудничества между странами-членами, в том числе посредством реформирования международных финансовых институтов и обеспечения свободной торговли и инвестиций. Поскольку странам — членам БРИКС не удалось достичь успеха в отношении реформ Международного валютного фонда и Всемирного банка, в 2014 г. был создан Новый банк развития с первоначальным уставным капиталом в 100 млрд дол. США, который с 2016 г. приступил к финансированию проектов в сфере устойчивого развития в странах — членах объединения.

Несмотря на достаточно долгую историю сотрудничества в экономической сфере, показатели его между странами — членами БРИКС отнюдь не блестящие. Например, из 197 млрд дол. США инвестиций стран БРИКС в 2016 г. только 5,7% имело место внутри объединения⁴, а среди ТОП-15 торговых партнеров Китая находятся только Индия (2,8%) и Россия (1,8%) соответственно, в то время как на США приходится 18,3% китайского экспорта⁵.

В этой связи Китай в роли председателя в БРИКС предпринял ряд мер для наращивания именно практического сотрудничества. Были предложены и одобрены партнерами по институту инициативы по развитию электронных портов, упрощению условий для инвестиций, углублению промышленного сотрудничества. Принятый План экономического и технического сотрудничества предполагает выделение китайской стороной финансирования в размере 500 млн юаней для наращивания практического сотрудничества в объединении.

Что касается финансового сотрудничества, то в рамках БРИКС оно развивается фактически с самого начала становления объединения. Одним из важных достижений стало подписание в 2014 г. Договора о создании Пула условных

⁴ Full text of President Xi's remarks at plenary session of BRICS Xiamen Summit. 4 September 2017. URL: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201709/t20170904_1906.html (accessed: 22.01.2018).

⁵ China's Top Trading Partners. URL: <http://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (accessed: 22.01.2018).

валютных резервов БРИКС с первоначальным капиталом в 100 млрд дол. США, аналогичного механизму резервных траншей МВФ, призванного помочь одной из стран-членов в случае, если она столкнется с финансовым кризисом [Хмельевская 2015].

В последние годы Китай накопил значительные финансовые ресурсы, которые стали играть новую роль в международной финансовой системе [Горбунова, Комаров 2016]. Процесс интернационализации национальной китайской валюты — юаня — происходил постепенно [Лексютина 2016]. В июле 2009 г. были начаты международные торговые расчеты в юанях. В октябре 2015 г. была запущена собственная международная межбанковская система передачи данных и совершения платежей — the Cross-Border Interbank Payment System (CIPS) — аналог SWIFT⁶. В 2016 г. китайский юань был включен в корзину специальных прав заимствования вместе с долларом США, евро, иеной и британским фунтом стерлингов⁷.

В целях интернационализации своей валюты в посткризисный период Китай стал активно заключать межправительственные соглашения об использовании или расширении использования национальных валют во взаиморасчетах [Лексютина 2016]. Неудивительно, что в Сямэньской декларации сделан акцент на развитии сотрудничества в валютной сфере, в том числе посредством расчетов и прямых инвестиций в национальной валюте.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, ЗАНЯТОСТЬ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Поскольку все члены БРИКС являются развивающимися странами, для них крайне актуальными были и остаются вопросы инклюзивного и гармоничного развития.

Для всех стран БРИКС актуален вопрос обеспечения занятости. Согласно докладу Международной организации труда (МОТ) 2017 г.⁸, процент безработных в Китае и Индии составил 4,6 и 3,4%, России — 5,8%, Бразилии — 12,4%, ЮАР — 26%.

Китай и другие страны — члены БРИКС сталкиваются с различными проблемами в сфере здравоохранения. По данным рейтинга стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2016 г., составленного Bloomberg на основе данных Всемирной организации здравоохранения, ООН и Всемирного банка, ни одна из стран БРИКС не вошла в ТОП-10. КНР заняла 19-е место, а Бразилия и Россия оказались в самом конце рейтинга, заняв 54-е и 55-е место соответственно⁹.

⁶ SWIFT — международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей, созданная в 1973 г.

⁷ МВФ включает китайский юань в корзину специальных прав заимствования, 30 сентября 2016 г. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2016/09/29/AM16-NA093016IMF-Adds-Chinese-Renminbi-to-Special-Drawing-Rights-Basket> (accessed: 22.01.2018).

⁸ World Employment Social Outlook 2017. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_541211.pdf (accessed: 22.01.2018).

⁹ Bloomberg: Рейтинг стран мира по эффективности систем здравоохранения в 2016 г., 8 октября 2016 г. URL: <http://gtmarket.ru/news/2016/10/08/7306> (accessed: 22.01.2018).

Для Китая вопросы перехода к чистой энергетике, как никогда, актуальны: в стране наблюдается критический уровень загрязнения воздуха в силу наличия устаревших угольных электростанций¹⁰. Для стран — партнеров по БРИКС вопросы охраны окружающей среды также находятся на повестке дня [Сафонкина 2017].

Именно поэтому сотрудничество БРИКС в сфере образования, занятости, здравоохранения, охраны окружающей среды росло быстрыми темпами. В связи с принятием в 2015 г. Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, вопросы реализации ЦУР вошли в повестку объединения.

Китай последовательно выступает за принятие коллективных обязательств по достижению Целей, в том числе в рамках международных многосторонних институтов, а также за секторальное сотрудничество по их достижению. В ходе своего председательства в «двадцатке» в 2016 г. КНР содействовала принятию Плана действий «Группы двадцати» по осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. В Сямэньской декларации лидеров БРИКС содержится обязательство «осуществлять в полном объеме Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.»¹¹.

Китайское председательство в БРИКС было ознаменовано несколькими важными инициативами в сферах, относящихся к ЦУР: предложением о создании сети исследовательских институтов государств БРИКС по вопросам труда¹²; призывом укреплять роль БРИКС в глобальной системе здравоохранения, прежде всего в рамках Всемирной организации здравоохранения и учреждений ООН; и инициативой создания Платформы энергетических исследований БРИКС.

НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ

Между странами БРИКС наблюдаются значительные разрывы в уровне развития инновационных технологий. В Глобальном индексе инноваций 2017 г.¹³ КНР занимает 22-е место, Россия — 45-е, ЮАР — 57-е, Индия — 60-е, Бразилия — 69-е.

Будучи заинтересованным в трансфере технологий и развитии своего научного потенциала, Китай выступил с инициативой принятия Плана действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2017—2020 гг. и предложил партнерам создать Институт БРИКС по изучению «сетей будущего».

¹⁰ Уровень загрязнения воздуха в Китае достиг критических значений, 20 декабря 2016 г. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-38383136> (accessed: 22.01.2018).

¹¹ Сямэньская декларация руководителей стран БРИКС, 4 сентября 2017 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017/Siamenskaia_deklaratsiia_rukovoditelei_stran_BRIKS_ff.pdf (accessed: 22.01.2018).

¹² Министры труда и занятости стран БРИКС договорились о создании сети исследовательских институтов по труду, 28 июля 2017 г. URL: <https://rosmintrud.ru/labour/cooperation/63> (accessed: 22.01.2018).

¹³ Global Innovation Index 2017. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/> (accessed: 22.01.2018).

СПРАВЕДЛИВЫЙ И РАВНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

Несмотря на частые обвинения западных политиков и экспертов, как показала почти 10-летняя история сотрудничества, объединение БРИКС не стремится к разрушению глобального миропорядка, а, напротив, к его реформированию в интересах обеспечения справедливого сотрудничества на благо всех [Stuenkel 2015].

Для БРИКС с момента его создания характерно принятие ответственности за обеспечение глобальной безопасности и стабильности в соответствии с принципами ООН.

Китайское председательство в БРИКС не стало исключением: лидеры стран — членов объединения поддержали урегулирование кризиса в Сирии в соответствии с резолюцией 2254 (2015) Совета Безопасности ООН; осудили ядерные испытания КНДР; поддержали Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной проблеме.

КОНТАКТЫ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ. «МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ

Как известно, КНР в последние десятилетия активно использует инструменты «мягкой силы» для наращивания своего влияния в мире, в том числе посредством распространения и популяризации китайского языка и продвижения собственной традиционной и современной культуры [Михневич 2014]. Китай не преминул воспользоваться преимуществами председательства в БРИКС для продвижения инструментов «мягкой силы». В период председательства было организовано большое число мероприятий, направленных на развитие культурных, образовательных и молодежных связей. Также Китай впервые в истории объединения провел Спортивные игры БРИКС, в программу которых вошли баскетбол, волейбол, боевые искусства¹⁴.

Был институционализирован диалог в сфере культуры за счет создания альянсов государственных музеев, художественных музеев и национальных галерей, библиотек стран БРИКС, Ассоциации детских и юношеских театров БРИКС¹⁵.

БРИКС+

Претендуя на статус одной из глобальных держав, КНР стремится к развитию сотрудничества со странами различных регионов и выступает в качестве инициатора расширения формата БРИКС за счет включения новых членов.

В качестве председателя в БРИКС Китай пригласил для участия в саммите лидеров Египта, Гвинеи, Мексики, Таджикистана и Таиланда¹⁶. Выбор был не слу-

¹⁴ В Поднебесной взяли мяч, 20.06.2017 г. URL: <https://www.rg.ru/2017/06/20/poslednij-den-igr-stran-briks-projdet-v-guanchzhou-v-sredu.html> (accessed: 22.01.2018).

¹⁵ Министры культуры БРИКС договорились укреплять сотрудничество музеев, библиотек и театров, 6 июля 2017 г. URL: <http://tass.ru/kultura/4391450> (accessed: 22.01.2018).

¹⁶ China invites five countries as guests for BRICS summit, 30 August 2017. URL: <http://indianexpress.com/article/world/china-invites-five-countries-as-guests-for-brics-summit-4820636/> (accessed: 22.01.2018).

чаен: приглашенные страны представляли регионы мира с наибольшей долей развивающихся стран — Азию, Африку и Латинскую Америку, в отношении каждой из стран у КНР имеются определенные интересы.

Таиланд — один из главных союзников Пекина в Юго-Восточной Азии. Китай проводил политику невмешательства во внутренние дела страны в 2010-е гг., когда страна столкнулась с политическим кризисом, что вызвало одобрение у широких масс населения. Китай — крупнейший торговый партнер Таиланда, поддерживающий реализацию ряда крупномасштабных проектов в стране, в том числе по строительству высокоскоростной железной дороги [Chingchit 2016].

Таджикистан имеет сухопутную границу с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, через который проходит Новый Шелковый путь. В 2016 г. Китай вышел на первое место по объемам торговли с Таджикистаном, объем китайских инвестиций в страну растет. Власти Пекина заинтересованы, в первую очередь, в сырьевых ресурсах Таджикистана и промышленных производствах страны.

Несмотря на то что Китай старается не вмешиваться в ближневосточные дела, оставляя разбираться в них Россию и США, начиная с 2016 г. власти «Поднебесной» стали поступательно наращивать сотрудничество с регионом, будучи заинтересованными в поставках нефти. Так, в 2016 г. состоялся официальный визит Си Цзиньпина в Египет, в ходе которого было объявлено о выделении китайской стороной более 1 млрд дол. США на египетские проекты в сфере инфраструктуры и т.д.

Мексика является партнером КНР по глобальным и региональным институтам — «Группе двадцати» и АТЭС. В то время как будущее Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) туманно из-за потенциального выхода из него США, Китай стремится воспользоваться этим и укрепить торгово-экономические отношения с Мексикой, о чем свидетельствуют заявления последних встреч, в том числе на полях саммита БРИКС в Сямэне.

Как показали результаты исследования, Китай успешно выполнил роль председателя в БРИКС в 2017 г. Была обеспечена преемственность с повесткой предыдущих председательств, одобрен ряд новых инициатив, направленных на развитие экономического сотрудничества в рамках объединения. В рамках финансового трека принято обязательство развивать сотрудничество в валютной сфере, в том числе посредством расчетов и прямых инвестиций в национальной валюте.

Для развития инновационного сотрудничества важным является предложение создать Институт БРИКС по изучению «сетей будущего».

Китайское председательство знаменовало собой продвижение сотрудничества в области занятости. Так, было одобрено предложение о создании сети исследовательских институтов государств БРИКС по вопросам труда, а также Рамочная программа сотрудничества государств БРИКС в области социального обеспечения.

Были закреплены обязательства стран БРИКС по реализации Повестки дня в области устойчивого развития-2030.

В целом Китай смог использовать потенциал БРИКС для продвижения национальных приоритетов по развитию цифровой экономики, борьбе с загрязнением окружающей среды, расширению использования возобновляемых источников энергии, продвижению традиционной и современной культуры и языка как инструментов «мягкой силы», наращиванию партнерств с другими странами и интеграционными объединениями.

Китайское председательство в БРИКС завершило успешный период председательств страны в международных многосторонних объединениях (2014 г. — АТЭС, 2016 г. — «Группа двадцати», 2017 г. — БРИКС), результаты которых позволили укрепить влияние Китая в региональных и глобальных институтах коллективного управления.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИСПОЛНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ЧЛЕНАМИ „ГРУППЫ ДВАДЦАТИ“ И БРИКС» (2018 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горбунова М.Л., Комаров И.Д. Гибридные механизмы многостороннего экономического сотрудничества — новое явление во внешней политике КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 3. С. 82—98. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-82.
- Ларионова М.В. Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 1. С. 125—134.
- Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113.
- Ларионова М.В. «Группа двадцати» и международные организации: взаимодействие для обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 2. С. 54—86. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-54.
- Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Немного хороших новостей для глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1. С. 7—33. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01 01.
- Ларионова М.В., Колмар О.И. Ханчжоуский консенсус: наследие для Китая, «Группы двадцати» и мира // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 3. С. 53—72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Формирование повестки дня БРИКС в сфере здравоохранения // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 4. С. 102—125.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сафонкина Е.А., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Председательство Российской Федерации в «Группе двадцати»: в поисках баланса и путей обеспечения фискальной устойчивости и уверенного роста // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8. № 4. С. 122—179.
- Лексютина Я.В. Китай в БРИКС: первый среди равных // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 11—20.
- Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 95—129.

- Сафонкина Е.А.* Председательство Индии в БРИКС в 2016 г. // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 7. С. 15—20.
- Толорая Г.Д., Чуков Р.С.* Рассчитывать ли на БРИКС? // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016. Т. 11. № 2. С. 97—112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.
- Трифонов В.И.* Внешняя политика КНР (1949—2009 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 5. С. 57—70.
- Хмелевская Н.Г.* Реальные контуры и ориентиры валютного партнерства БРИКС для содействия торговле и инвестициям // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2015. Т. 10. № 2. С. 70—88. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-70.
- Шелепов А.В.* БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2015. Т. 10 (4). С. 7—28. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.
- Chingchit S.* The Curious Case of Thai-Chinese Relations: Best Friends Forever? // *The Asia Foundation*. URL: <https://asiafoundation.org/2016/03/30/the-curious-case-of-thai-chinese-relations-best-friends-forever/> (accessed: 12.01.2017).
- Kirton J.* *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate, 2013.
- Kirton J., Larionova M.* *Accountability for Effectiveness in Global Governance*. London: Routledge, 2017.
- Larionova M., Shelepov A.* Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness. In: *The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance*. Ed. by M. Rewizorski. Leiden: Springer, 2015. p. 39—55. DOI 10.1007/978-3-319-19099-0_4.
- Shelepov A.* BRICS engagement with international institutions for better governance // *BRICS and Global Governance* / ed. by J. Kirton, M. Larionova. London: Routledge, 2018. P. 49—69.
- Stuenkel O.* The G7 and the BRICS in the post-Crimea world order. *Valdai Papers*. № 14. May 2015. URL: <http://www.postwesternworld.com/2015/05/06/brics-crimea-world/> (accessed: 12.05.2017).

Дата поступления статьи: 1.02.2018

Для цитирования: Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367.

Сведения об авторе: Сафонкина Елизавета Андреевна — научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (e-mail: safonkina-ea@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367

CHINESE 2017 BRICS PRESIDENCY: EXPANDING COOPERATION HORIZONS

E.A. Safonkina

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract: The research aims to analyze the Chinese BRICS presidency in 2017 from the standpoint of promoting adenga's continuity, developing new initiatives and providing a balance of national and partner countries' interests in the context of existing and new global challenges.

To carry out the research the author applied historical and comparative analysis methods.

The author comes to a conclusion that China was able to effectively organize its presidency's agenda to promote its own initiatives while supplying partners' demand hereby laying a basis for further cooperation development in the BRICS, first of all in the framework of the South African presidency in 2018.

In the economic sphere a number of sectoral documents were approved to exchange experience between the participating countries, in particular the Framework on Strengthening the Economic and Technical Cooperation for BRICS Countries aimed at providing CNY500 million to boost practical cooperation. In the financial sphere, with an objective to promote the Chinese national currency at the international financial markets, China implemented steps aimed at developing cooperation in the monetary sphere that, obviously, in the interests of other BRICS member countries. Chinese national financial institutions broadened their engagement with the BRICS New Development Bank.

China faces a wide range of social goals in line with the Sustainable Development Agenda. The Xiamen Declaration affirmed the BRICS members' commitment to fully implement the Agenda 2030.

Being interested in new technologies transfer China promoted an adoption of a long-term cooperation instrument in this sphere (BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017—2020)).

To expand its influence at the international scene China actively uses soft power mechanisms. Its BRICS presidency was not an exception. A wide number of events were organized to promote Chinese culture and language. For the first time the BRICS Sport games took place.

In such a way the Chinese 2017 presidency reaffirmed the BRICS mission, adopted new decisions, in particular aimed at cooperation institutionalization, in the interest of China and partner countries.

Key words: BRICS, China, foreign and national policy priorities, global governance, challenges

Acknowledgements: The research was carried in the framework of a CIIR RANEPА 2018 research project "Comparative Assessment of G20 and BRICS Members' Compliance with Collective Commitments".

REFERENCES

- Chingchit, S. (2016). The Curious Case of Thai-Chinese Relations: Best Friends Forever? *The Asia Foundation*. URL: <https://asiafoundation.org/2016/03/30/the-curious-case-of-thai-chinese-relations-best-friends-forever/> (accessed: 12.01.2017).
- Gorbunova, M. & Komarov, I. (2016). A Hybrid Mechanism of Multilateral Economic Cooperation as a New Form of Foreign Policy of China. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (3), 82—98. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-82. (In Russ.).
- Khmelevskaya, N. (2015). The Real Contours and Targets for the BRICS Monetary Partnership to Facilitate Trade and Investments. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (2), 70—88. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-02-70. (In Russ.).
- Kirton, J. (2013). *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Kirton, J. & Larionova, M. (2017). *Accountability for Effectiveness in Global Governance*. London: Routledge.
- Larionova, M.V. (2016). Rossiiskoe predsedatel'stvo v BRIKS: modeli vzaimodeistviya s mezhdunarodnymi institutami [Russia's 2015 BRICS Presidency: Models of Engagement with International Organizations]. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (2), 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113. (In Russ.).
- Larionova, M.V. (2017). G20: Engaging with International Organizations to Generate Growth. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (2), 54—86. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-54. (In Russ.).
- Larionova, M.V. (2018). G20, BRICS and APEC in the System of International Institutions: A Piece of Good News for Global Governance. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 13 (1), 7—33. (In Russ.).
- Larionova, M. V. (2015). South Africa's BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, (1), 125—134. (In Russ.).

- Larionova, M.V. & Kolmar, O.I. (2017). The Hangzhou Consensus: Legacy for China, G20 and the World. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (3), 53—72. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-03-53. (In Russ.).
- Larionova, M.V., Rakhmangulov, M.R., Sakharov, A.G. & Shelepov, A.V. (2014). BRICS: Emergence of Health Agenda. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 9 (4), 102—125. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99. (In Russ.).
- Larionova, M.V., Rakhmangulov, M.R., Safonkina, E.A., Sakharov, A.G. & Shelepov, A.V. (2013). The Russian Federation G20 Presidency: in Pursuit of a Balance between Fiscal Consolidation and Sustainable Growth. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 8 (4), 122—179. (In Russ.).
- Larionova, M. & Shelepov, A. (2015). *Is BRICS Institutionalization Enhancing its Effectiveness*. In: *The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance*. Ed. by M. Rewizorski. Leiden: Springer. P. 39—55. DOI 10.1007/978-3-319-19099-0_4.
- Leksytina, Y.V. (2016). China in BRICS: first among equal. *The Far Eastern Affairs*, 5, 11—20. (In Russ.).
- Mikhnevich, S.V. (2014). The Panda in the Dragon's Service: The Main Directions and Mechanisms of China's Soft Power Policy. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 9 (2), 95—129. (In Russ.).
- Safonkina, E.A. (2017). India's 2016 BRICS Presidency. *Asia and Africa Today*, 7, 15—20. (In Russ.).
- Shelepov, A. (2018). *BRICS engagement with international institutions for better governance*. In: *BRICS and Global Governance*. Ed. by J. Kirton, M. Larionova. London: Routledge, 2018. P. 49—69.
- Shelepov, A.V. (2015). BRIKS i mezhdunarodnye instituty: modeli vzaimodeistviya v protsesse osushchestvleniya mnogostoronnego upravleniya [BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance]. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (4), 7—28. (In Russ.).
- Stuenkel, O. (2015). The G7 and the BRICS in the post-Crimea world order. *Valdai Papers*, № 14. URL: <http://www.postwesternworld.com/2015/05/06/brics-crimea-world/> (accessed: 12.05.2017).
- Toloraya, G.D. & Chukov, R.S. (2016). BRICS to Be Considered? *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (2), 97—112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97. (In Russ.).
- Trifonov, V.I. (2009). Vneshnyaya politika KNR (1949—2009 gg.) [The PRC's Foreign Policy (1949—2009)]. *The Far Eastern Affairs*, # 5, 57—70. (In Russ.).

Received: 1.02.2018

For citations: Safonkina, E.A. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: expanding cooperation horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367.

About the author: *Safonkina Elizaveta Andreyevna* — Researcher of the Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA) (e-mail: safonkina-ea@ranepa.ru)

© Сафонкина Е.А., 2018

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В НАЧАЛЕ XXI В.

А.И. Полищук¹, А.С. Соболева², Э. Карими Риаби³

¹Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

²Международная федерация журналистов и Союз журналистов России,
Москва, Российская Федерация

³Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В статье анализируются особенности развития российско-иранских культурных связей на рубеже XX—XXI вв. За последние 25 лет эти отношения существенно активизировались преимущественно в результате целенаправленной и финансируемой государством политики руководства Исламской Республики Иран (ИРИ), которая обеспечивает распространение ирано-исламской культуры и персидского языка в мире, в том числе и в России. При этом Иран сопротивляется проникновению любого культурного влияния, «чуждого исламским ценностям», что требует тщательно продуманного подхода при распространении достижений российской культуры на его территории.

Россия рассматривает Иран как влиятельную региональную силу и геополитического союзника по укреплению стабильности в регионе и многополярном мире. Развитие связей с ИРИ на данном этапе приоритетно в военно-технической, научно-образовательной и торгово-экономической сферах. Культурному сотрудничеству с Ираном на государственном уровне не придается самостоятельного значения и отводится роль некоего благоприятного фона. Имеет место недооценка роли культурного фактора в формировании структуры стратегического взаимодействия России с ИРИ.

Ключевые слова: Россия, Иран, культура, сотрудничество, Культурное представительство при Посольстве ИРИ в РФ, иранистика, «диалог цивилизаций», «культурный инжиниринг»

Культурные связи во все времена являлись показателем общей интенсивности отношений между государствами и эффективным средством их налаживания. В переживаемую нами эпоху глобального информационного общества значение культурного фактора в международной жизни многократно возросло. «Культурное влияние сейчас играет не менее важную роль в мировой политике, чем военное и экономическое положение той или иной страны» [Карими Риаби 2009: 1].

Обмен первыми дипломатическими миссиями между Московским и Сефевидским государствами в ранге послов произошел в 1552—1553 гг. Однако дипломатические связи между странами существовали и ранее [Кулагина, Дунаева 1998: 9]. Несмотря на политические противоречия и цивилизационные различия, Россия и Иран всегда стремились к расширению торговых, экономических и культурных связей [Parker 2009: 43].

Нынешний этап российско-иранских культурных отношений, как никогда за всю их пятисотлетнюю историю, отличается разнообразием векторов их развития и наличием нескольких уровней. Культурные связи России и Ирана в первые десятилетия XXI в. представляют собой широкий спектр взаимодействия между гражданами двух стран в разных областях культуры, искусства, науки, изучения и распространения языка, туризма, функционирования СМИ. Если в советское время такие связи инициировались и осуществлялись исключительно на официально-государственном уровне, то в условиях глобализации, развития в обеих странах информационных технологий и демократических институтов они стали многоуровневыми. И хотя мероприятия и проекты на основе межправительственных соглашений и государственного финансирования, как и прежде, составляют основу отношений в этой сфере, все большее значение приобретают контакты на уровне общественных организаций и межличностных связей.

Однако даже на этом «пике» культурных отношений двух стран очевидна их дефицитность, несимметричность и заметное отставание от политических и экономических связей. Исследователи обеих стран продолжают отмечать, что население Ирана и России еще мало знает друг о друге и находится во власти негативных стереотипов [Малеки 2017: 138; Шафаги 2017: 72; Дунаева 2014: 5]. Культурные различия, необходимость соблюдать при посещении ИРИ непривычные этические нормы и ограничения сказываются на показателях в туристической сфере. В 2017 г. Россию посетило 80 тыс. иранских туристов (28-я позиция по странам). Иран же, несмотря на огромное количество исторических достопримечательностей и развитую туристическую инфраструктуру, практически не привлекает российских туристов — он не входит в ТОП-60 по числу посещений россиянами в 2017 г. (менее 13 тыс. человек), тогда как соседняя Турция занимает первое место в российском туристическом рейтинге (4,5 млн туристов)¹.

Отправной точкой культурных отношений Исламской Республики Иран и Российской Федерации логично считать 1991 г. — момент распада СССР и создания Российской Федерации. К этому времени Исламская Республика Иран вышла из 8-летней войны с саддамовским Ираком и встала на рельсы мирной жизни, руководствуясь политическим завещанием имама Хомейни и программой экономических реформ прагматика Али Акбара Хашеми Рафсанджани.

В 1990-е гг. Россия вошла с представлением об иранцах как очень хорошем, положительном народе, который стал жертвой эксплуатации великих капиталистических держав и, свергнув шаха, реализует свое право на независимый путь развития. Во многом этот дружелюбный взгляд позволил в начале 1990-х гг. говорить с Ираном о возможностях стратегического партнерства [Юртаев 2015: 38].

В 1996 г. в Министерстве иностранных дел ИРИ Секретариат ассоциаций содружеств Ирана с другими государствами провел семинар, к работе которого были привлечены некоторые преподаватели Тегеранского университета, иранские исследователи и представители Посольства России в ИРИ. На этом заседании

¹ Сайт «ТурСтат». URL: <http://turstat.com/outboundtravelstatiscticsrussia2017> (дата обращения: 07.04.2018).

были сделаны первые шаги для создания *Общества дружбы Ирана и России*. На основании двустороннего Соглашения о развитии культурных связей между Россией и Ираном 6 декабря 1999 г. официально было открыто *Культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Москве*. Это событие стало поворотным пунктом в культурном взаимодействии двух стран и укреплении двусторонних отношений в сфере просвещения [Амирахмадиан 2008: 91].

Первым директором Культурного представительства при Посольстве ИРИ стал молодой (1968 г.р.) политолог Мехди Санаи, активность и открытость которого заметно отличались от осторожного, «византийского» стиля работы находившихся в Москве сотрудников иранского дипломатического корпуса. Руководитель Иранского культурного центра лично посещал научные учреждения и учебные заведения в разных городах России, библиотеки и редакции СМИ, свободно общался на русском языке со всеми, кто проявлял профессиональный интерес к иранской культуре. Вскоре под его редакцией стал выходить русскоязычный журнал «Персия» как приложение к российскому академическому журналу «Восток». Материалы «Персии» (с 2002 по 2004 г. — «Иран сегодня») были намного ближе менталитету россиян, чем выходивший до этого при Посольстве ИРИ дайджест иранской прессы «Третий взгляд» с тревожным для многих читателей девизом: «*Ни Запад, ни Восток — Исламская Республика*». На страницах «Персии» стали печататься статьи не только иранских экспертов, но и российских востоковедов, появлялись увлекательные рассказы о путешествиях по Ирану в разные эпохи, притчи и стихи персидских классиков, рецепты иранской кухни.

С открытием Культурного представительства при Посольстве ИРИ в российской столице стали регулярно проводиться вечера памяти персидских классиков, выставки иранского искусства, Дни культуры Ирана с участием иранских музыкантов и художников. Во дворе Всероссийской библиотеки иностранной литературы по инициативе доктора Санаи в марте 2001 г. был открыт памятник создателю иранского эпоса «Шах-наме» Абулькасиму Фирдоуси. В российских вузах, имеющих кафедры персидского языка, стали появляться «Иранские кабинеты», оборудованные компьютерами с программным обеспечением на фарси, библиотеками с иранской классикой и периодикой. Исследования российских иранистов стали предметом деятельного внимания, выразившегося в помощи изданию сборников их трудов и организации их поездок на научные конференции в ИРИ. Российские студенты и преподаватели персидского языка с 2000 г. получили возможность регулярно ездить на практику в Иран, что первые несколько лет для россиян было полностью бесплатно — за счет бюджета Ирана².

Разумеется, такое оживление ирано-российских культурных связей объяснялось не только энтузиазмом и профессионализмом руководителя Иранского культурного центра. Его деятельность была обусловлена официальной политикой

² Постепенно, примерно с 2005 г., Иран поставил обучение иностранных студентов и преподавателей в университетах ИРИ и курсах повышения квалификации на коммерческую основу.

страны, оправившейся после революционных стрессов, изнурительной ирано-иракской войны и взявшей курс на интенсивное развитие всесторонних отношений с соседями и укрепление своего влияния в регионе через распространение своей культуры.

Следует отметить, что «культура» в ирано-мусульманском контексте понимается очень широко, как важнейшая составляющая, регулирующая практически все сферы жизни общества применительно к исламскому учению и конкретной ситуации, складывающейся в стране с формой государственного правления, в основе которого лежит религиозная доктрина. В этой связи руководство страны рассматривает культуру как базовый ценностный фактор общественной жизни и гораздо шире, чем принято понимать в светском обществе [Полищук 2017: 242].

ОТ ЭКСПОРТА РЕВОЛЮЦИИ К ЭКСПОРТУ КУЛЬТУРЫ

Культурная составляющая с самого начала существования ИРИ была важной частью внешней политики. Однако в первое послереволюционное десятилетие внешнеполитическая деятельность Ирана проходила под лозунгом «экспорта исламской революции» и в условиях минимизации контактов не только с Западом, но и с «Востоком», под которым подразумевался атеистический СССР [Mozaafari 2013: 193]. Ему был присвоен титул «Малого сатаны», чему способствовали ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 г. и поддержка Москвой прокоммунистической Народной партии Ирана («Тудэ»). В начале 1980-х гг. закрылось действующее с 1943 года Иранское общество культурных связей с СССР, а также было вынуждено прекратить свою деятельность на территории ИРИ представительство Советского общества культурных связей с Ираном, основанное в 1963 г.

Со своей стороны советское руководство, обеспокоенное возможностью проникновения исламистских идей в пограничные с Ираном республики СССР, также ограничило культурно-гуманитарные контакты с Исламской Республикой Иран [Дунаева 2014: 5].

Однако дипломатические связи ИРИ с СССР, а затем с его правопреемницей Российской Федерацией не прерывались ни на день, хотя интенсивность культурных контактов до середины 1990-х гг. была невысока. В Иране не прошла незамеченной смена идеологических приоритетов советским руководством в эпоху «перестройки». Отказавшийся от атеистической риторики М.С. Горбачев в январе 1989 г. удостоился личного послания духовного лидера Ирана аятоллы Р.М. Хомейни, предложившего заполнить возникший идеологический вакуум исламскими ценностями. Послание заключалось такими словами: «Как бы то ни было, наша страна по-прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы»³.

³ Путь, ведущий к истине. Послание Великого Вождя Исламской революции и основоположника Исламской Республики Иран главе Советского Союза Михаилу Горбачеву. Тегеран: Издательство произведений имама Хомейни, Международный отдел, 2003. С. 39.

Летом 1989 г. Москву посетил Али Акбар Хашеми Рафсанджани, в то время занимавший пост председателя парламента, а вскоре одержавший победу на президентских выборах. В ходе его визита был заключен договор о долгосрочном сотрудничестве в области торговли, экономики, науки и техники, включая сотрудничество в области мирного атома. И, тем не менее, отношение СССР к Ирану оставалось настороженным, так как вызывало опасение его идеологическое влияние на республики Центральной Азии.

С распадом СССР и появлением независимых государств на южных границах России Иран стал выстраивать отношения с каждым из них отдельно, пытаясь использовать общность многих компонентов своей культуры. «В те годы Россия, в которой происходила смена социально-политической и культурной парадигмы, проявляла больший интерес к культурным контактам с Западом и ориентировалась преимущественно на западные ценности. Однако поиски каждым из государств своего места в мировом сообществе подталкивали их к сближению» [Дунаева 2014: 6].

Российские иранисты, тщательно следившие за происходящими в ИРИ изменениями, не оставили без внимания такое явление 1990-х гг., как «эволюция исламского правления». Она была вызвана необходимостью скорейшего восстановления экономики и прагматичным взглядом на геополитическую ситуацию в регионе, когда ни один из руководителей возникших на обломках СССР независимых республик не выказал стремления к созданию теократического государства. Лозунг «экспорта исламской революции» был преобразован в лозунг «экспорта культуры исламской революции».

Профессор А.З. Арабаджян, в то время заведующий сектором Ирана Института востоковедения РАН, отметил следующее: «Одним из важнейших проявлений эволюции, происходящей в исламском режиме, стал отказ от экстремистского отношения к общеиранскому культурному наследию как периода доисламской цивилизации, так и наследию, созданному в первые века исламского Ирана. Здесь достаточно напомнить о запрете на творение Фирдоуси „Шах-наме“, а затем — снятии этого запрета... Вот уже более 1300 лет Иран является исламской страной. Таковой он останется и в веках. Но в равной мере Иран останется наследником своей великой цивилизации, которой не одна тысяча лет» [Арабаджян 1998: 31—32].

В 1996 г. под эгидой Министерства культуры и исламской ориентации ИРИ была создана *Организация культуры и исламских связей (ОКИС)*, которая вскоре стала самостоятельной структурой. В числе задач ОКИС — «укрепление культурных контактов с другими государствами и культурными организациями, представление ценностей иранской культуры и цивилизации, особенностей исторического развития Ирана»⁴. Уже в первые пять лет своего существования ОКИС открыла представительства более чем в 60 странах разных регионов мира, деленных не по географическому, а по цивилизационному признаку: «Азиатско-океанский», «Афро-арабский» и «Евро-американский», куда отнесена и Российская Федерация.

⁴ Islamic Culture and Relations Organization. URL: <http://www.icro.ir/> (accessed: 01.04.2018).

«Возвращаясь к культурной политике Ирана 90-х гг., можно с уверенностью сказать, что его лидеры ведут интенсивные поиски путей модернизации своего общества и места страны в регионе, опираясь на истоки национальной культуры, ее позитивные традиции и укорененность в культурной памяти соседних народов. Данная стратегия Ирана, безусловно, влияет и на его отношения с Россией. Среди руководителей ИРИ есть уважение к российским интересам в регионе и интерес к торгово-промышленным связям. Для Ирана с его признанием приоритетности культуры в процессе трансформации общества притягательность России в немалой степени определяется еще и уважением к русской культуре, науке и техническому потенциалу страны» [Кляшторина 1998: 125].

Знакомство третьего президента ИРИ, а с 1989 г. и поныне — духовного лидера страны (рахбара) аятоллы Сейеда Али Хаменеи с русской историей и литературой хорошо известно его биографам и журналистам. Оппозиционный публицист Акбар Ганджи считает, что излишнее доверие рахбара к северному соседу как геополитическому союзнику вызвано его глубокой симпатией к России на основе прочитанных еще в юности романов А. Толстого, М. Шолохова, М. Горького⁵.

РОССИЯ В ОРБИТЕ «ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Пришедший в 1997 г. к власти пятый президент ИРИ Мохаммад Хатами поставил на глобальную повестку дня новую парадигму международных отношений — концепцию «Диалога цивилизаций», которая «означает равенство народов и государств» [Lotfian 1999: 431]. «Иными словами, диалог возможен только тогда, когда каждый из его участников уважает другого и относится к нему как к равному»⁶.

По инициативе президента Ирана Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2001 г. «Годом диалога между цивилизациями»⁷. Значение концепции диалога цивилизаций состоит в том, что, с одной стороны, она призывает к эффективному общению в пределах мусульманского мира, в том числе между суннитами и шиитами, а с другой — приглашает к культурному диалогу с Западом. Она также подтверждает мысль о том, что страны с длительной и непрерывной культурной традицией способны к развитию в новых условиях, в том числе в условиях глобализации. Эту теорию можно рассматривать и как ответ на тенденции глобализации культурного пространства и навязывания единых культурных стандартов. Вместе с тем, представленная М. Хатами концепция «диалога цивилизаций» также могла символизировать определенное смягчение антизападных настроений руководства ИРИ [Каменева 2013: 168; Harsij, Mollaei 2009: 300].

⁵ Ганджи Акбар. Может ли Иран доверять России? URL: <http://rusinform.ru/policy/6674-mozhet-li-iran-doveryat-rossii.html> (дата обращения: 01.04.2018).

⁶ Мохаммад Хатами. Ислам, диалог и гражданское общество. М.: РОССПЭН, 2001. С. 6.

⁷ Резолюция 56-й сессии ООН от 29 октября 2001 года «Год диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N01/606/73/PDF/N0160673.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.04.2018).

«Что касается „диалога цивилизаций“ между Россией и Ираном, то он имеет очень хорошую основу с учетом многих факторов, прежде всего, следующих:

- существование устоявшейся традиции межкультурного и межцивилизационного взаимодействия в силу исторических связей и территориальной близости;
- наличие базы для взаимовыгодного экономического и политического сотрудничества с учетом тех изменений, которые произошли в Иране и России в последние годы;
- расширение возможностей культурного сотрудничества в связи со снятием в России идеологических барьеров и возрождением религиозной жизни, в том числе среди православных и мусульман;
- близость традиционных ценностей (семья, воспитание детей, морально-этические нормы, борьба за здоровый образ жизни, охрана окружающей среды и т.д.);
- стремление в обеих странах к сохранению национальных традиций и уклада в условиях противостояния негативному влиянию так называемой „массовой“ западной культуры» [Полищук 2015: 24].

М. Хатами стал первым президентом ИРИ, посетившим Россию с государственным визитом (март 2001 г.). Его усилия по налаживанию отношений с исламскими странами были отмечены Общественной организацией «Центр национальной славы России», вручившей в 2003 г. главе Исламской Республики международную премию имени апостола Андрея Первозванного «За вклад в диалог цивилизаций»⁸.

Именно в эпоху М. Хатами, который был на президентском посту до 2005 г., произошли многие значимые события российско-иранского культурного взаимодействия:

- первое заседание Комиссии по межрелигиозному диалогу «Ислам — Православие» (1997);
- выставка иранского искусства в Российской государственной библиотеке (1998);
- начало работы в Москве Культурного представительства при Посольстве Ирана (1999);
- выставка иранских ковров в Музее искусства народов Востока (2000);
- вручение иранских музыкальных инструментов в дар ГЦММК имени М.И. Глинки (2000);
- выход журнала «Персия» при Культурном представительстве Посольства ИРИ (2000—2004);
- открытие памятника А. Фирдоуси в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино (2001);
- оснащение «Иранских кабинетов» в российских вузах и научных центрах (2000—2005)⁹;

⁸ Окулова Г. Верные Отечеству // НГ 07.03.2003. URL: http://www.ng.ru/saturday/2003-03-07/14_premia.html (дата обращения: 01.04.2018).

⁹ В 2018 г. работает 19 Центров языка и культуры Ирана в разных университетах России.

- международная конференция «Диалог цивилизаций» в РУДН (2002);
- международная конференция «Диалог культур: Хафиз, Гете, Пушкин» в ИМЛ (2003);
- визит министра культуры России М. Швыдкого в Иран (2003);
- подписание между министерствами культуры России и Ирана Соглашения о сотрудничестве на 2004—2006 гг. (2003)¹⁰;
- первая Всероссийская олимпиада по персидскому языку и литературе (2004)¹¹;
- «Дни иранского кино» с ЦДК с участием режиссера Маджида Маджиди (2005).

Большинство из перечисленных событий произошли по инициативе иранской стороны. Но важно отметить, что они создавали новые возможности для российских общественных организаций, стремящихся к более тесному сотрудничеству с Ираном в гуманитарной сфере. Заметно увеличилась активность *Российско-иранского общества (РИО)*, созданного московскими иранистами в 1994 г.¹²

В 2004 г. начал издаваться ежеквартальный научно-просветительский журнал «Ирано-Славика»¹³, который возглавила доктор филологических наук профессор Н.И. Пригарина. Это издание, учредителем которого является таджикский Фонд «Эхъёи аджам», более 10 лет было единственным в России международным журналом на четырех языках, публикующим статьи востоковедов разных стран и рассказывающим о жизни иранистов СНГ. К сожалению, в 2015 г. «Ирано-Славика» вышла последний раз из-за сложностей с финансированием.

В 2005 г. было зарегистрировано РОО развития культурных связей с Ираном «Персия», которое на энтузиазме востоковеда Ирины Абраменко в течение ряда лет проводило лекции по иранской истории и культуре.

В 2005 г. в Тегеранской консерватории «Хош нахад пейман» прошли *Дни Московской консерватории им. П.И. Чайковского в Иране*, давшие мощный импульс российско-иранскому сотрудничеству на музыкальной ниве. Глава Научно-творческого центра «Музыкальные культуры мира» при Московской консерватории Маргарита Каратыгина стала горячим пропагандистом иранской музыкальной культуры, воспитала нескольких профессиональных музыковедов, написавших исследования по теории иранской музыки. Центр при посредничестве своего консультанта, певца Хосейна Нуршарга, регулярно приглашает выдающихся иранских исполнителей для участия в фестивалях «Вселенная звука», «Собираем друзей» и концертах в разных городах России¹⁴.

¹⁰ Соглашением де-факто положено начало культурному обмену в форме «Недель культуры»: «Недели культуры России в Иране» были проведены в апреле 2006 г. и в октябре 2013 г. «Недели культуры Ирана в России» проводились в апреле 2008 г. и в октябре 2012 г.

¹¹ С тех пор Олимпиады стали проводиться ежегодно. В 2018 г. прошла 14-я Олимпиада (с 2015 г. — Универсиада) по персидскому языку и литературе в Москве. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i83551> (дата обращения: 09.04.2018).

¹² В 2009 г. оно было переименовано в «Общество дружбы с Ираном». С 2007 г. по настоящее время его возглавляет доцент МГЛУ А.И. Полищук.

¹³ Подробнее о журнале «Ирано-Славика» — <https://www.ivran.ru/irano-slavika>.

¹⁴ *Соболева А.С.* Иранские звезды во Вселенной звука. URL: <http://www.worldmusiccenter.ru/2013/6/iranskie-zvezdy-vo-vselennoi-zvuka> (дата обращения: 01.04.2018).

В 1999 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Алетейя» вышел сборник переводов на русский язык стихов иранских поэтов «новой волны» — Н. Надерпура, А. Шамлу, С. Сепехри, Х. Эбтехаджа, Ф. Фаррухзад, Ф. Тавалалли и др. — *«Новые иранские поэты на берегах Невы»* (составители А. Андрюшкин и Ф. Абдуллаева). Это было частной инициативой составителей этого издания, осуществленного силами преподавателей Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и петербургских поэтов-переводчиков. В 2005 г. петербургское издательство «Светоч», возглавляемое А. Андрюшкиным, совместно с Академией русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, выпустило сборник современной иранской прозы — *«Иранский калейдоскоп»*. Издание было осуществлено уже при финансовой поддержке Культурного представительства при Посольстве ИРИ в России¹⁵.

В 2000-е гг. продолжила свою работу российско-иранская *Комиссия по межрелигиозному диалогу «Ислам — Православие»*. Начало ее созданию было положено в 1995 г., когда глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата владыка Кирилл (ныне — Святейший Патриарх Московский и всея Руси) посетил Иран и встретился с аятоллой Мохаммедом Али Тасхири, в то время руководителем Организации культуры и исламских связей ИРИ. После ответного визита аятоллы Тасхири в Москву и его встречи с Патриархом Алексием Вторым было решено создать совместную богословскую комиссию для обсуждения насущных проблем современности. С тех пор каждые два года, попеременно — то в Москве, то в Тегеране — происходит встреча авторитетных представителей Русской Православной Церкви и шиитского духовенства Ирана. Они зачитывают свои доклады, дискутируют, вместе посещают святые и исторические места, общаются со студентами духовных заведений. К сожалению, участие прессы на этих заседаниях крайне ограничено¹⁶.

С приходом к власти в ИРИ президента Махмуда Ахмадинежада в 2005 г. теория диалога в иранском общественном и политическом сознании потеряла свои позиции и был сделан акцент на восстановлении исламских ценностей послереволюционного периода [Каменева 2013: 169]. На годы правления М. Ахмадинежада приходится пик напряженности вокруг ядерной программы Ирана, причисленного американским лидером к мировой «оси зла» и оказавшегося под градом беспрецедентных санкций. Однако «правлящие круги России, давая резкую оценку наиболее конфронтационным высказываниям иранского президента, осознавали необходимость взаимодействия с Тегераном для успешного выстраивания своей линии в регионе» [Дунаева 2014: 93]. Российско-иранские культурные связи продолжали активно развиваться в векторах, заданных в предыдущие годы.

¹⁵ Андрюшкин А.П. Роль государственных и общественных организаций России в развитии российско-иранских культурных связей на современном этапе: сборник трудов Третьей конференции АРСИИ им. Г.Р. Державина. Цитируется с сайта: <http://www.kirshin.ru/about/conference03.html> (дата обращения: 01.04.2018).

¹⁶ Закон должен охранять в человеке свободу от греха. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/reportazh/item/215015> (дата обращения: 01.04.2018).

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ НКО

В 2007 г. в России был создан *Фонд исследований исламской культуры*, учредителями которого являются специалист по истории философии Хамид Хадави (президент Фонда), профессор ИВР РАН С.М. Прозоров и преподаватель Тегеранского университета доктор Мехди Иманипур, руководивший Культурным представительством при Посольстве Ирана в 2003—2008 гг. Через Фонд осуществляется выделение грантов на научные исследования, проведение конференций, симпозиумов, выставок, перевод литературы на русский язык, а также масштабная издательская деятельность. Созданное при Фонде в 2011 г. издательство «Садра» уже за первые 5 лет своего существования совместно с российскими издательствами выпустило более 160 наименований книг по коранистике, хадисоведению, философии, истории ислама, а также переводы целого ряда романов иранских писателей на русский язык¹⁷. Фонд установил плодотворные связи со многими российскими академическими центрами, особенно с Институтом философии РАН, став неперенным участником его международных мероприятий и иницилируя некоторые из них.

18 января 2008 г. по инициативе иранской стороны «с целью оказания поддержки российской иранистике» в Министерстве юстиции Российской Федерации был зарегистрирован *Московский международный фонд иранистики*, учредителями которого, согласно протоколу, стали виднейшие российские иранисты: Г.П. Ежов, Г.А. Восканян, Н.И. Пригарина, И.М. Стеблин-Каменский и Ю.А. Рубинчик. От Ирана в число учредителей при создании Фонда вошел доктор М. Иманипур, в то время возглавлявший Культурное представительство при Посольстве ИРИ в Москве.

Фонд приступил к активной деятельности в 2010 г., когда в число основных членов правления вошел доктор Абузар Эбрахими Торкаман, сменивший М. Иманипура на посту главы Культурного представительства Ирана в Москве, а в 2013 г. возглавивший ОКИС. Летом 2010 г. директором Фонда иранистики в Москве был назначен доктор Мохсен Хейдарния, профессор Исламского университета «Азад» в Тегеране. При поддержке Посольства и Культурного представительства Ирана он организовал масштабную *Первую всероссийскую конференцию иранистов*¹⁸. Подобные встречи-отчеты иранистов из разных городов России и стран СНГ было решено сделать регулярными, но в таком формате они больше не проводились. По инициативе д-ра М. Санаи, ставшего в 2013 г. Чрезвычайным и Полномочным Послом Исламской Республики Иран в Российской Федерации, в резиденции Посольства Ирана на ул. Новаторов в Москве в 2014,

¹⁷ Соболева А. Глубины и высоты исламской мысли на русском языке. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i42196> (дата обращения: 07.04.2018).

¹⁸ Соболева А. Первая всероссийская конференция иранистов. URL: <http://russian.irib.ir/analitika/reportazh/item/168337> (дата обращения: 01.04.2018).

2015 и 2016 гг. прошли *Ежегодные форумы иранистов и преподавателей персидского языка*¹⁹.

В декабре 2015 г. исполнительным директором Московского фонда иранистики стал специалист по исламским рукописям Курбанали Идрисов. В тройку руководителей Фонда также входят глава Культурного представительства при Посольстве ИРИ Реза Малеки и д.и.н. Илья Зайцев, и.о. директора ИНИОН РАН²⁰. Под эгидой МФИ проводятся лекции по персидской литературе и истории, выставки книг и иранского искусства. МФИ — координатор ежегодной региональной премии «Книга года», которая является частью иранского международного конкурса «Книга года в области иранистики и исламоведения»²¹. Через МФИ Иран активно поддерживает российских востоковедов, оплачивая издание сборников конференций российских иранистов и отдельные исследования, переводы на русский язык персидских классиков и современных иранских писателей. Иранские ученые исследуют и каталогизируют на персидском языке хранящиеся в российских архивах рукописи, имеющие отношение к иранской истории.

В сентябре 2016 г. по инициативе ИРИ была создана *Ассоциация иранистов Евразии*, конференция которых прошла в Российском государственном гуманитарном университете²². Как ожидается, эта структура позволит координировать исследования иранистов разных стран региона и оказывать им поддержку.

За несколько дней до этого в Санкт-Петербурге в присутствии д-ра Салехи Амири, главы Организации архивов и Национальной библиотеки ИРИ (вскоре ставшего министром культуры и исламской ориентации ИРИ), был открыт *Центр изучения письменного наследия Ирана и ислама* при Институте восточных рукописей Российской академии наук²³.

В 2017 г. при участии Культурного представительства ИРИ были созданы *Ассоциация исследователей исламского рукописного наследия*²⁴ и *Общество молодых иранистов*.

15 ноября 2017 г. в Москве состоялась конференция «*Пять веков сотрудничества России и Ирана*», в которой приняли участие более двухсот виднейших ученых — историков, востоковедов, специалистов по архивному делу, филологов, политологов из обеих стран²⁵.

¹⁹ Соболева А. Выявить и устранить препятствия для сотрудничества. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i56692> (дата обращения: 01.04.2018).

²⁰ Официальный сайт «Международного фонда иранистики» в Москве: URL: <http://www.iranology.ru> (дата обращения: 01.04.2018).

²¹ Соболева А. Названы победители региональной премии. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i52648> (дата обращения: 01.04.2018).

²² Соболева А. Чем больше людей занимается изучением Ирана, тем лучше. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i46306> (дата обращения: 01.04.2018).

²³ Окно в Иран на берегах Невы. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i44305> (дата обращения: 01.04.2018).

²⁴ Создана Ассоциация исследователей исламского рукописного наследия. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i78849> (дата обращения: 01.04.2018).

²⁵ Пять веков сотрудничества России и Ирана. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i78187> (дата обращения: 01.04.2018).

ИСЛАМСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

В 2015 г. при полной финансовой поддержке Ирана был открыт *Московский исламский центр на Алтуфьевском шоссе*²⁶, где вскоре прошел Международный фестиваль Корана²⁷, регулярно проводятся лекции по исламу, презентации книг и фильмов, отмечаются шиитские памятные даты и праздники. ИРИ активно участвует во всех мероприятиях российских мусульман по линии Духовного управления мусульман России — международных форумах по исламскому образованию, конференциях по объединению мазхабов, митингах и форумах против терроризма²⁸, конкурсах чтецов Корана, праздновании Уразы-байрама и Курбан-байрама, ежегодно организует Вечер Ирана (ифтар) в «Шатре Рамадана». Одним из важных плодов культурного сотрудничества можно считать издательскую деятельность в Москве *Международного университета «Аль-Мустафа»*, который собрал высококвалифицированных российских авторов, переводчиков и редакторов и, помимо издания религиозной литературы (хадисов и тафсиров), оказывает помощь в выпуске на русском языке журнала *«Исламская культура»* — для педагогов, работающих с тематикой ислама в российских школах²⁹.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА СТРАНЫ

Иран активно сотрудничает с творческими союзами России в целях создания положительного образа ИРИ в глазах российской общественности. Совместно с Союзом художников России в 2015 г. был проведен конкурс «Иран глазами российских художников», совместно с Союзом кинематографистов ежегодно организуются «Дни иранского кино».

Стремясь расширить свое информационное присутствие в России, Иран использует и новые технические возможности, и новые организационные формы. В русскоязычном Интернете нарастающей популярностью пользуется сайт *«Иран сегодня»*, рассказывающий о культурно-исторических особенностях и туристических достопримечательностях Ирана. Авторы материалов — молодые российские иранисты, студенты старших курсов вузов, где изучают персидский язык. «Единственная наша задача — показать, что Иран живет своей непростой, но яркой, многообразной, но неоднозначной и, без сомнения, интересной жизнью», — так обозначена позиция редакции на головной странице этого ресурса³⁰. Тексты этого интернет-издания отличаются подчеркнуто свободным стилем и отсутствием политических клише, свойственных всем государственным СМИ ИРИ. «Иран сегодня» — проект Культурного представительства при Посольстве Ирана в Москве и осуществляется на его средства.

²⁶ Официальный сайт Московского исламского центра на Алтуфьевском шоссе: <http://icrus.ru>.

²⁷ О фестивале Корана. URL: <http://altufievo.mos.ru/presscenter/news/detail/2007885.html> (дата обращения: 01.04.2018).

²⁸ Соболева А. Терроризм — враг ислама. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i86300> (дата обращения: 01.04.2018).

²⁹ Сайт журнала «Исламская культура». URL: <http://islamic-culture.ru> (дата обращения: 01.04.2018).

³⁰ Сайт «Иран сегодня». URL: <http://iransegodnya.ru>.

Объявленный сайтом «Иран сегодня» и проведенный совместно с Союзом журналистов России конкурс «Иран в медиапространстве России — 2017»³¹ позволил выявить и поощрить присутствие симпатизирующих Ирану российских «акул пера» во всех современных СМИ — от федеральных и региональных телеканалов («Культура», «Москва-24») до личных блогов в социальных сетях («Facebook», «LiveJournal», «ВКонтакте» и др.).

Главное иранское информационное агентство ИРНА³² считает важным донести до россиян свою версию событий на русском языке.

Имея мультимедийный сайт www.parstoday.com/ru с возможностью воспроизведения эфирных материалов на мобильных устройствах, иранское иновещание (*Русская служба Радио «Голос Ирана»*) продолжает работать и в традиционном коротковолновом режиме, стремясь охватить аудиторию, не имеющую современной техники.

Персоязычный сайт российского государственного новостного агентства «Спутник» (наследника РГРК «Голос России») ежедневно посещает до 25 тыс. иранцев. Однако радиовещание из Москвы на персидском языке признано «экономически нецелесообразным» и прекращено в мае 2017 г. «Оптимизация ресурсов» привела к закрытию представительства РИА «ТАСС» в Иране в 2016 г. и прекращению производства новостей на всех языках, кроме английского. Постоянные финансовые трудности испытывает и созданный по инициативе Министерства туризма РФ персоязычный сайт <http://iran-visitrussia.com>, призванный побудить иранских любителей футбола приехать на Чемпионат мира — 2018 в Россию. В Интернете новости о российско-иранских отношениях в различных сферах регулярно обновляются только в персоязычной версии сайта частного информационного агентства ИРАН.ру.

Удачным ходом по созданию положительного имиджа ИРИ в глазах россиян являются русскоязычные блоги двух последних Послов Ирана в России Р. Саджади и М. Санаи, создающие ощущение прямого общения с ними, а через них — близости с Ираном. Блога Посла России в Иране пока не существует.

«КУЛЬТУРНЫЙ ИНЖИНИРИНГ» И «СБЫТ ПРОДУКЦИИ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ»

Разность подходов России и Ирана к популяризации своей культуры за рубежом и тактике межкультурного диалога, ценность которого признают оба государства, нашла отражение в программных документах культурной политики во внешнеполитической доктрине каждой из стран.

Появившиеся в конце 2010 г. на сайте МИД России «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества»³³ являются конкретизацией *Концепции внешней политики*

³¹ Соболева А. Таких конкурсов в истории России прежде никогда не было. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i83785> (дата обращения: 08.04.2018).

³² Официальный сайт агентства IRNA. URL: <http://www.irna.ir/ru>.

³³ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/224550 (дата обращения: 08.04.2018).

Российской Федерации, утвержденной Президентом России 12 июля 2008 г. Они носят рекомендательный характер «для разработки федеральных целевых программ, направленных на укрепление международного авторитета России». Подчеркивается, что правовую основу деятельности в этой сфере составляют международные договоры, а ее инструментом являются смешанные комиссии. В разделе «Диалог культур» обосновывается открытость России как демократического государства к другим культурам, но также указывается на необходимость «совершенствования механизма культурных обменов», в которых следует делать «акцент не столько на импорте зарубежной культуры, сколько на экспорте российской культуры, ее популяризации за рубежом». Отмечено, что «в последнее время характер международного культурно-гуманитарного сотрудничества претерпел серьезные изменения. Культура все в большей степени становится своеобразным товаром». В этих условиях государство должно «активно поддерживать конкурентоспособность отраслей отечественной культуры и бороться за рынки сбыта продукции культурной сферы». Предлагается шире привлекать внебюджетные средства «на добровольной основе». Каким образом это будет осуществляться, остается за рамками данного документа.

Перспективный план реализации культурной политики Исламской Республики Иран³⁴ подписан президентом страны 5 марта 2013 г., затем одобрен ее Верховным лидером и носит характер государственного закона. Подготовка этого документа началась в 2008 г., когда был создан специальный комитет по разработке перспективной программы культурного развития Ирана («Шурайе тахасосийе мохандесийе фарханги»), в состав которого вошли члены Высшего совета культурной революции (ВСКР), авторитетные специалисты и руководители исполнительных органов власти. В работе Специализированного совета принимали участие на постоянной основе 300 экспертов, представлявших научные, университетские и культурные центры, и около 2000 специалистов были привлечены к разработке документа на непостоянной основе [Полищук 2017: 242]. Результатом работы вышеназванного органа стал План («Накшейе мохандесийе фархангией кешвар»), который обобщил стратегические направления политики руководства ИРИ в культурной сфере на период до 2025 г. В разделе 1, п. 17 этого документа указана «Целевая аудитория Плана», куда входит «все мировое сообщество». Это делает все страны объектом «культурного инжиниринга» Ирана и воздействия его «мягкой силы» [Полищук 2017: 246; Wastnidge 2015: 365]. В Плате не только обозначены цели по распространению исламо-иранской культуры во всем мире, но и подробно прописаны социально-экономические механизмы и конкретные административные меры их достижения.

Один из разработчиков этого Плана — доктор Реза Малеки, руководитель Культурного представительства при Посольстве ИРИ в России. Выступая в Фонде Горчакова на конференции по культурному и гуманитарному сотрудничеству, он отметил необходимость «синергии России и Ирана», «без которой труднодости-

³⁴ نقشه مهندسی فرهنگی (накшейе мохандесийе фарханги) — в калькированном переводе с персидского звучит как «План культурной инженерии». URL к тексту PDF: <http://mf.farhangoilim.ir/DOC/mohandesifarhangi.aspx> (дата обращения: 08.04.2018).

жимы цели в других сферах сотрудничества — экономической, военной и т.д.». По его глубокому убеждению, *культурные отношения тоже носят стратегический характер*. «Мы нуждаемся в новом методе — *совместной культурной дипломатии*, дипломатии на двустороннем уровне. У нас должен быть свой совместный дискурс, на региональном и международном уровне, в области семьи, нравственности, духовности, прав человека, чтобы противостоять навязываемым ценностям и не жить по лекалам Запада»³⁵.

В период работы Р. Малекки в Москве (2015—2018 гг.) было подписано несколько сот договоров между образовательными и научными центрами двух стран³⁶ и впервые в истории возник *общий государственный орган по культурному взаимодействию России и Ирана* — в рамках «Постоянной российско-иранской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству» 5 марта 2018 г. создан Совместный комитет по культуре³⁷.

За последние 25 лет российско-иранское сотрудничество в области культуры неуклонно развивается, становясь все более многогранным и глубоким. Это отражает общий характер российско-иранских связей на нынешнем этапе и одновременно является хорошим фоном для развития отношений в политической, экономической и научной сферах.

Однако культурные связи между Россией и Ираном носят очень несимметричный характер с сильным креном в сторону Ирана. Культурное представительство при Посольстве Ирана в России остается инициатором и основным актором культурного взаимодействия двух стран.

ИРИ рассматривает поддержку и распространение своей культуры не только как средство борьбы с западной культурной экспансией, но и как мощный стимул развития собственной научной и экономической базы [Юртаев 2012: 14]. Культурный фактор стал частью экономической политики Ирана — так называемой «экономики сопротивления», осуществлению которой призван помочь «культурный джихад». Верховный лидер Ирана заявил в 2016 г.: «Необходимо изменить приоритеты, и они должны быть такими: культура, экономика и политика, а не экономика, политика, культура» [Мамедова 2017: 7]. ИРИ тщательно бережет свою собственную культуру от постороннего влияния, не позволяя иностранцам навязывать свои форматы и принципы, но стараясь, тем не менее, освоить самые передовые научные и технические достижения западной цивилизации. Иран внимательно изучает структуру научных и образовательных учреждений других государств, активно помогая их деятельности в исследовании его собственной,

³⁵ Российско-иранская конференция в Фонде Горчакова. URL: <http://parstoday.com/ru/news/russia-i79351> (дата обращения: 01.04.2018).

³⁶ Садовничий В. Сотрудничество между вузами РФ и Ирана насчитывает несколько сот договоров. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3718281> (дата обращения: 01.04.2018).

³⁷ Неделя культуры Ирана в России пройдет осенью 2018 года. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/nedelya_kultury_irana_v_rossii_proydet_osenyu_2018_goda/ (дата обращения: 09.04.2018).

иранской культуры, становясь важным элементом их успешного функционирования. Этим во многом объясняется то, что инициативы иранской стороны с готовностью принимаются российскими иранистами и организациями культуры, заинтересованными в изучении Ирана. К сожалению, российская сторона практически не выступает с подобными инициативами в Иране, за исключением университетов, набирающих студентов на коммерческой основе.

Российская Федерация на начало апреля 2018 г. не имеет в Исламской Республике Иран своего Культурного представительства. Минимизировано государственное вещание России на персидском языке. Книги российских авторов переводятся на персидский язык за счет иранской стороны. Культурные мероприятия, проводимые Россией в Иране, как правило, носят либо разовый характер (участие в фестивале, гастроли), либо нерегулярный («Недели культуры» раз в 4—5 лет). Долговременная правительственная программа по обеспечению культурного присутствия России в Иране до сих пор не разработана и не заложена в бюджет.

Развивая связи с Ираном, Россия делает упор на сотрудничестве в сфере безопасности, геополитики, экономики, оставляя «гуманитарные связи» на последней строчке. Между тем богатейшее культурное наследие России и современные достижения ее искусства и науки, ее туристический потенциал могли бы стать мощным подспорьем в утверждении политики Российской Федерации на Среднем Востоке, основой для формирования положительного имиджа страны в глазах иранцев и продвижения взаимовыгодных экономических проектов. Имеет место недооценка роли культурного сотрудничества и так называемой «мягкой силы» [Леонова 2014: 20] для наращивания влияния России в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амирахмадиан Б.* Культурные отношения Ирана и России // *Отношения Ирана и России* / под ред. М. Санаи и Дж. Карамии. Тегеран: IRAS, 1387 (2008). С. 60—100. (На персидском языке).
- Арабаджян А.З.* Ислам и иранское начало в ИРИ (проблема соотносительности) // *Иран: эволюция исламского правления*. М.: ИВ РАН, 1998. С. 30—36.
- Дунаева Е.В.* Россия и Иран: особенности развития и проблемы межкультурной коммуникации // *Обсерватория культуры*. 2014. № 5. С. 135—141. URL: <http://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/101/239> (дата обращения: 01.04.2018).
- Каменева М.С.* О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // *Иран при М. Ахмадинежаде. Памяти А.З. Арабаджяна*. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 164—171.
- Карими Риаби Э.* Культурные связи Ирана и России в постсоветский период // *Исследования Центральной Азии и Кавказа. Лето 1388 (2009)*. № 66. С. 1—16. URL: <http://www.ensani.ir/fa/content/211179/default.aspx> (дата обращения: 01.04.2018). (На персидском языке).
- Кляшторина В.Б.* Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе (90-е гг.) // *Исламская Республика Иран в 90-е годы*. М.: ИВ РАН, 1998. С. 120—129.
- Кулагина Л.М., Дунаева Е.В.* Граница России с Ираном (история формирования). М.: ИВ РАН, 1998.
- Леонова О.Г.* «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // *Обозреватель-Observer*. 2014. № 3. С. 15—28.

- Малеки Р.* Взаимоотношения культур Ирана и России: вызовы и перспективы // Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2016 г. / под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 138—143.
- Мамедова Н.М.* О культурной политике и концепции «культурного джихада» в Иране // Россия—Иран: диалог культур: Международная научная конференция, 8 апреля 2016 г. / под науч. ред. А.С. Запесоцкого. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 47—55.
- Полищук А.И.* К вопросу о диалоге и альянсе цивилизаций // Ирано-Славика. 2015. № 1 (28). С. 23—25.
- Полищук А.И.* Перспективный план реализации культурной политики Исламской Республики Иран: общая стратегия и пути решения проблем демографии // Иран в мировой политике. XXI в. М.: ИВ РАН, 2017. С. 242—254.
- Шафази М.* Язык как орудие знакомства с другим народом // Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2016 г. / под ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина, А.И. Полищука. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 72—76.
- Юртаев В.И.* Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 13—20.
- Юртаев В.И.* Россия и Иран: проблема стратегического партнерства // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. С. 36—50.
- Harsij H., Mollaei E.* Iranian Soft Power during the Khatami Era // Policy Monthly. 2009. Vol. 16, № 4. P. 299—319. (In Persian).
- Lotfian S.* Iran's Middle East Policies under Khatami // Iranian Journal of International Affairs. 1999. Vol. 10. № 4. P. 421—448. (In Persian).
- Mozaffari M.* The Role of Ideology in Iranian Foreign Policy // Iran and the Challenges of the Twenty-first Century: Essays in Honour of Mohammad-Reza Djalili. Costa Mesa, CA: Mazda, 2013. P. 189—204.
- Parker J.W.* Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah. Dulles, Virginia: Potomac Books Inc., 2009.
- Wasnidge E.* The Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War // Politics. 2015. Vol. 35. № 3—4. P. 364—367.

Дата поступления статьи: 5.03.2018

Для цитирования: Полищук А.И., Соболева А.С., Карими Риаби Э. Развитие российско-иранских культурных связей в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 368—386. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386.

Сведения об авторах: Полищук Александр Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и кафедры истории и географии Переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, директор Центра языка и культуры Ирана Московского государственного лингвистического университета (e-mail: polyshuk20@mail.ru). Соболева Аида Сергеевна — член Международной федерации журналистов и Союза журналистов России, ответственный секретарь журнала «Ирано-Славика», корреспондент Русской службы радио «Голос Ирана» и портала parstoday.com/ru (e-mail: aidasoboleva@mail.ru). Карими Риаби Элахе — кандидат фил. наук, старший преподаватель кафедры русистологии Факультета изучения мира Тегеранского университета (Иран) (e-mail: ekarimi@ut.ac.ir).

DEVELOPMENT OF RUSSIAN-IRANIAN CULTURAL RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

A.I. Polishchuk¹, A.S. Soboleva², E. Karimi Riabi³

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²International Federation of Journalists and the Union of Journalists of Russia,
Moscow, Russian Federation

³Tehran University, Tehran, Iran

Abstract. The article touches upon the specifics of the development of Russian-Iranian cultural ties at the turn of the 20th and 21st centuries. Over the past 25 years, these relations have significantly intensified mainly as a result of a purposeful and state-funded policy of the leadership of the Islamic Republic of Iran, which ensures the spread of Iranian-Islamic culture and the Persian language in the world, including in Russia. At the same time, Iran resists penetration of any cultural influence “alien to Islamic values”, which requires a carefully thought-out approach in promoting the achievements of Russian culture on its territory.

Russia regards Iran as an influential regional force and a geopolitical ally for strengthening stability in the region and a multipolar world. Development of ties with Iran at this stage is a priority in the military-technical, scientific-educational, trade and economic spheres. Cultural cooperation with Iran at the state level is not given independent significance and the role of some favorable background is assigned. There is an underestimation of the role of the cultural factor in shaping the structure of Russia’s strategic interaction with the Islamic Republic of Iran.

Key words: Russia, Iran, culture, cooperation, Cultural representation at the Embassy of the Islamic Republic of Iran in the Russian Federation, Iranian studies, “dialogue of civilizations”, “cultural engineering”

REFERENCES

- Amirahmadian, B. (2008). Cultural relations between Iran and Russia. In: *Iran-Russia Relations*. Ed. by M. Sanaei, J. Karami. Tehran: IRAS, p. 60—100. (In Persian).
- Arabadjan, A.Z. (1998). Islam and the Iranian principle in the IRI (the problem of correlation). In: *Iran: the evolution of the islamic management*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, p. 30—36. (In Russ.).
- Dunaeva, E.V. (2014). Russia and Iran: features of development and problems of intercultural communication. *Observatory of Culture*, 5, 135—141. URL: <http://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/101/239> (accessed: date: 01.04.2018). (In Russ.).
- Harsij, H. & Mollaei, E. (2009) ‘Iranian Soft Power during the Khatami Era’. *Policy Monthly*, 16(4), 299—319. (In Persian).
- Karimi Riabi, E. (2009). Cultural relations between Iran and Russia in the post-Soviet period. *Studies of Central Asia and the Caucasus*, 66, 1—16. URL: <http://www.ensani.ir/fa/content/211179/default.aspx> (accessed: 01.04.2018). (In Persian).
- Kameneva, M.S. (2013). Three approaches to the notion of “culture” in the IRI. In: *Iran under M. Ahmadinejad. In memory of A. Arabadjan*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, p. 164—171. (In Russ.).
- KlyashTORINA, V.B. (1998). Cultural and Political Doctrine of the Islamic Republic of Iran in the Region (90s). In: *Islamic Republic of Iran in the 1990's. (Economics, politics, culture)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, p. 120—129. (In Russ.).
- Kulagina, L.M. & Dunaeva, E.V. (1998). *Boundary of Russia with Iran (the history of formation)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. (In Russ.).
- Leonova, O.G. (2014). “Soft power”: tools and coefficients of influence. *Observer-Observer*, 3, 15—28. (In Russ.).

- Lotfian, S. (1999). Iran's Middle East Policies under Khatami. *Iranian Journal of International Affairs*, 10 (4), 421—448. (In Persian).
- Maleki, R. (2017). Relations between Iran and Russia: Challenges and Prospects. In: *Cooperation between Russia and Iran in political, economic and cultural fields as a factor of strengthening peace and security in Eurasia: materials of the International Scientific and Practical Conference. October 19, 2016*. Ed. by A.Ya. Kasyuk, I.K. Kharichkin, A.I. Polishchuk. Moscow: Moscow State Linguistic University, p. 138—143. (In Russ.).
- Mamedova, N.M. (2017). On Cultural Policy and the Concept of “Cultural Jihad” in Iran. In: *Russia-Iran: Dialogue of Cultures: International Scientific Conference, April 8, 2016*. Ed. by A.S. Zape-sotsky. Saint Petersburg: SPbGUP, p. 47—55. (In Russ.).
- Mozaffari, M. (2013). The Role of Ideology in Iranian Foreign Policy. In: *Iran and the Challenges of the Twenty-first Century: Essays in Honour of Mohammad-Reza Djalili*. Costa Mesa, CA: Mazda, p. 189—204.
- Parker, J.W. (2009). *Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah*. Dulles, Virginia: Potomac Books Inc.
- Polishchuk, A.I. (2015). On the issue of dialogue and the alliance of civilizations. *Irano-Slavika*, 1 (28), 23—25. (In Russ.).
- Polishchuk, A.I. (2017). Perspective plan for the implementation of the cultural policy of the Islamic Republic of Iran: a common strategy and ways to solve the problems of demography. In: *Iran in the world politics. XXI century*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, p. 242—254. (In Russ.).
- Shafagi, M. (2017). Language as an instrument of acquaintance with another people. In: *Cooperation between Russia and Iran in political, economic and cultural fields as a factor of strengthening peace and security in Eurasia: materials of the International Scientific and Practical Conference. October 19, 2016*. Ed. by A. Ya. Kasyuk, I. K. Kharichkin, A.I. Polishchuk. Moscow: Moscow State Linguistic University, p. 72—76. (In Russ.).
- Wastnidge, E. (2015). The Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War. *Politics*, 35 (3—4), 364—367.
- Yurtaev, V.I. (2012). Peculiarities of Modern Foreign Policy of Iran. *Vestnik RUDN. International Relations*, (2), 13—20. (In Russ.).
- Yurtaev, V.I. (2015). Russia and Iran: the problem of strategic partnership. In: *Russia—Iran Relations. Problems and Prospects*. Ed. by E.V. Dunayeva, V.I. Sazhin. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Center for Strategic Trend Studies, p. 36—50. (In Russ.).

Received: 5.03.2018

For citations: Polishchuk, A.I., Soboleva, A.S. & Karimi Riabi, E. (2018). Development of Russian-Iranian cultural relations at the beginning of the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 368—386. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-368-386.

About the authors: *Polishchuk Alexander Ivanovich* — PhD in History, Associate Professor of the Department of Oriental Languages and the Department of History and Geography of the Faculty of Translation of Moscow State Linguistic University, Director of the Center for Language and Culture of Iran of Moscow State Linguistic University (e-mail: polyshuk20@mail.ru).

Soboleva Aida Sergeevna — a member of the International Federation of Journalists and the Union of Journalists of Russia, the executive secretary of the magazine “Irano-Slavica”, correspondent of the Russian Service of the Radio “Voice of Iran” and the portal *parstoday.com/ru* (e-mail: aidasoboleva@mail.ru).

Karimi Riabi Elahe — PhD in Philology, Assistant Professor of Russian Studies of the Faculty of World Studies of Tehran University (Iran) (e-mail: ekarimi@ut.ac.ir).

© Полищук А.И., Соболева А.С., Карими Риabi Э., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-387-399

RUSSIAN-ISRAELI RELATIONS: THE ROLE OF THE RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITY OF THE STATE OF ISRAEL

T.D. Moshkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the large and actively developing community of Israel — the “Russian street” — and its influence on the relations between Israel and Russia. The author considers such aspects of the topic as: the differences of the “Great Aliyah” of the 1990’s from the first wave of repatriation of the 1970’s and the factors that formed the unique “Russian-Jewish” identity among the representatives of the “Russian street”, the political and economic potential of “Russian Israel”, the main areas of cooperation between the two states and the role of the “Russian” community in this cooperation. A specific feature of the work is the use of the hermeneutic approach which is expressed in the author’s desire to comprehend the unique identity of a specific cultural community and to identify a number of factors that have decisively influenced the formation of a unique identity of such a community in a specific historical period. The author also resorts to general scientific procedures and operations, such as analysis and synthesis, inductive and deductive methods. The scientific novelty of the research is the author’s attempt to give a forecast concerning the possibility of forming a pro-Russian economic lobby among Israeli businessmen in the future as well as a forecast concerning the return of our former compatriots to Russia with the goal of developing the domestic high-tech industry. The main conclusion of the study is the following: if politically the community does not have a decisive influence on the actions of the Israeli authorities, then economically, it unequivocally contributes to strengthening economic ties between Israel and Russia. Russia’s initiatives to develop various forms of economic, cultural and media cooperation can give impetus to the growth of the influence of the Russian-speaking community.

Key words: aliyah, lobby, repatriates, the Russian street, The State of Israel, Russia-Israel cooperation

The problem of migration processes related to the State of Israel seems to be relevant, since Israel, in fact, is a country built by repatriates. Since the establishment of the State, about three million people of Jewish descent from eighty countries of the world have made repatriation¹. But ethnic, linguistic and confessional uniformity was not achieved in Israel (unlike in other immigrant societies). As a result, the society has split into separate sub-ethnic groups, and that influences the foreign policy of the State.

The subject of the study is the Russian-speaking community of the State of Israel and its role in establishing relations between Israel and Russia. Being an autonomous formation within Israeli society, the “Russian street” mainly includes people with a high level of education, which makes it possible to say that “Russian Israel” puts some emphasis in relations with the motherland of returnees.

¹ Lishka statistika rashii shel Israel. Netugim muvharim mi mishal sotsiali al ivrit ve shimush be safot aherot (The Central Israeli Bureau of Statistics. Selected Data from the Social Survey on Mastery of the Hebrew Language and Usage of Languages (in Hebrew). URL: http://www1.cbs.gov.il/reader/newhodaot/hodaa_template.html?hodaa=201319017 (accessed: 29.10.2017).

There is a point of view according to which the peak of the activity of the “Russian street” occurred at the end of the 1990’s, and after that the process of the disappearance of the community began [Khanin 2014: 22]. This point of view is held by E. Leshem, who writes about the completion of absorption in one or two generations [Leshem 2007: 283]. However, the current situation makes it possible to assert that the Russian-speaking community is still legitimate as a long-term phenomenon, which is precisely the community [Remennik 2008: 167], although the question of how the “Russian” Jews in Israel possess the classical structural features inherent in the communities remains open.

The fact is that it has a specific character and a number of atypical parameters: a system of informal relations with a high intensity, family support functions, a clear boundary between the community and the external environment. Natives of the former Soviet Union have formed a community that is a special society in which Russian-speaking Israelis create their own cultural and behavioral autonomy characterized by an isolated nature of the communication environment and forms of social and cultural life that differ sharply from the forms of social and cultural life of the indigenous Israelis — sabra.

With all the diversity of associations of the returnees from the countries of the former USSR, the subculture of the “Russian street” is not homogeneous and does not cover 100% of the repatriate community. However, despite the fact that some part of the community is outside the subculture, the fact of existence of the phenomenon of the “Russian street” allows its representatives to feel their importance and not to develop their potential only within the community cell but to offer it to the whole Israeli society. Therefore, the fact of broad involvement of immigrants from the countries of the former Soviet Union in the politics does not seem random. The question was only in the search for an adequate form of institutionalization of the Russian-speaking community with the goal of turning it into a full-fledged “Russian lobby”.

This question is also debatable among the political elite of Russian-speaking Israelis today. Since 1993, two groups have emerged in this milieu, the first of which was convinced of the need for a purely sectoral party, believing that only such a party would be able to consolidate the community’s forces, prevent their dispersion, and stop the confrontation among the new repatriates and to fully lobby the interests of the community and its emerging elites. The second group spoke only of the necessity of the existence of a “Russian wing” within the framework of Israeli parties and political movements and the use of their mechanisms to achieve the goals of “Russian Israel”. Ten years later, in 2003, Russian immigrants proved that the structural and ideological differences within the community cell cost more than integration tendencies within the community [Khanin 2008: 98—116].

The “Great Aliyah” of the 1990’s coincided with the process of legitimizing the “multiculturalism” in Israel, which contributed to the legitimization of the social institutions of the “Russian” community and played a role in shaping a unique identity among the representatives of the “Russian street”. The Israeli political establishment positively perceived the maturation of the subculture of “Russian” repatriates in the society.

There is a phenomenon of the concentration of returnees from the former USSR within certain districts. In such areas, community-forming links are formed, which can

be considered as a compensator of the negative consequences of the absorption of the “Great Aliyah”. In turn, these communal ties helped to increase the level of the cultural self-sufficiency among the representatives of the “Russian street” and the desire to preserve and reproduce their habitual forms of social, cultural and professional interaction. This can be confirmed by a study conducted in 2006 by the Joint Israel organization. 90% of the “Russian” immigrants responded that 15 years after their repatriation they continue to live in a traditionally immigrant area. Moreover, 90% of the young respondents aged 18 to 29 claimed to have some degree of Hebrew language, but at home they continue to speak Russian [Khanin 2014: 25].

Another illustrative example of the cultural self-sufficiency of immigrants from the countries of the former USSR can be the fact that only one third of the respondents noted that among the members of their families there are those who did not marry a representative of the “Russian street” [Khanin 2014: 26]. The study of civil identity also showed that among the young immigrants aged 18—28 years the percentage of those who claimed that their four closest friends out of five were representatives of the “Russian street” was the highest. Moreover, 57% of respondents stated that they are in constant contact with their “Russian” friends, which indicates the effective functioning of social ties within the Russian-speaking community.

However, it is wrong to assert today that the “Russian” community is a kind of a “Russian ghetto” because, according to the same poll by the Mutagim agency, young immigrants are also actively involved in Israeli reality and are in contact with indigenous Israelis and returnees from other countries. At the same time, only 34% of the middle-aged respondents and 15% of the older respondents establish contacts with Israeli citizens without distinction of their origin [Khanin 2014: 127].

The key aspect of the subculture of “Russian” Jews and the factor of their rallying is the preservation of the unique status of the Russian language in Israel and its place in the media space of the country. It became a legitimate means of communication within the community [Niznik 2003: 49—60]. The Ministry of Aliya and Absorption is tolerant to the use of the Russian language in the practice of state institutions and in the media. Russian is also introduced into the curricula of Israeli schools as the third language. The Ministry of Education provided Russian-speaking immigrant pupils with the opportunity to use the texts in Russian at the TANAKH (Jewish Scripture) examinations, as well as the opportunity to pass the exams in the native language under the secondary school program. In the 2011—2012 school year the Ministry of Education decided to increase the hours of studying Russian language by 25%, as well as to increase the hours allocated for passing the refresher courses for the teachers of the Russian language by 50%. The listed initiatives of state bodies of Israel correspond to the needs of representatives of the Russian-speaking community who use the Russian language and Hebrew equally.

Russian language is studied by seven and a half thousand schoolchildren in one hundred and fifty Israeli schools. 95% of students were born in the countries of the former USSR or in Israel in the families of the Russian-speaking immigrants. The length of stay in Israel of students is from zero to seventeen years. Their level of language proficiency differs, but for the majority Russian is not a native language, but a language of a “cultural heritage” [Niznik 2010: 6].

The Russian language of the repatriates is very different from the Russian language of the Russians [Donnitsa-Shmidt 2007: 57—64]. It should be viewed not as the evidence of the “Russian universalism”, but as a proof of the existence of the phenomenon of integration of the Russian-speaking repatriates into Israeli society without subsequent acculturation. Russian-speaking repatriates see it as their goal to preserve the cultural baggage with which they moved to Israel [Khanin 2014: 32].

There are some historical roots of the influence of Russian-speaking repatriates on interstate relations. And this is not just a consequence of mass repatriation of Russian-speaking Jews in the early 1990’s and of specific features inherent in the “Russian street”. The key point is the fact that Israel and Russia had close ties throughout the 20th century, even though in the period from 1967 to 1991 diplomatic relations between states were broken [Morozov 2003: 178]. Israel adopted the experience of the state building both of the Russian Empire and of the Soviet Union, which manifested itself in combination in the State of Western and Eastern political traditions. The Israeli leadership in different years borrowed some elements of the Russian experience of economic construction. As an example, we can name Vysotsky’s company, which comes from pre-revolutionary Russia, and now controls most of the tea market in Israel [Fedorchenko 1998: 125].

The political orientation of the repatriates created an environment for cooperation in Palestine. The repatriates started the development of “working democracy” within the business activities of the trade union “Histadrut” [Zvyagelskaya, Karasova, Fedorchenko 2005: 155]. Immigrants from Russia brought their political views to the Palestinian lands, including a trend towards socialist experiments and the desire to build a Russian socialist utopia in Palestine. Many Russian Zionists were members of the Narodnik organizations and later joined the Socialist Revolutionaries [Khanin 2004: 127]. The political views of the returnees put some new collectivist ideas into classical Zionism by T. Herzl, which implied the development of private entrepreneurship on the Palestinian land. This led to the large-scale establishment of kibbutzim. As a mass and diverse in form, cooperation in Israel was similar to the Russian version of cooperation, therefore, before the formation of the State, especially during the 1920’s, it developed in the same way as the first rural communes and collective farms in the USSR [Kupovetsky 2000: 134].

There is an imbalance between the influence that the Russian-speaking community has on Israel’s policy and the influence that the “Russian street” has on the Israeli economy and the development of Israeli-Russian economic ties. Today the potential of the “Russian street” in the political field is relatively low. The Russian-speaking community does not represent a key factor in influencing the internal policy of the State, it affects only the dynamics of relations between Russia and Israel. The conditions for the growth of the influence of the “Russian street” are the preservation by the migrants from Russia of their national identity; preservation of the Russian language and its introduction into the education system; the interaction of the Russian-speaking community of Israel with the Jewish diaspora in Russia through a variety of cultural projects. In particular, educational seminars on the basis of Jewish youth organizations in Russia, such as “Hillel”, “Yahad” and “Enerjew”, contribute to the popularization of Israeli culture.

As for a shaping the course of the state's foreign policy towards Russia, today it is also impossible to talk about the great role of the Russian-speaking repatriates. Nevertheless, the "Russian Israel" in this regard has unrealized potential, in connection with which the Russian side needs to work more with the Russian-speaking segment in Israel.

In the economic sphere, the potential of the community is much higher, which is due, first of all, to the composition and structure of the "big wave of repatriation" of the 1990's. Comparing the repatriation of the period of the "Great Aliyah" with the first wave of immigration in the 1970's, it is possible to note a large number of specific features of the "aliyah of the 1990's". It is necessary to take into account the fact that all waves of repatriation took place in absolutely different periods of the domestic political situation in the country of origin. During the 1970's there was a large number of activists of the Zionist movement, in particular, members of the organization "Prisoners of Zion" among the returnees. Zionism in the countries of the former Soviet Union was an ideology hostile to the basic ideology, so until the late 1980's. Zionist activities in the country were banned. Repatriates of the 1970's sought to the "Promised Land" because they could not reconcile themselves to the situation of Jews in the USSR, with the infringement of their religious and political rights, as well as with manifestations of anti-Semitism in one form or another [Horowitz 1998: 514].

For the immigrants of the "Great Aliyah" period, Israel could become a country that would unconditionally provide them with assistance. Repatriation occurred, first of all, not because of the Zionist views of immigrants, but because of anti-Semitism and the difficult life circumstances that resulted in returnees being forced to leave the country of origin. In contrast to the previous wave, the "Great Aliyah" in the bulk consisted of people of Jewish origin, but far from Judaism, Jewish culture, traditions, Hebrew, Zionist ideology, almost indifferent (especially the younger generation) to the problems of Jewish self-identification. For the most part, among the "Great Aliyah" repatriates, there was no sense of solidarity with the indigenous inhabitants of Israel — the Sabra [Lissak, Leshem 1995: 22].

A large percentage repatriated from Moldova, the Transcaucasian republics, the Ukraine due to the deterioration of the economic and political situation in these regions; the new olim (repatriates) almost completely lacked ideological or religious reasons for repatriation. The overwhelming majority of them were secular Jews, only a small part (according to polls) "observed some traditions" [Adler 1997: 132]. The fear of political and economic instability in the CIS countries was one of the main reasons to leave. The deterioration of the economic situation, living conditions, growing unemployment in many CIS countries have become significant arguments in favor of aliyah. According to public opinion polls, among the reasons for leaving one of the central places was the desire to provide the new generation with a stable future [Adler 1997: 144]. It is noteworthy that, among the arguments in favor of repatriation in the immigrant community of the "Great Aliyah" period, there was no argument related to manifestations of anti-Semitism, which was characteristic of the 1970's aliyah.

Thus, on the one hand, the repatriates of the 1990's are less ideologized than the repatriates of the previous wave. At the same time, the educational level of the repatriates

of the “Great Aliyah” was very high. This wave of repatriation included a large number of certified and graded specialists. 40.5% of repatriates had a total training experience of 13 years, while among indigenous Israelis this percentage is much lower (24.2%) [Adler 1997: 137]. 60% of the new olim were specialists with higher education, among the sabers this category is 28% [Remennik 2008: 169]. Thus, after the “Great Aliyah”, Israel’s population not only increased by 13% as a whole, but also the number of researchers increased by 41%, which led the country to the first place in the world in terms of the number of scientists per capita [Adler 1997: 143]. The professional structure of immigrants looked as follows: 73,000 engineers (twice as many as the number of saber engineers), 15,200 doctors (almost equivalent to the number of Israeli doctors), 16,100 nurses, 33,600 teachers, 11,700 scientists, 15,100 representatives of creative professions (artists, writers, journalists) [Leshem, Lissak 1999: 174].

Such a high level of education, cultural and intellectual potential of the representatives of the “Russian street” determined the employment of repatriates in the technology industry, in applied technologies, in the banking sector, in the defense industry, and in entrepreneurial activity [Feldman 2003: 351].

Problems of immigrants in Israel are dealt with by the Jewish Agency, which was created in 1929, the Ministry of Aliya and Absorption, founded in 1968 and the government commission on the absorption of immigrants. Despite the considerable experience gained by Israel in the absorption of new olim, there is some discrepancy in the approaches to solving the problems of absorption and adaptation of immigrants at the conceptual level. There are several forms of absorption: the first focuses on traditional values, the second on atheism and anticlericalism, the third focuses on the idea of a “melting pot”; the fourth assumes a pluralistic model for the development of Israeli society.

The first steps to structuring the policy in relation to the use of “diaspora languages”, including Russian, in the practice of state institutions took place in 1989—1992 against the backdrop of the de facto introduction of language by the structures of the “free market” (banks, intermediary offices, retail chains, etc.).

The contribution that the repatriates of the “Great Aliyah” made to the economic development of the country is of special value because the composition and the structure of the new olim fully corresponded to the economic development plan of Israel, in which the stake was made on small and medium-sized businesses based on high-tech production. To speed up the process of including specialists trained in Russia in the production process, the State of Israel created and financed various funds supporting scientific personnel and technological “greenhouses” in which scientific developments were carried out [Vardimon 2003: 115].

The commitment of the representatives of the “Russian street” to the market principles is also of great importance. This may seem paradoxical, but the “Russian” returnees with a socialist past are very different from indigenous Israelis in terms of business activity. If sabers are used to the active state intervention in the economy and to the strong state care in all spheres of society, the “Russian Israel” is known for its orientation toward creating a market economy.

The cooperation of Russia and Israel in the field of innovative technologies can be effective for a number of reasons. Firstly, Israel today is the leading country in terms of the number of start-ups per capita². From 1991 to 2013 the government invested about 1,900 projects with total state investments of \$730 million. More than 1600 projects have grown to independent companies and were released from the incubator. 60% successfully attracted private capital. By 2013, 35% of the graduates are still active. According to the total amount the private investment amounted to 4 billion dollars. Thus, 5—6 dollars of private capital were attracted for each state dollar³. Russia is striving to develop this sphere today, therefore Israel's experience in this field will be extremely useful. For Israel, the cooperation established on an equal footing will be beneficial because of the fact that until now, in the economic relations with the West, Israel was in the background.

Secondly, the absence of a language barrier between Russian and Israeli scientists is important. This will not only allow the transfer of technology between the two states, but also avoid the diversion of technology from both countries to the United States.

Thirdly, the projects for the opening of production on the territory of Russia with the involvement of Israeli capital are also beneficial for both sides. Israel may be interested in such projects, since production on its territory is much more expensive, for Russia it is an opportunity to revive a number of industrial facilities and provide a part of the population with new jobs.

However, the practical cooperation between Russia and Israel speaks of a different trend. Statistics shows that the structure of trade between Russia and Israel has not changed in recent years. Russia continues to supply the goods of the fuel and raw materials group, diamonds and products of the agro-industrial complex to Israel. Israel supplies food products, high-tech products, motor vehicles and medicines to Russia. Bilateral trade is in stagnation today. Foreign trade turnover between Russia and Israel is only 2343.8 million dollars⁴. As it appears in the special information of the Russian News Agency, "According to the Federal Customs Service of the Russian Federation, Russian exports amount is 1,537.7 million US dollars, imports — 806.1 million US dollars"⁵.

² Summary of Israeli High-Tech Capital Raising-Q4/2015. IVC Research Center. URL: <http://www.ivc-online.com/Research-Center/IVC-Publications/IVC-Surveys/High-Tech-Capital-Raising> (accessed: 29.10.2017).

³ Ibid.

⁴ Foreign trade of Russia with Israel (2015). Portal of the Ministry of Economy. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/74f394b4-59d5-4b2d-a14b-9bf7442cdc8a/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D1%8F%D1%8F+%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F+%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8+%D1%81+%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BC+%282015%29.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=74f394b4-59d5-4b2d-a14b-9bf7442cdc8a> (accessed: 04.11.2017); Foreign trade of Russia with Israel in the 1st quarter of 2016. Foreign trade portal of Russia. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-07/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-izrailem-v-1-kvartale-2016-goda/> (accessed: 04.11.2017).

⁵ Interstate relations between Russia and Israel. URL: <https://ria.ru/spravka/20160316/1390260072.html> (accessed: 02.11.2017).

Another obstacle to the establishment of Russian-Israeli economic relations is the fact that Russia pursues an isolationist policy in which Russian investments abroad are perceived as unpatriotic. The realities of geopolitics today show that the West is trying to reduce cooperation with Russia which has an impact on partners of Western countries, including Israel. With such a conjuncture, it is difficult to set up a bilateral mechanism for financing cooperation in the field of innovation. The solution to the problem may be the establishment of a bilateral fund to support R&D. Such funds already operate between Israel and the United States, Canada, Singapore, South Korea and Germany [Mar'yasis 2015: 125].

Talking about the measures that will contribute to increasing the influence of the “Russian street” on the formation of the Israeli foreign policy, the following areas can be singled out.

First of all, it is necessary to promote projects that involve the activity of the Russian entrepreneurs in the Israeli market. Today, however, there is a clear imbalance in the mutual flow of capital. If businessmen from Israel are very active in the market in Russia, foreign entrepreneurs do not allow Russian competitors to enter the market. This kind of rejection by Israeli entrepreneurs is attributed to the negative image of Russian business in the world [Leshem, Lissak 2000: 48]. It seems that the true reason is still the fact that Sabra businessmen and foreign entrepreneurs who have already divided the Israeli market among themselves are afraid of competition from their Russian counterparts. Overcoming this obstacle is possible only with the assistance of the Russian-speaking community. In particular, the Russian-Israeli Business Council was established in 2010, whose main task is to develop business as the most effective format for the development of bilateral trade and economic relations between Russia and Israel⁶.

The Russian side needs to develop cooperation with the “Russian street” of Israel through the expansion of the Russian cultural space in the State. One of the important directions is cooperation with the Russian media of Israel, which turned from the socio-cultural phenomenon into a political weapon during their existence. It is necessary to increase the number of such materials published in Russian media in Israel, which would clearly explain Russia’s position on various issues. This will serve to shape the Israelis’ positive image of Russia, and the level of anti-Russian rhetoric in the State will decline. In economic terms, it is necessary to form a pro-Russian lobby in the State, which could be composed of businessmen who are doing business simultaneously in Russia and Israel and advocating for even greater strengthening of trade, industrial and economic ties between the two countries.

Another aspect of the interaction with the Russian-speaking community of Israel is connected with the prospect of returning to their former homeland. If in the 1990’s the problem of repatriation was not on the agenda in Russia, today it is obvious that not only the flow of emigration needs to be contained, but also the return of those who live in other countries. The Russian-speaking community of Israel is the object of Russian

⁶ Russian-Israeli Business Council. URL: <http://rus-israel.ru/about/pologenie-o-sovete/> (accessed: 29.10.2017).

authorities' guardianship, since Russian-speaking immigrants, as already noted, have a high educational level, so their return to Russia will positively affect the development of the domestic high-tech industry, science, financial industry, military-industrial complex, foreign trade and international entrepreneurship.

At the same time, the representatives of the "Russian street", who fall under the definition of "Toshav Khozer" ("the returning Israeli"⁷) may be useful for Russia, even if they decide to stay in Israel, since "Russian Israel" today took its niche in the political life of the State. Despite the loss in 2003 and then the end of the existence of one of the political wings of the "Russian street" — Nathan Sharansky's "Israel Ba-Aliyah" party, another "Russian" party — "Israel Our Home" — continues to participate in the elections and receive mandates in The Knesset. It is legitimate to even argue that with the disappearance of the main competitor — the Sharansky's party — from the political arena of Israel, Avigdor Lieberman's party strengthened its positions even more, as it received a part of the "home electorate" of "Israel Ba-Aliyah". In the elections to the Knesset in 2009, "Israel Our Home" received 15 mandates, in the elections of 2015 — 6 mandates [Morozov 2015: 26]. The closeness of the Lieberman's party to the ruling "Likud" party is also important. The appointment of Lieberman as a Minister of Defense of Israel in 2016 can be regarded as a kind of victory for the "Russian lobby", since this post is de facto the second most important post for the State of Israel.

Talking about the prospects for the return of our former compatriots, we can predict the mobility of repatriates according to the "pendulum" migration scheme. A large number of Israeli families of the "Russian" Jews will live between the two countries in the short term. This will create a new layer of the Israeli population, which can become a strong link between Israel and Russia.

There is a point of view that the State of Israel is a prototype of what the USSR would be if the NEP was preserved and the multi-party system existed in the country [Morozov 2015: 25]. Given the above facts, this opinion can generally be accepted.

It should be specially noted that the idea of a "melting pot" which was aimed at creating a homogenous Israeli society, failed with respect to the Russian-speaking immigrants, was combined with the complete and successful absorption of the "Russian" olim, if we consider absorption as an employment and improving the living conditions of returnees. This is one of the paradoxes of Israeli society. The experience of resettlement of new citizens, accumulated in Israel, may well be rethought and used in Russia.

If in the political field the potential of the "Russian street" remains weak, in the economic sphere it is much higher. Since the beginning of the "Great Aliyah" period, economic ties between Israel and Russia have been strengthening. The presence in the Israeli labor market of highly qualified specialists from Russia has become an impetus for the development of science-intensive industries. The "Great Aliyah" of the 1990's

⁷ Who is considered «toshav khozer». Determination of the Ministry of Aliyah and Absorption of the status of «returned Israeli». URL: <http://www.moia.gov.il/Russian/ReturningResidents/Pages/Whois2.aspx> (accessed: 29.10.2017).

included people with higher education and a high level of culture, which favorably distinguished them from immigrants from other countries. Moreover, two-thirds of the settlers in the country of origin were engaged in science, and over 10% of migrants had engineering education, and their number was twice the number of indigenous engineers.

Thus, the influence of the “Third Israel” on the economy and its lack of influence on politics today are obvious. To change the situation it is necessary, on the one hand, to promote the growth of the political influence of the Russian-speaking community through the building of economic cooperation through public and private partnerships, as well as through the promotion of socio-cultural and scientific projects. On the other hand, it is advisable to develop work with the Russian media of Israel, which are a powerful political weapon and the main mechanism for lobbying the interests of the “Russian street”.

A number of programs of socio-political development can help to strengthen the “Russian street”. Firstly, we are talking about the projects launched at the initiative of the establishment of Israel (in particular, the Jewish Agency, state institutions, trade unions and all-Israeli parties) and aimed at completing the absorption of the newly arrived immigrants to the country. Then the community puts forward its own cultural and political initiatives. And, thirdly, with the support of the Jewish Diasporas around the world, as well as the international intergovernmental and non-governmental organizations, new institutions can be established.

REFERENCES

- Adler Sh. Israel’s Absorption Policies since 1970’s. In: *Russian Jews on the Three Continents. Migration and Resettlement*. Ed. by N. Lewin-Epstein, Y. Ro’i, P. Ritterband. London: Routledge, 1997, p. 135—144.
- Donnitsa-Shmidt, S. (2007). Language preservation or development? The Russian language of returnees from the CIS in Israel. *Ed Kha-ul’pan kha-khadash*, 85, 57—64. (In Russ.).
- Fedorchenko, A.V. (1998). *The economy of the resettlement society (the Israeli model)*. Moscow: Institute for Study of Israel and the Middle East. (In Russ.).
- Feldman, E. (2003). “Russian” Israel: between the two poles. Moscow: Market DS. (In Russ.).
- Horowitz, T. (1998). Value-Oriented Parameters in Migration Policies in the 1990’s: The Israeli Experience. *International Migration*, 4, 514—526.
- Khanin, V. (2004). “Russians” and power in modern Israel. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East. (In Russ.).
- Khanin, V. (2008). “Russian” lobby in the Israeli policy 1996—2006. *Bulletin of the Hebrew University*, 12 (30), 98—116. (In Russ.).
- Khanin, V. (2014). “Third Israel”: Russian-speaking community and political processes in the Jewish state at the beginning of the XXI century. Moscow: Institute of the Middle East. (In Russ.).
- Kupovetskiy, M. (2000). Yehudei mi hamoatsot karov brit: ohlusiya ve haluka geographi [Jews of the former USSR: population and geographical distribution]. *Yehudei mi hamoatsot be parashat drakhim [Jews of the USSR at the crossroads]*, 4, 128—135. (In Hebrew).
- Leshem, E. (2007). *The Russian Aliya in Israel: Community and Identity in the Second Decade*. Lanham: Rowman and Littlefield Publ. Inc.
- Leshem, E. & Lissak, M. (1999). *Development and Consolidation of the Russian Community in Israel*. Jerusalem: Magnes Press.
- Leshem, E. & Lissak, M. (2000). Gibush shel ha kehila rusit be Israel [Formation of the “Russian” community in Israel]. *Yehudei mi hamoatsot be parashat drakhim [Jews of the USSR at the crossroads]*, 4. (In Hebrew).

- Lissak, M. & Leshem, E. (1995). The Russian Intelligensia in Israel: Between Ghettoization and Integration. *Israel Affairs*, 2, 22—23.
- Mar'yasis, D.A. (2015). *Experience in building the economy of innovation. An example of Israel*. Moscow: IOS of RAS. (In Russ.).
- Morozov, V.M. (2003). *Returnees from the USSR / Russia-CIS and their influence on the political, social and economic life of the State of Israel*. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East. (In Russ.).
- Morozov, V.M. (2015). *“Russian” Israel: the impact of repatriates on Russian-Israeli relations*. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.).
- Niznik, M. (2003). Features of cultural integration of immigrants from the USSR / CIS in Israel. *Diaspora*, 1, 49—60. (In Russ.).
- Niznik, M. (2010). Russian Language in Israel — Is it Half Alive or Half Dead? *Paper, presented to the “National Challenge — the Third Ashdod Conference on Aliya and Absorption”*. Ashdod.
- Remennik, L. (2008). *“Russians” Israelis through the eyes of a sociologist: culture and way of life*. Moscow: IOS RAS Natalis. (In Russ.).
- Vardimon, D. (2003). *Yahasei gomlin shel rashii ve lokali mosadot be Israel be zira klitah aliyah [Relations between central and local authorities in Israel in the sphere of absorption of new immigrants]*. Ramat-Gan: Universita Bar-Ilan (Ramat Gan: Bar-Ilan University). (In Hebrew).
- Zvyagelskaya, I.D., Karasova, T.A. & Fedorchenko, A.V. (2005). *The State of Israel*. Moscow: IOS RAS. (In Russ.).

Received: 6.03.2018

For citations: Moshkova, T.D. (2018). Russian-Israeli relations: the role of the Russian-speaking community of the State of Israel. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 387—399. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-387-399.

About the author: *Moshkova Tatiana Dmitrievna* — postgraduate student of Faculty of International Relations of the Saint Petersburg State University (e-mail: tata.midge@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-387-399

РОССИЙСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РОЛЬ РУССКОЯЗЫЧНОГО СООБЩЕСТВА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Т.Д. Мошкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена изучению многочисленного и активно развивающегося сообщества Израиля — «русской улицы» — и его влияния на российско-израильские отношения. Автор касается таких аспектов темы, как: отличия «большой алии» 1990-х гг. от первой волны репатриации 1970-х гг. и факторы, сформировавшие уникальную «русско-еврейскую» идентичность у представителей «русской улицы», политический и экономический потенциал «русского Израиля», ключевые сферы сотрудничества между двумя государствами и роль «русского» сообщества в этом сотрудничестве. Специфика работы состоит в использовании герменевтического подхода, который был

выражен в стремлении автора осмыслить уникальную идентичность отдельного культурного сообщества и выявить факторы, которые главным образом повлияли на формирование данного сообщества в отдельный исторический период. Автор также прибегает к общенаучным методам исследования, таким как анализ и синтез, индукция и дедукция. Научная новизна исследования состоит в попытке автора спрогнозировать возможность формирования пророссийского экономического лобби среди израильских бизнесменов в будущем, а также сделать прогноз относительно возможности возвращения бывших соотечественников в Россию с целью развития в стране индустрии высоких технологий.

Автор пришел к следующим выводам: если русскоязычное сообщество не оказывает столь серьезного влияния на политические решения израильского руководства, то в экономической сфере оно способно укрепить контакты между Израилем и Россией. Инициативы России по развитию различных форм экономического, культурного сотрудничества и взаимодействия по линии СМИ могут дать импульс для роста влияния русскоговорящего сообщества.

Ключевые слова: алия, лобби, репатрианты, «русская улица», Государство Израиль, российско-израильское сотрудничество

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вардимон Д.* Взаимоотношения центральных и местных органов власти в Израиле в сфере абсорбции новых репатриантов. Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, 2003. [На иврите].
- Донница-Шмидт С.* Сохранение языка или его развитие? Русский язык репатриантов из СНГ в Израиле // Эд Ха-ульпан ха-хадаш. 2007. № 85. С. 57—64.
- Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В.* Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005.
- Куповецкий М.* Евреи бывшего СССР: население и географическое распределение // Евреи СССР на перепутье. 2000. № 4. С. 128—135. (На иврите).
- Лешем Э., Лиссак М.* Формирование «русской» общины в Израиле // Евреи СССР на перепутье. 2000. № 4. (На иврите).
- Марьясис Д.А.* Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. Москва: ИВ РАН, 2015.
- Морозов В.М.* Репатрианты из СССР/России-СНГ и их влияние на политическую, социально-экономическую жизнь Государства Израиль. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
- Морозов В.М.* «Русский» Израиль: влияние репатриантов на российско-израильские отношения. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Низник М.* Особенности культурной интеграции выходцев из СССР/СНГ в Израиле // Диаспоры. 2003. № 1. С. 49—60.
- Ременник Л.* «Русские» израильтяне глазами социолога: культура и образ жизни. М.: ИВ РАН «Наталис», 2008.
- Федорченко А.В.* Экономика переселенческого общества (израильская модель). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998.
- Фельдман Э.* «Русский» Израиль: между двух полюсов. М.: Маркет ДС, 2003.
- Ханин В.* «Русские» и власть в современном Израиле. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
- Ханин В.* «Русское» лобби в израильской политике 1996—2006 гг. // Вестник Еврейского университета. 2008. № 12 (30). С. 98—116.
- Ханин В.* «Третий Израиль»: русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века. М.: Институт Ближнего Востока, 2014.
- Adler Sh.* Israel's Absorption Policies since 1970's. // Russian Jews on the Three Continents. Migration and Resettlement / Ed. by N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i, P. Ritterband. London: Routledge, 1997. P. 135—144.

- Horowitz T.* Value-Oriented Parameters in Migration Policies in the 1990's: The Israeli Experience // *International Migration*. 1998. № 4. P. 514—526.
- Leshem E.* *The Russian Aliya in Israel: Community and Identity in the Second Decade*. Lanham: Rowman and Littlefield Publ. Inc., 2007.
- Leshem E., Lissak M.* *Development and Consolidation of the Russian Community in Israel*. Jerusalem: Magnes Press, 1999.
- Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligensia in Israel: Between Ghettoization and Integration // *Israel Affairs*. 1995. № 2. P. 22—23.
- Niznik, M.* Russian Language in Israel — Is it Half Alive or Half Dead? Paper, presented to the “National Challenge — the Third Ashdod Conference on Aliya and Absorption”. Ashdod, 2010.

Дата поступления статьи: 6.03.2018

Для цитирования: *Moshkova T.D.* Russian-Israeli relations: the role of the Russian-speaking community of the State of Israel // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 387—399. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-387-399.

Сведения об авторе: *Мошкова Татьяна Дмитриевна* — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: tata.midge@gmail.com).

© Moshkova T.D., 2018

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Интервью с РУСТАМОМ РЕНАТОВИЧЕМ БУРНАШЕВЫМ,
профессором Казахстанско-Немецкого университета (Казахстан)

Рустам Ренатович Бурнашев родился в 1969 г. в Ташкенте. В 1986—1991 гг. обучался на философско-экономическом факультете Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина по специальности «Философия». В 1995—1997 гг. обучался в аспирантуре Института философии и права им. И.М. Муминова Академии наук Республики Узбекистан; кандидат философских наук (PhD).

Преподавательскую карьеру начал в 1991 г. в качестве преподавателя философии и логики кафедры философии и права Второго Ташкентского медицинского института. С 1998 г. — старший научный

сотрудник, затем — начальник сектора анализа внешней политики Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. С 2000 г. — доцент факультета международных отношений Университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана. С 2002 г. — профессор факультета социальных наук Казахстанско-немецкого университета. В период с 2004 по 2010 г. регулярно работал в Университете Калифорнии — Беркли как приглашенный исследователь.

В своем интервью профессор Бурнашев анализирует состояние центральноазиатских исследований в странах Европы и США, говорит об особенностях развития Центральной Азии на современном этапе, подчеркивая надуманный и преувеличенный характер угрозы, исходящей от радикальных исламистских группировок, для Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, центральноазиатские исследования, теоретико-методологический подход, Копенгагенская школа, безопасность Центральной Азии

— Вы являетесь одним из тех казахстанских экспертов, кто наиболее активно включен в международное исследовательское пространство. Как вы оцениваете современное состояние изучения региона Центральной Азии в мире?

— Ответить на ваш вопрос достаточно сложно. Прежде всего, в связи с тем, что, как и любой объект в рамках региональных исследований, Центральная Азия имеет много срезов — исторический, культурный, экономический... О каком из них идет речь? Например, история стран и народов Центральной Азии, их культура изучаются достаточно активно, в этой сфере работают специалисты

с мировыми именами. Не буду их называть, поскольку боюсь кого-то упустить. С другой стороны, исследования экономических процессов, напротив, и, к сожалению, не так масштабны. Сложность оценки этого сегмента обусловлена и субъективным фактором: я не являюсь экономистом и просто могу не знать всего спектра работ по экономическим вопросам, касающимся Центральной Азии.

Если остановиться только на тех аспектах изучения Центральной Азии, которыми я занимаюсь, — международные вопросы, региональные процессы в политической и военной сфере, вопросы безопасности, то и тут оценка современного состояния изучения Центральной Азии не будет однозначной. С одной стороны, как специалисту, изучающему страны Центральной Азии, мне кажется, что этому полю уделяется недостаточное внимание. Но это характерно для специалиста в любой области: находясь «внутри» исследовательского процесса, мы видим много вопросов, требующих осмысления и специального исследования. «Внешним» же наблюдателям эти вопросы будут казаться «мелкими частностями». С другой стороны, объективно Центральная Азия в настоящее время — периферия международных отношений, и, с этой точки зрения, она, очевидно, менее интересна для научных проектов, реализуемых вне региона — в США, странах Европы. В этом плане показателен, как мне кажется, последний Конгресс Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA), прошедший в 2018 г. в Сан-Франциско. Из 1248 секций, панельных дискуссий и круглых столов прямо Центральную Азию затрагивали только две. Конечно, был ряд выступлений, касавшихся Центральной Азии в некоторых специфических аспектах, а также затрагивающих отдельные страны, традиционно относящиеся к этому региону. Но в любом случае ситуация, по моему мнению, показательна.

Таким образом, институционализация фокусировки исключительно на Центральной Азии в нашем понимании этого термина — достаточно редкое явление в зарубежном академическом сообществе. Наверное, самый известный случай — возглавляемый Фредериком Старром и Сванте Корнеллом [Cornell, Starr, Tucker 2018] Институт центральноазиатских и кавказских исследований¹, в настоящее время связанный с Американским советом по внешней политике.

Как правило, мы имеем дело с «вписыванием» Центральной Азии в тот или иной более широкий контекст. Например, одна из лидирующих американских структур в этой области — Департамент центрально-евразийских исследований Университета Индианы². Нельзя в этом ключе не упомянуть Дэвис центр российских и евразийских исследований Гарвардского университета³ и Институт ближневосточных, центральноазиатских и кавказских исследований Университета Сент-Эндрюс (Великобритания)⁴. Особо хочу отметить центр, где я несколько лет

¹ The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program. URL: <http://www.silkroadstudies.org>.

² Department of Central Eurasian Studies, Indiana University Bloomington. URL: <http://www.indiana.edu/~ceus/>.

³ The Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu>.

⁴ Institute of Middle East, Central Asia and Caucasus Studies, University of St. Andrews. URL: <https://www.st-andrews.ac.uk/ir/research/centres/mecacs/>.

стажировался, — Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований Университета Калифорнии — Беркли⁵. Безусловно, невозможно указать все центры или институты, заслуживающие внимания. Так, я не затронул Китай, Индию, Пакистан...

Очень интересные исследования по Центральной Азии проводятся в скандинавских странах, например, в Норвежском институте иностранных дел⁶, в Австралии, в Австралийском национальном университете⁷. Но, надеюсь, так или иначе я очертил общую картину или принцип, на котором строится современная институционализация исследований Центральной Азии как исследований региональных.

Лично мне более импонирует дисциплинарный или даже теоретико-методологический подход: когда страны Центральной Азии или Центральная Азия в целом изучаются не в рамках институционализированных региональных исследований, а через призму конкретной теории или методологии. Например, Филиппо Коста Буранелли, сотрудник Института ближневосточных, центральноазиатских и кавказских исследований Университета Сент-Эндрюс, рассматривает процессы, протекающие в Центральной Азии, через призму английской школы международных отношений [Costa Buranelli 2017, 2018]; Стивен Фиш, профессор Университета Калифорнии — Беркли, — на основе методов сравнительной политической науки [Fish, Choudhry 2007]; Клэр Уилкинсон предпринимает попытки опровергнуть идеи Копенгагенской школы, анализируя события 2005 г. в Киргизии [Wilkinson 2007]; Кирилл Нуржанов и Амин Сайкал из Австралийского национального университета рассматривают ситуацию в странах Центральной Азии через призму концепции «слабых государств» [Nourzhanov 2016; Saikal 2016]. И этот перечень можно продолжать очень долго.

Как и в других секторах, в значительной степени академическое сообщество, изучающее Центральную Азию, объединяется вокруг научных журналов, таких как *Central Asian Survey*, или научных сообществ, таких как Общество исследований Центральной Евразии (*Central Eurasian Studies Society*⁸), проводящих на регулярной основе конференции, семинары и тому подобные мероприятия.

— Изучение Центральной Азии — это отдельное направление исследований или они идут в основном через призму постсоветских или исламских исследований?

— Идет ли изучение Центральной Азии через призму постсоветских исследований? Да, безусловно. Является ли это единственным возможным или реализуемым подходом? Нет. Например, я рассматриваю страны региона на основании

⁵ Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies, Berkeley University of California. URL: <https://iseees.berkeley.edu>.

⁶ The Norwegian Institute of International Affairs — NUPI. URL: <http://www.nupi.no/en/Our-research/Regions/Russia-and-Eurasia>.

⁷ Australian National University . URL: <http://www.anu.edu.au/research/our-research>.

⁸ Central Eurasian Studies Society. URL: <https://www.centraleurasia.org>.

идеи деления государств на сильные и слабые, с одной стороны, домодернистские, модернистские и постмодернистские — с другой. Достаточно активно идет использование идей постколониальных исследований. Эти подходы сложно вместить в рамки «постсоветских исследований».

Аналогично обстоит дело и с «исламскими исследованиями». Очевидно, значительная доля населения Центральной Азии — мусульмане или, как минимум, позиционируют себя как мусульман. Ислам оказал серьезнейшее влияние на культуру народов Центральной Азии, философскую мысль и ряд других процессов. Но, с другой стороны, является ли ислам, или более широко — религия, единственным объясняющим фактором этих процессов? Очевидно, нет.

Сложность связана и с тем, что мы до настоящего момента не имеем однозначного понимания, что есть «Центральная Азия». С точки зрения разных подходов и наук мы будем получать на этот вопрос разные ответы. Например, в области международных отношений, в политическом плане, после Ташкентской встречи лидеров Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, прошедшей в 1993 г., под «Центральной Азией» понимают именно эти пять государств. Но вместе с тем в 2000-х гг. была предложена концепция «Большой Центральной Азии», дополняющая указанный список Афганистаном. Возможность включения в Центральную Азию Афганистана с точки зрения исследований безопасности обусловлена активной секьюритизацией процессов в этой стране и в государствах «Малой Центральной Азии». Специфическая картина будет получаться с точки зрения, например, изучения водных вопросов: бассейн Аральского моря включает в себя северную часть Афганистана, но не затрагивает значительную часть Казахстана.

Таким образом, как мне представляется, мы можем говорить о «центрально-азиатских исследованиях», которые формируются как «наложение» целого комплекса подходов, концепций и теорий, различающихся объектами, методиками исследования и теоретическими основами изучения.

— Центрально-Азиатский регион — это перекресток различных цивилизаций. Но где проходят границы региона? Относить ли к нему только пять стран, ранее входивших в СССР? А может быть, к ним добавить СУАР КНР и Монголию? Может быть, Иран и Афганистан?

— Я уже частично ответил на данный вопрос раньше, как минимум, обозначил проблемность выделения региона «вообще». Поэтому позволю себе обозначить собственную позицию на регионализацию Центральной Азии с точки зрения тех вопросов, которые я изучаю, — вопросов безопасности — и в тех теоретических рамках, которые я в значительной степени разделяю — с точки зрения идей Копенгагенской школы.

В соответствии с положениями теории регионального комплекса безопасности, предложенной в рамках Копенгагенской школы Барри Бузаном, Оле Уэвером и Япом де Вилде [Buzan, Wæver, De Wilde 1998], внутренние динамики таких комплексов определяются степенью дружелюбности или враждебности от-

ношений между составляющими комплекс государствами. При этом по степени дружелюбности и враждебности можно выделить три вида комплексов:

1) конфликтные образования, в которых взаимозависимость государств строится на соперничестве и восприятии других стран, входящих в комплекс, как угрозы;

2) режимы безопасности, в которых государства, являясь друг для друга угрозами, достигают между собой договоренностей, снижающих имеющиеся вызовы и риски;

3) плюралистические сообщества безопасности, в которых государства не видят угрозы друг в друге и не готовятся использовать силу в отношении друг с другом, а рассматривают своих соседей как союзников и партнеров.

Страны Центральной Азии не позиционируют друг друга ни как потенциальных противников, ни как союзников в отношении традиционных (военных) угроз безопасности. Соответственно, здесь отсутствуют структуры дружбы / вражды, не ставятся вопросы относительно поддержания регионального баланса сил, региональная безопасность не рассматривается через призму дилеммы безопасности.

Практически ни один конфликт в Центральной Азии и вокруг нее не вышел за рамки государственных границ и не приобрел межгосударственного или регионального измерения. Наиболее показательны в данном случае:

— гражданская война в Таджикистане (1992—1997), вовлеченность в которую других стран Центральной Азии в качестве миротворцев была крайне ограничена;

— противостояние в Афганистане между движением «Талибан» и Северным альянсом в 1994—2001 гг., затронувшее страны Центральной Азии только через ограниченное число беженцев и дислокацию Объединенной таджикской оппозиции на территории Афганистана;

— межэтнический конфликт в июне 2010 г. в южных — Ошской и Джалал-Абадской — областях Киргизии: даже Узбекистан, имевший все основания и предпосылки для вмешательства, дистанцировался от конфликта и ограничился только временным принятием беженцев.

Иначе говоря, относительно Центральной Азии неприменимы термины «конфликтное образование», «режим безопасности» или «плюралистическое сообщество безопасности». Структурные условия для регионализации Центральной Азии с точки зрения безопасности отсутствуют. Более того, страны Центральной Азии демонстрируют неготовность их конструировать. Таким образом, Центральная Азия, с точки зрения международной безопасности, не сложилась как региональный комплекс.

Вместе с тем на межгосударственном уровне активно секьюритизируются «новые угрозы безопасности», связанные с активностью негосударственных акторов, которым приписывается международный характер. Речь идет о секьюритизации терроризма, религиозного экстремизма, незаконного распространения наркотических веществ. Особенностью секьюритизации этих угроз в странах Центральной Азии является то, что они в значительной степени связываются с ситуацией в Афганистане, который не рассматривается как часть регионального

комплекса безопасности. Таким образом, основной источник угроз и вызовов выносится за рамки региона и позиционируется как внешний относительно стран Центральной Азии.

Таким образом, несмотря на то что идея единства Центральной Азии с точки зрения вопросов безопасности не была воплощена в жизнь, она была действенным политическим и идеологическим фактором в 1990-е и 2000-е гг. Таким фактором эта концепция остается и в настоящее время. Соответствующее положение имеет смысл обозначить как «квазикомплекс безопасности», иными словами, как номинальный комплекс, который организуется скорее идеей или термином (в нашем случае — термином «Центральная Азия»), чем региональными структурами безопасности. Страны, составляющие квазикомплекс, описывают основные проблемы своей безопасности как происходящие из-за пределов региона, в то время как на самом деле эти проблемы имеют внутренний характер.

Границы нашего квазикомплекса в настоящее время достаточно четко определены: почти общепринятым является мнение, что Центральная Азия в политическом аспекте — региональное образование, объединяющее пять республик (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Любые варианты его расширенного понимания наталкиваются на жесткое неприятие, как это произошло с идеей «Большой Центральной Азии». Под этим неприятием есть и объективные основания: все перечисленные вами страны и территории (СУАР КНР, Монголия, Иран), за исключением, возможно, Афганистана гораздо сильнее связаны с другими регионами, чем с Центральной Азией. Даже в случае Афганистана о той или иной связи с Центральной Азией имеет смысл говорить только в отношении его северных территорий.

Конечно, ситуация может меняться. Например, инициативы Узбекистана, реализуемые последние два года и направленные на нормализацию двусторонних отношений с его соседями, вновь подняли вопрос о возможности конструирования «Центральной Азии» как региона. Однако говорить об этом пока еще преждевременно, поскольку речь идет не столько о «Центральной Азии», сколько о формировании пространства, которое я предлагаю именовать «регион Узбекистана». Происходит переход Узбекистана от региональной политики в рамках заданных априорных формальных схем («Центральная Азия как пять постсоветских республик») к региональной политике прагматического характера, когда в регион входят страны не по формальному признаку, а по признаку наличия реального взаимодействия.

— Можно ли назвать Центрально-Азиатский регион отдельной подсистемой международных отношений? Кто из глобальных акторов, на ваш взгляд, лидирует в гонке за доминирование в данном регионе?

— Повторюсь, Центральная Азия с точки зрения вопросов безопасности является «квазирегионом», выполняющим функции буфера и изолятора между соседними странами и регионами. Иными словами — да, это отдельная, особая подсистема международных отношений.

Поскольку этот «квазирегион» одновременно является периферией современной системы международных отношений, говорить о «гонке за лидерство» здесь не совсем корректно — мы не представляем для держав глобального уровня какого-то стратегического интереса. Можно выделить несколько этапов, демонстрирующих рост и спад интереса к Центрально-Азиатскому региону со стороны глобальных держав.

В начале 1990-х гг., после распада СССР, Центральная Азия представляла интерес для США и соседних государств — Китая, Ирана, Турции, поскольку было непонятно, что будет происходить, какие будут выстраиваться отношения с постсоветскими государствами, какую политику они будут проводить. Но это было просто внимание к чему-то новому, не более. Однако к концу 1990-х гг. стало понятно, что интерес глобальных акторов к пяти центральноазиатским республикам будет низким и в политическом, и в экономическом, и в военном плане.

Конечно, в начале 2000-х гг. в связи с событиями в Афганистане интерес возрос, поскольку регион выступил в качестве «моста» для проникновения в Афганистан. В Центральной Азии возникли военные базы. Однако этот интерес все равно не достиг того уровня, который можно было бы назвать стратегическим. Это подтверждается конкретными данными: если мы сравним, например, присутствие США в Восточной Азии или на Ближнем Востоке с присутствием в Центральной Азии, то поймем, что это просто несопоставимо, и так было даже в начале 2000-х гг. В военном плане в центральноазиатских республиках находилось, условно говоря, полторы военные базы. На Ближнем Востоке военных баз насчитывается несколько десятков. Аналогичная ситуация наблюдается и в Восточной Азии. Поэтому в сопоставлении интерес к региону оставался достаточно низким.

В 2012—2014 гг. можно наблюдать небольшой всплеск интереса к Центральной Азии опять-таки по причине Афганистана, вследствие необходимости понять, как страны региона будут реагировать на вывод войск НАТО из Афганистана, готовы ли центральноазиатские государства разделить ответственность за ситуацию в Афганистане и проч. Как мы видим, все вновь завязано на афганской проблеме.

На сегодняшний день также очевидно, что присутствие глобальных игроков в регионе достаточно низко. Посмотрите, даже Китай, выдвигая инициативу «Один пояс, один путь», рассматривает Центральную Азию только как «пояс», как некий буфер. Если говорить о США, то страны Центральной Азии в настоящее время интересны для этой державы почти исключительно как территория, по которой проходит Северная распределительная сеть, через которую идут грузы для сил НАТО в Афганистане.

— После разгрома ИГИЛ (запрещена в РФ) в Сирии и Ираке данная террористическая группировка переносит свою активность в другие регионы мира. Как вы считаете, какую опасность она представляет для Центральной Азии?

— По моему мнению, террористическая угроза в странах Центральной Азии в настоящее время в значительной степени преувеличена. С 1990-х гг. политиче-

ские дискурсы стран Центральной Азии как обязательный компонент включают отсылку к вопросам безопасности, которые, начиная с террористических атак 1999 г. в Ташкенте, а затем — активизации боевиков Исламского движения Узбекистана в приграничных областях Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в 2000 и 2001 гг., начинают прочитываться через призму угрозы терроризма. В настоящее время мы можем регулярно читать статьи об угрозе религиозного терроризма в Центральной Азии. При этом, в соответствии с Глобальной базой данных терроризма (Global Terrorism Database), поддерживаемой Национальным консорциумом по изучению терроризма и реагированию на терроризм, действующим при Университете штата Мэриленд, за пять лет (с 2012 по 2016 г.) в Центральной Азии в целом произошел всего 31 террористический инцидент. Более того, в 2016 г., в соответствии с данными Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index), Казахстан и Таджикистан были отнесены к странам с нижним средним уровнем влияния терроризма, Киргизия — к странам с низким уровнем влияния терроризма, а Узбекистан и Туркменистан — к странам, где влияние терроризма практически не фиксируется.

Соответственно, тема ИГИЛ в отношении Центральной Азии также излишне идеологизирована и секьюритизирована. Эта структура имеет четкую территориальную и идеологическую привязку к Ближнему Востоку. К Центральной Азии она имеет отношение лишь в силу наличия активных информационно-пропагандистских потоков и раскручивания соответствующего бренда. Иными словами, по моему мнению, серьезно влияние ИГИЛ на страны Центральной Азии можно обсуждать только с точки зрения возможности совершения здесь тех или иных разрозненных акций, мотивированных пропагандой, идеологией или примером ИГИЛ. Скорее всего, это могут быть акции так называемых «одиноких волков» (lone wolves). Системное влияние в настоящее время маловероятно.

Тем не менее, конечно, ситуация может меняться. Уже сейчас в Афганистане фиксируются группы, заявляющие о своей приверженности идеологии ИГИЛ или о том, что они являются его боевыми подразделениями. Полностью исключать вероятность, что эти группы будут действовать и в центральноазиатском направлении, нельзя.

— Каким вы видите будущее мировых исследований Центральной Азии? И какие исследовательские проблемы интересны лично вам в настоящее время?

— Мы вновь возвращаемся к многоплановости и многоаспектности исследований Центральной Азии. Возьму на себя ответственность очертить, прежде всего, перспективы исследований безопасности в Центральной Азии.

Как мне представляется, периферийность стран Центральной Азии, ее «квазирегиональный» характер и очевидное отсутствие здесь межгосударственной конфликтности ведет к более глубокому изучению политических и социально-экономических систем этих стран, процессов, происходящих в них. В идеале — в рамках сравнительной политической науки с выходом на количественные показатели и индикаторы. Второй вектор — повышение внимания к теоретическому

осмыслению процессов в странах Центральной Азии. Первоначально — с точки зрения современных теорий международных отношений и исследований безопасности, например, таких, как критические исследования или конструктивизм. В перспективе — в рамках собственных теоретических моделей. Уже сейчас есть достаточно большая группа молодых специалистов, прошедших обучение в ведущих университетах мира, хорошо знающих современные теории и методы исследования и занимающихся вопросами безопасности в Центральной Азии.

То есть, обобщая, хочется надеяться, что будет возрастать доля реальных верифицируемых и фальсифицируемых исследований и сокращаться поле «политических анекдотов».

Мой основной интерес — в формировании теоретических рамок осмысления процессов в области безопасности в странах Центральной Азии [Бурнашев 2015; Burnashev 2017]. Если говорить более конкретно, мои научные интересы применительно к странам Центральной Азии лежат в плоскости рассмотрения их как слабых демодернизирующихся государств, обеспечение безопасности которых характеризуется парадоксальной ситуацией, когда при очевидной уязвимости таких государств некоторые из них остаются достаточно устойчивыми длительное время. Если защищенность относительно внешних факторов объясняется «вестфальскими» нормами международных отношений, то факторы внутренней стабильности, практики, обеспечивающие такую стабильность, остаются в настоящее время непроясненными. Выделение таких практик, определение механизмов их реализации и лежит в фокусе моего текущего научного интереса. При этом я исхожу из идеи необходимости археологического и генеалогического анализа (в смысле, предложенном Мишелем Фуко [Фуко 1994, 1996, 2004]) концепта «безопасность» в странах Центральной Азии, в частности — в Узбекистане.

Интервью провела О.С. Чикризова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бурнашев Р.* Анализ вызовов безопасности стран Центральной Азии: центр и периферия // Казахстан в глобальных процессах. 2015. № 3 (45). С. 59—69.
- Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
- Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74—97.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994.
- Burnashev R.* The Dynamics of NATO Presence in Central Asia: A Genealogical Analysis // Central Asia's Affairs. 2017. No 2. P. 33—42.
- Buzan B., Wæver O., De Wilde J.* Security: A New Framework For Analysis. L.: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Cornell S.E., Starr F., Tucker J.* Religion and the Secular State in Kazakhstan. The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program, 2017.
- Costa Buranelli F.* Spheres of Influence as Negotiated Hegemony — The Case of Central Asia // Geopolitics. 2017. DOI: 10.1080/14650045.2017.1413355.

- Costa Buranelli F.* World society as a shared ethnos and the limits of world society in Central Asia // International Politics. 2018. Vol. 55. No 1. P. 57—72. DOI: 10.1057/s41311-017-0064-6.
- Fish S.M., Choudhry O.* Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. No 3. P. 254—282. 10.1177/0010414006294169.
- Nourzhanov K.* State-Society Dynamics and Authoritarian Stability in Central Asia // Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order / ed. by A. Saikal. London and New York: I. B. Tauris & Co Ltd, 2016. P. 123—148.
- Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order / ed. by A. Saikal London and New York I.B. Tauris & Co Ltd, 2016.
- Wilkinson C.* The Copenhagen school on tour in Kyrgyzstan: is securitization theory useable outside Europe? // Security Dialogue. 2007. Vol. 38. No 1. P. 5—25. DOI: 10.1177/0967010607075964.

Для цитирования: Центральназиатские исследования в контексте теорий международных отношений. Интервью с Р.Р. Бурнашевым, профессором Казахстанско-Немецкого университета (Казахстан) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 400—410. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410

CENTRAL ASIAN STUDIES IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL RELATIONS THEORIES

Interview with R.R. BURNASHEV,
Professor of Kazakhstan-German University (Kazakhstan)

Abstract. Prof. Rustam Burnashev was born in 1969 in Tashkent. In 1986—1991 studied at the Philosophy and Economics Department of Tashkent State University named after V. Lenin on the specialty “Philosophy”. In 1995—1997 he studied in the graduate school of the Institute of Philosophy and Law named after M. Muminov of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; PhD.

Teaching career began in 1991 as a teacher of philosophy and logic of the Department of Philosophy and Law of the Second Tashkent Medical Institute. Since 1998 was Senior Research Fellow, then the head of the Foreign Policy Analysis sector of the Institute of Strategic and Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. Since 2000 — Associate Professor of the Faculty of International Relations, Abylai Khan University of International Relations and World Languages. Since 2002 — Professor of the Faculty of Social Sciences of the Kazakh-German University. From 2004 to 2010 Prof. Burnashev regularly worked at the University of California-Berkeley as an invited researcher.

In his interview, Prof. Burnashev analyzes the state of Central Asian studies in Europe and the US, talks about the specifics of the development of Central Asia at the present stage, emphasizing the far-fetched and exaggerated nature of the threat emanating from radical Islamist groups for the Central Asian region.

Key words: Central Asia, Central Asian Studies, the theoretical and methodological approach, the Copenhagen School, security of Central Asia

REFERENCES

- Burnashev, R. (2017). The Dynamics of NATO Presence in Central Asia: A Genealogical Analysis. *Central Asia's Affairs*, 2, 33—42.
- Burnashev, R. (2015). Analysis of Security Challenges for Central Asia States from the Centre-Periphery Perspective. *Kazakhstan in Global Processes*, 3 (45), 59—69 (In Russ.).
- Buzan, B., Wæver, O. & De Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework For Analysis*. L.: Lynne Rienner Publishers.

- Cornell, S.E. Starr, F., & Tucker, J. (2017). *Religion and the Secular State in Kazakhstan*. The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program.
- Costa Buranelli, F. (2017). Spheres of Influence as Negotiated Hegemony — The Case of Central Asia. *Geopolitics*. DOI: 10.1080/14650045.2017.1413355.
- Costa Buranelli, F. (2018). World society as a shared ethnos and the limits of world society in Central Asia. *International Politics*, 55 (1), 57—72. DOI: 10.1057/s41311-017-0064-6.
- Fish, S.M. & Choudhry, O. (2007). Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World. *Comparative Political Studies*, 40 (3), 254—282. DOI: 10.1177/0010414006294169.
- Foucault, M. (1996). Nietzsche, genealogy, history. In: *Philosophy of Postmodern Epoque*, Minsk: OOO Krasiko-print Publ., p. 74—97. (In Russ.).
- Foucault, M. (2004). *The Archeology of Knowledge*. Translated from French by M.B. Rakova, A.U. Serebryannikova. Saint Petersburg: IC “Gumanitarnaya Akademiya”; Universitetskaya kniga Publ. (In Russ.).
- Foucault, M. (1994). *The order of things. The Archeology of Humanities*. Translated from French by B.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Saint Petersburg: A-cad.
- Nourzhanov, K. (2016). State-Society Dynamics and Authoritarian Stability in Central Asia. In: *Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order*. Ed. by A. Saikal. London and New York: I.B. Tauris & Co Ltd., p. 123—148.
- Saikal, A. (ed.) (2016). *Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order*. London and New York: I.B. Tauris & Co Ltd.
- Wilkinson, C. (2007). The Copenhagen school on your in Kyrgyzstan: is securitization theory useable outside Europe? *Security dialogue*, 38 (1), 5—25. DOI: 10.1177/0967010607075964.

For citations: Central Asian Studies in the framework of International Relations Theories. Interview with R.R. Burnashev, Professor of Kazakhstan-German University (Kazakhstan). (2018). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 400—410. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-411-414

CENTRAL ASIAN STUDIES IN UK

**Interview with Dr. SHIRIN AKINER,
Senior Fellow of the Cambridge Central Asia Forum, University of Cambridge,
and Research Associate, School of Oriental and African Studies, University
of London; Member of Editorial Board of Vestnik RUDN. International Relations**

Dr. Shirin Akiner has long firsthand experience of Central Asia and has written and lectured widely on the region. In 2006 she was awarded the Sir Percy Sykes Memorial Medal by the Royal Society for Asian Affairs for her contribution to Asian studies. In 2008 awarded Honorary Fellowship of Anciens' Association of NATO Defense College. In 2013, received the International Chingiz Aitmatov Award (for her “promotion as well as extensive contribution to the understanding of Central Asian countries and their cultures”). In 2010–2012, Special Advisor to UK Parliamentary Groups on Central Asian States.

Has held research and teaching posts at the University of London, 1974–2008 (School of Oriental and African Studies, and University College); since 2008 — ongoing, Senior Fellow of the Cambridge Central Asia Forum, University of Cambridge, and Research Associate at the School of Oriental and African Studies, University of London. She has also held visiting professorships at Oberlin University (USA), Uppsala

University (Sweden), Aleksanteri Institute, University of Helsinki (Finland), Kazakh National University (Almaty) and National University of Seoul (South Korea).

From 1993–2015, she was a regular lecturer at NATO Defense College, Rome; also at Royal Defense College, London; has made oral and written submissions to UK House of Commons Select Committee on Defense, presentations on regional security to NATO Parliamentary Assembly and to the Euro-Atlantic Partnership Council Security Forum.

Dr Akiner has authored seven monographs and numerous scholarly articles on such topics as Islam, ethnicity, political change and security challenges in Central Asia. Her work has been translated into 10 languages (including French, German, Spanish, Arabic, Persian, Turkish, Kazakh, Russian and Chinese etc.).

In her interview, Dr. Akiner talks about Central Asian and Islamic Studies in Europe, the prospects of chaotization and radicalization of Central Asian Region and points out an influence of China on the regional situation.

Key words: Central Asia, Islamic Studies, Slavonic-Turkic convergence

— Dear Dr. Akiner Shirin, you are well-known in the world among the most authoritative scholar of Central Asian Region. Was your interest in the Central Asia and the decision to link your scientific activity with it a deliberate choice or coincidence of circumstances?

— There are always many factors that shape our interests, and influence our decisions. In my case, the main factor was my university education: I studied Slavonic and Turkic philology at undergraduate level and then, for my doctoral research, I looked

at the religious writings of the (Muslim) Belarusian Tatars. Most of these Tatars settled on what is now the territory of Belarus during the period 1400—1500 AD. Within a century or two the great majority had lost the knowledge of their original language(s) and spoke only Belarusian and/or Polish. However, they remained staunch Muslims and in order to pass on the faith to their descendants, a few learned individuals translated the Holy Quran (from Arabic) and various homiletic Islamic texts (mostly from Turkish) into a mixture of Belarusian and Polish. My study of the linguistic and cultural interactions between the Slavs and the Turkic peoples eventually led me to focus on Central Asia, where these different influences converge.

— The Central Asian region is a crossroads of different civilizations. But where are the borders of the region? Should it be attributed to only 5 countries that were formerly part of the USSR? And can we add XUAR of PRC and Mongolia to the region? Maybe Iran and Afghanistan?

— Definitions are working tools: the boundaries of a given region will be set by the purpose of the study. For example, definitions of Europe (let alone other parts of the world) keep shifting, depending on the historical period, and a multitude of fluctuating cultural-economic-political factors, including religion, ideology, language, culture, trade and transport connectivity. For me personally, my study of “Central Asia” focuses on the five former Soviet republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan; however, I do of course follow developments in the surrounding region to the extent that they impact on the five states that I have mentioned.

— How do you assess the state of the study of the Central Asian region in the world at the present stage? Is it a part of Post-Soviet studies or Islamic Studies?

— Research on “Central Asia” (however it is defined) may be included in post-Soviet studies and Islamic studies, as well as Anthropology, Development Studies and many other academic fields. There is no rigid, generally agreed disciplinary division.

— What research centers, publications on Central Asian issues occupy the leading positions in the world today? What has changed in the study of Central Asia in the post-Soviet period?

— There are a number of excellent researchers on Central Asian topics in Europe, Asia and the United States. Personally, I would not single out any one center as being better than the others — they all have their strengths and weaknesses and in general, much depends on the activities of particular individuals.

— In your opinion, how popular are Islamic studies in UK and other European countries? What are the main centers of Islamic studies you can name and which areas of research are of greatest interest to them? How much in Europe is known the Islamic studies conducted in Russia?

— Islamic studies (and studies of specific Islamic states) are quite popular in Europe, but in my opinion there are no outstanding centers.

— Can the Central Asian region be called a separate subsystem of international relations? Which of the global actors, in your opinion, leads the race for leadership in this region?

— Depending on the system of classification that one uses, the Central Asian region could be called a “subsystem of international relations” but I do not see much

value in this — each of these states has its own specificities. I also do not think it appropriate to speak of a “race for leadership” — rather, the Central Asian states have shown themselves adept at balancing global powers and thereby extracting maximum benefit from these external forces.

— **The growth of the importance and influence of the “Islamic factor” in world politics has been observed for a long time. In your opinion, in the short term, what is the probability of chaotization and radicalization of the Central Asia? Will there be an increase in the popularity of radical Islamist organizations among the population of the region?**

— It is useless to predict the future — previous studies that have tried to do this always seem sadly naïve in retrospect. As of now, I myself do not expect there to be a descent into chaos and radicalization in Central Asia, but this is not a prediction, just a sense of where we stand today.

— **How do you see the future of Central Asian world research? And what research problems are you personally interested in at the moment? What articles and books of Akiner Shirin we should wait for in the near future?**

— For me, the most important issue is that of connectivity which, for the foreseeable future, will be largely, though not exclusively, shaped by China’s “Belt Road Initiative”. My forthcoming book will be on that topic.

Interviewed by D.A. Degterev

REFERENCES

Akiner, Sh. (2009) *Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab: A Cultural Monument of Islam in Europe*. Mediterranean Language and Culture Monographs Series 11, Wiesbaden: Harrassowitz, 2009.

For citations: Central Asian Studies in UK. Interview with Dr. Shirin Akiner, Senior Fellow of the Cambridge Central Asia Forum (2018). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 411—414. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-411-414.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-411-414

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

**Интервью с доктором ШИРИН АКИНЕР, старшим научным сотрудником Кембриджского Форума по Центральной Азии Кембриджского университета, научным сотрудником Школы востоковедных и африканских исследований Лондонского университета; членом Редколлегии Вестника РУДН.
Серия: Международные Отношения**

Д-р Ширин Акинер является известным исследователем Центральной Азии, публикует исследования и читает лекции по центральноазиатской проблематике. В 2006 г. Королевское азиатское общество наградило д-ра Акинер памятной медалью сэра Перси Сайкса за вклад в изучение Азии. В 2008 г. стала Почетным стипендиатом Ассоциации Anciens Колледжа обороны НАТО. В 2013 г. получила Международную премию Чингиза Айтматова (за «продвижение, а также обширный вклад в понимание стран Центральной Азии и их культур»). В 2010—2012 гг. занимала пост Специального советника парламентских групп Великобритании по странам Центральной Азии.

Занимает научные и преподавательские должности в Лондонском университете: 1974—2008 гг. — научный сотрудник Школы востоковедных и африканских исследований и Университетского колледжа; с 2008 г. — старший научный сотрудник Кембриджского форума по Центральной Азии, Кембриджский университет, и научный сотрудник Школы востоковедных и африканских исследований Лондонского университета. Приглашенный профессор в Университете Оберлина (США), Университете Упсалы (Швеция), Институте Александери, Хельсинкском университете (Финляндия), Казахском национальном университете (Алматы, Казахстан) и Национальном университете Сеула (Южная Корея).

В 1993—2015 гг. д-р Акинер читала лекции в Колледже обороны НАТО в Риме, а также в Королевском оборонном колледже в Лондоне; готовила материалы для Комитета по обороне Палаты общин Великобритании, выступала с презентациями по региональной безопасности на заседаниях Парламентской ассамблеи НАТО и Форума по безопасности Совета евроатлантического партнерства.

Д-р Акинер является автором семи монографий и многочисленных научных статей по таким темам, как ислам, этническая принадлежность, политические изменения и проблемы безопасности в Центральной Азии. Ее работы были переведены на 10 языков (включая французский, немецкий, испанский, арабский, персидский, турецкий, казахский, русский, китайский и т. д.).

В своем интервью д-р Акинер рассказывает о центральноазиатских и исламских исследованиях в Европе, о перспективах хаотизации и радикализации Центрально-Азиатского региона и подчеркивает влияние Китая на ситуацию в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия, исламские исследования, славяно-тюркская конвергенция

Для цитирования: Исследования Центральной Азии в Великобритании. Интервью с доктором Ширин Акинер, старшим научным сотрудником Кембриджского Форума по Центральной Азии Кембриджского университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 411—414. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-411-414.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-415-428

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШОС

Г.И. ЦВЫК

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Статья посвящена развитию российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества. Автор анализирует гуманитарное взаимодействие между странами — членами Организации, так как именно данный вектор сотрудничества является одним из приоритетных. Вместе с тем выделяется особая значимость российско-китайских отношений в данной сфере в связи с тем, что Россия и Китай являются одними из первых государств — участников ШОС, заявивших о гуманитарном взаимодействии. В статье рассмотрены различные направления гуманитарных отношений в рамках ШОС, а именно российско-китайское сотрудничество в сферах образования, культуры, академической мобильности, спорта и туризма.

В последнее время все большее значение в российско-китайском сотрудничестве приобретает именно гуманитарная составляющая, которая в последние два десятилетия стала включать в себя не только такие традиционные сферы взаимодействия, как культура и образование, но и здравоохранение, спорт, СМИ и туризм. Кроме того, после установления между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, гуманитарное сотрудничество, получив большую государственную поддержку, стало развиваться быстрыми темпами. С образованием Шанхайской организации сотрудничества, в состав которой вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, а с 2017 г. Индия и Пакистан, двустороннее сотрудничество между Москвой и Пекином приобрело новый характер.

Ключевые слова: Россия, Китай, ШОС, гуманитарное взаимодействие, образовательное сотрудничество, культурные связи

ВВЕДЕНИЕ

Активное участие в международном гуманитарном сотрудничестве является одним из приоритетных направлений внешней политики каждого государства в контексте обеспечения своих национальных интересов на международной арене. При этом понятие международного гуманитарного сотрудничества характеризуется всеобъемлющим наполнением и включает в себя межгосударственную кооперацию по вопросам культуры, науки, информации, спорта, туризма и др.

Национальные органы власти и международные организации осознают значимость гуманитарного сотрудничества, вкладывая в его развитие значительные финансовые средства [Altbach 2016]. Государства практикуют «культурную дипломатию», продвижение национального языка и культуры на международном уровне, связь с соотечественниками за рубежом, основной целью чего является формирование положительного имиджа государства и, как следствие, возрастающий интерес других стран к сотрудничеству с ним на международном уровне [Ganshina, Tsvyk 2016].

Гуманитарной составляющей в рамках ШОС придается достаточно большое значение, так как одной из целей развития Организации является создание общего гуманитарного пространства.

Согласно Хартии ШОС, сотрудничество в гуманитарной области является одним из приоритетных задач организации¹. В статье 3 Хартии ШОС от 7 июня 2002 г. определены основные направления сотрудничества в рамках структуры, в которые входит и гуманитарное сотрудничество, а именно «расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма»². Главы государств — членов ШОС неоднократно подчеркивали, что Организация должна уделять больше внимания гуманитарному вектору, который становится одной из динамично развивающихся сфер взаимодействия как в рамках ШОС, так и на двусторонней основе между государствами — участниками Организации.

Наиболее успешными и продуктивными областями гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС являются образование и культура, а с недавних пор также развивается сотрудничество в области здравоохранения [Aris 2008].

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШОС

За годы существования Шанхайской организации сотрудничества страны-члены наладили практическое взаимодействие в области культуры, образования, науки и техники, спорта, туризма, защиты окружающей среды, здравоохранения, молодежной политики и СМИ. Министры культуры стран ШОС на одном из первых совещаний глав соответствующих ведомств приняли программу многостороннего культурного сотрудничества в рамках Организации. Начиная с 2005 г. ежегодно, одновременно с саммитом ШОС, проводится фестиваль культуры и искусств.

Вместе с образованием «Шанхайской пятерки», а впоследствии ШОС, в международном сообществе появилось новое понятие — «Шанхайский дух»³. Необходи-

¹ Хартия ШОС. Правовой Департамент МИД России. Перечень многосторонних международных договоров. URL: http://archive.mid.ru/bdcomp/spm_md.nsf/0/511940DA90AA7F77C3257D8D0036F3A9 (дата обращения: 23.01.2018).

² Там же.

³ Центральный интернет-портал ШОС. Определение понятия «Шанхайский дух». URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=3296> (дата обращения: 21.12.2017).

димо подчеркнуть, что «Шанхайский дух» играет немаловажную роль и в развитии культурно-гуманитарных отношений между странами — участницами ШОС.

Вместе с тем между странами — членами Организации особое внимание уделяется сотрудничеству в сфере искусства, науки и техники. На саммитах ШОС стало традицией организовывать различные мероприятия в этой области [Valeev, Alikberova 2015]. Также налажено регулярное проведение встреч руководителей министерств образования, науки и культуры государств — членов ШОС. Следует отметить такие мероприятия, как ежегодный фестиваль искусств, проводимый в рамках саммитов ШОС.

Сотрудничество в гуманитарной сфере заложило прочную базу для укрепления дружбы между странами ШОС, обладая тенденцией нарастающего развития. Благодаря особенностям гуманитарных ресурсов каждой страны у государств — членов Организации имеется огромный потенциал для взаимодействия. Прежде всего, это многовековые тесные культурные связи между народами стран Центральной Азии (ЦА), которые углубляют взаимопонимание между ними и содействуют обогащению национальных культур друг друга. В то же время корни отношений Китая со странами Центральной Азии уходят в далекое прошлое. Великий Шелковый путь являлся основным средством межкультурной коммуникации Китая и народов Центральной Азии в древности, а реализуемая КНР в настоящее время инициатива «Один пояс, один путь» призвана способствовать углублению сотрудничества между странами региона. В то же время стоит отметить, что государства Центральной Азии исторически находятся под большим влиянием русской культуры. Русский язык является универсальным языком общения в регионе. Исходя из этого, Шанхайская организация сотрудничества обладает уникальными условиями для содействия обмену и сотрудничеству в гуманитарной области.

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В РАМКАХ ШОС

Рассматривая культурное взаимодействие в рамках ШОС, необходимо подчеркнуть, что Организация изначально позиционировала себя как структура, стремящаяся развивать все аспекты международного гуманитарного сотрудничества. В ее основополагающем документе, Хартии ШОС, отмечено, что сотрудничество в гуманитарной области является одной из приоритетных задач Организации⁴.

Определенные усилия для расширения взаимодействия деятелей культуры прилагает Секретариат ШОС — главный административный орган. В апреле 2007 г. данное направление сотрудничества получило закрепление в Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС, которое было подписано на саммите ШОС в г. Бишкеке⁵. В Статье 1 Договора

⁴ Хартия ШОС. Ст. 1 Цели и задачи. URL: <http://www.sectesco.org/RU123/show.asp?id=86> (дата обращения: 13.02.2018).

⁵ Культурно-гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС. URL: <http://infosco.biz/ru/?pageId=231> (дата обращения: 19.01.2018).

определены основные направления сотрудничества в области культуры между странами — членами ШОС: «Стороны в соответствии с нормами международного права и национальным законодательством своих государств осуществляют взаимодействие в области музыкального, театрального, изобразительного искусства, кинематографии, архивного, библиотечного и музейного дела, охраны объектов культурного наследия, народных промыслов, декоративного-прикладного, самодеятельного, эстрадного и циркового искусства, а также других видов творческой деятельности»⁶. Это активизировало культурный обмен и увеличило количество предусмотренных им культурных мероприятий. В частности, был разработан альбом «Диалог цивилизаций», представляющий собой обзор культур государств — членов ШОС, проведены Иссык-Кульский кинофестиваль и художественный форум в г. Ханчжоу [Ганьшина 2015а].

В апреле 2009 г. в ходе Совещания министров культуры стран — участниц ШОС в г. Казани была принята Декларация Совещания министров культуры государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, в которой большое внимание уделено сотрудничеству в области молодежной политики, роли представителей молодежи в сохранении национального культурного наследия и развитии многостороннего культурного сотрудничества. В связи с этим 4 мая 2009 г. в г. Екатеринбурге государствами — членами Организации была подписана Декларация о создании Молодежного совета ШОС.

Целью Молодежного совета Шанхайской Организации Сотрудничества являются сотрудничество и обмен опытом представителей молодого поколения стран ШОС в различных областях развития молодой личности, которое смогло бы обеспечить фундаментальную преемственность политики ШОС и способствовать реализации ее исторической миссии.

С каждым годом увеличивается число совместных культурных мероприятий в рамках ШОС, их программа становится насыщеннее. Такие мероприятия однозначно способствуют развитию и углублению культурных связей народов ШОС, учитывая возрастающий авторитет Организации на международной арене [Цвык 2013]. ШОС становится форматом эффективного политического и экономического сотрудничества, а формирование общего культурного пространства, несомненно, способствует более тесному сближению народов стран этой Организации.

Формирование единого культурно-информационного пространства — это один из важнейших созидательных, результативных механизмов, с помощью которого происходит расширение границ человеческих представлений о многообразии мира, глубинных внутренних процессов, о различных преобразованиях, происходящих в мировом сообществе. Именно единое культурно-информационное пространство способно в будущем обеспечить человечеству значительный прорыв

⁶ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов ШОС. 16.08.2007 г. Сайт ИнфоШос. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=22> (дата обращения: 18.02.2018).

в продвижении народов к мирному сосуществованию и объединению созидательных усилий [Ганьшин 2009]. Поэтому Шанхайская организация сотрудничества имеет большой потенциал на среднесрочную и долгосрочную перспективы для реализации и углубления многостороннего гуманитарного сотрудничества в области культуры, как в рамках Организации, так и со странами — наблюдателями ШОС и партнерами по диалогу.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МОСКВЫ И ПЕКИНА В РАМКАХ ШОС

Образовательное сотрудничество является одним из приоритетных направлений российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия⁷. Основными задачами в области образования России и Китая являются обмен информацией, стимулирование прямого сотрудничества между высшими учебными заведениями стран-участниц, формирование списка сотрудничающих вузов, взаимная языковая поддержка образовательных программ и многое другое [Гревцева 2017]. Особое внимание уделяется российским и китайским абитуриентам, поступающим в магистратуру и аспирантуру [Филиппов 2015].

26 октября 2005 г. Совет глав правительств стран ШОС принял решение об активизации сотрудничества в сфере образования, в рамках которого были предусмотрены совещания министров образования государств — членов ШОС и утверждено создание постоянно действующей Экспертной рабочей группы в области образования.

15 июня 2006 г. в Шанхае было подписано Соглашение между правительствами государств — участников ШОС о сотрудничестве в области образования, которое положило начало развитию многостороннего сотрудничества стран — участниц ШОС в области образования⁸. Согласно данному соглашению, государства — члены Организации намерены поддерживать развитие интеграционных процессов в области образования, содействовать взаимному обмену обучающимися и научно-педагогическими работниками, обмениваться информацией по вопросам образования, поощрять изучение языков, истории, культуры государств Организации.

18 октября 2006 г. в Пекине было проведено первое заседание министров образования государств — членов ШОС, на котором стороны договорились о создании механизма многостороннего взаимодействия в области образования,

⁷ 俄中两国教育合作将在哪些领域出彩. 访俄罗斯联邦教育与科学部副部长柳德米拉·奥戈罗多. 来源:《光明日报》2017-12-13. (E zhong liangguo jiaoyu hezuo jiang zai na xie lingyu chucui, fang eluosi jiaoyu yu kexue bu fubuzhang liudemila. aogeluodu). (В каких сферах китайско-российское образовательное сотрудничество проявится в наибольшей степени. Интервью с заместителем министра образования и науки РФ Л. Огородовой.) Источник: газета «Гуанмин жибао». URL: http://news.gmw.cn/2017-12/13/content_27086979.htm (дата обращения: 28.05.2018).

⁸ Соглашение между правительствами государств-участниц ШОС о сотрудничестве в области образования, 15.06.2006 г. Сайт ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 12.03.2018).

а также определили основные направления и задачи образовательного сотрудничества в рамках ШОС. Основными направлениями многостороннего сотрудничества стран — участниц ШОС в области образования являются:

- 1) обмен опытом и информацией о реформах, проводимых в области образования в государствах ШОС;
- 2) развитие интеграционных процессов в области образования и создание в этих целях информационной и нормативной базы по вопросам политики государств — участников ШОС в области образования;
- 3) взаимный обмен обучающимися и научно-педагогическими работниками образовательных учреждений/организаций государств — членов ШОС;
- 4) сотрудничество в области повышения качества образования;
- 5) создание механизмов обеспечения прозрачности и сравнимости квалификаций и дипломов об образовании, признания и установления эквивалентности документов об образовании государственного образца, выдаваемых образовательными учреждениями/организациями государств — членов ШОС.

В 2006 г. прошли первые консультации по линии кадровых служб, учебных заведений и дипломатических академий внешнеполитических ведомств государств — членов ШОС. МИД РФ предложил создать рабочую группу, перед которой поставлена цель разработки совместно с Советом национальных координаторов и Секретариатом ШОС подходов и принципов кадрового обеспечения для постоянно действующих органов Организации.

Следует также отметить, что до 2007 г. в Шанхайской организации сотрудничества не было единых подходов к вопросам экспорта и импорта образовательных услуг. Отсутствовал также единый информационный центр по образовательным услугам государств — членов Организации. Для решения этого вопроса был создан специальный сайт ШОС. С 2007 г. начался выпуск Информационного бюллетеня о сотрудничестве в области образования.

Вместе с тем следует отметить, что с 2008 г. регулярно проводятся «Недели образования государств — членов ШОС», форумы ректоров ведущих университетов, а с 2009 — форумы ректоров академий государственной службы государств — членов ШОС [Сао 2014].

Сотрудничество в области образования и науки между Россией и Китаем в рамках ШОС способствует укреплению традиционных отношений, что будет способствовать развитию отношений и в других областях. Одной из перспектив подобного сотрудничества в дальнейшем может стать создание общего рынка услуг в сфере образования, что усилит интеграционные тенденции в регионе. Однако в данном случае речь должна идти о создании нового, общего образовательного пространства на основе взаимного доверия и сотрудничества, а не доминирующей роли какой-либо из стран — членов Шанхайской организации сотрудничества.

В то же время перед ШОС стоит задача выработки единых стандартов образования, свободного перемещения знаний и специалистов. По мнению российских экспертов, «решение этих проблем расширит возможности предоставления образовательных услуг российскими вузами гражданам государств ШОС и будет

способствовать повышению конкурентоспособности российского образования, увеличению экспорта российских образовательных услуг на азиатском материке». Этим целям будет служить и реализация идеи создания Университета ШОС, предложенная В.В. Путиным в 2007 г.

УНИВЕРСИТЕТ ШОС В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС) — это сетевой университет, включающий в себя международную образовательную программу на пространстве Азии. 28 октября 2008 г. на совещании министров образования государств — членов ШОС в г. Астане был подписан ряд документов, отразивших общее стремление стран к появлению Университета ШОС, а также подтвердивших общее содержание концепции УШОС и основные направления обучения: регионоведение, энергетика, нанотехнологии, IT-технологии, экология, педагогика, экономика. Университет ШОС является азиатским проектом — аналогом системы Единого Европейского Образовательного Пространства, создаваемого (в том числе по инициативе России) в рамках «Болонской трансформации системы образования» [Филиппов, Сунь 2015].

Основной миссией Университета Шанхайской организации сотрудничества является осуществление совместной подготовки высококвалифицированных кадров на основе согласованных инновационных образовательных программ по специальностям, представляющим приоритетный интерес для экономического и социального развития государств — членов Шанхайской организации сотрудничества⁹.

Известно, что существуют некоторые трудности в процессе согласования учебных программ, их соответствия друг другу, в вопросе критериев оценивая и количестве учебных часов, учебных дисциплин и их содержания [Ганьшина 2015б]. В связи с этим, учитывая различия в системах образования стран — участниц ШОС, на данный момент существует обмен обучающихся на магистерском и аспирантском уровнях.

Университет ШОС функционирует как сеть существующих университетов в государствах — членах ШОС: Индии, Казахстане, Китае, Кыргызстане, Пакистане, России, Таджикистане и Узбекистане, а также в странах-наблюдателях — Иране, Монголии.

Россия финансирует данные программы с 2010 г. за счет ассигнований федерального бюджета Российской Федерации в пределах квоты, установленной постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 638 и постановлением Правительства Российской Федерации от 8 октября 2013 г. № 891 (табл. 1)¹⁰. Что касается Китая, то с 2011 г. он финансирует эти проекты за счет

⁹ Официальный сайт Университета ШОС. Цели и задачи. URL: http://uni-sco.ru/stat/2/stat_2.html (дата обращения: 30.01.2018).

¹⁰ Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/7126/> (дата обращения: 25.02.2018).

ассигнований национального бюджета для всех государств — участников УШОС. Вместе с тем Москва и Пекин использует внебюджетные средства университетов — участников УШОС и иные источники средств, не противоречащие законодательству страны местонахождения университета-партнера.

Таблица 1 / Table 1

**Количество мест,
выделенных в пределах установленной Правительством Российской Федерации
квоты на обучение иностранных граждан в рамках УШОС в 2010—2018 гг. /
The quota of the Government of the Russian Federation for foreign students
in the framework of USCO in 2010—2018**

Страна / Country	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018	ИТОГО / TOTAL
Казахстан / Kazakhstan	39	58	61	55	133	118	89	70	623
Кыргызстан / Kyrgyzstan	26	35	24	28	53	48	32	13	259
Таджикистан / Tajikistan	16	23	28	31	25	38	13	14	188
Китай / China	0	78	89	135	76	137	34	107	656
ВСЕГО / TOTAL	81	194	202	249	287	341	168	204	1 726

Источник / Source: Составлено автором на основе данных Минобрнауки России.

Подготовка кадров высшей квалификации должна в перспективе осуществляться по таким видам образовательных программ, как подготовительные языковые курсы, бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура, программы повышения квалификации, профессиональной переподготовки [Ганьшина 2016].

Все больше экспертов отмечают, что без создания совместных согласованных образовательных программ УШОС останется лишь конъюнктурной организацией и не перерастет в союз народов, осознающих общие интересы и общность судьбы. УШОС будет обладать большей устойчивостью, притягательной силой, если проекты по сотрудничеству будут подкрепляться кадрами, которые будут хорошо ориентироваться в ареале Центрально-Азиатского региона, а также России и Китая, чувствовать специфику менталитета коренных народов, знать особенности внешнеэкономической, инвестиционной деятельности в этих условиях, владеть рабочими языками ШОС [Гусевская 2014].

В этом контексте проект формирования Университета ШОС стал основной формой гуманитарного сотрудничества в формате этой международной структуры. В первую очередь, между Россией и Китаем, так как давно сложившиеся двусторонние отношения в области образования уже имели хорошую и прочную базу.

Целесообразно расширять сеть вузов, которые готовят специалистов для ШОС в регионах государств-участников. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, в приграничных районах всегда развита сеть образовательных учреждений с углубленным изучением языка, культуры и специфики соседней страны. Во-вторых, население подобных регионов с культурно-социальной, географической точки зрения более нацелено на сотрудничество с приграничным государством. На Дальнем Востоке России существует ряд институтов, которые уже

наладили эффективное сотрудничество с Китаем по программам обмена студентов и преподавателей.

Стоит отметить, что страны ШОС имеют целый ряд общих черт, среди которых: географическая близость, опыт существования пяти стран — участниц организации в формате одного государства (СССР), наличие общего языкового и образовательного пространства, более тесные связи в области образования и культуры [Медяник 2017].

По нашему мнению, сетевой университет может стать альтернативой обучению в вузах западных стран и в их филиалах за рубежом, что предоставит ШОС дополнительные финансовые ресурсы и поможет решить проблему с интеллектуальной эмиграцией.

Сетевой университет ШОС на территории Центрально-Азиатского региона становится основой объединения всех существующих систем высшего образования, результатом которого впоследствии будет формирование единой сложившейся системы высшего образования на основе согласованных стандартов и программ, открытой для сближения с другими подобными ей системами [Ефремова, Федоров 2017]. Именно сеть образовательных учреждений с подобным статусом, подобным географическим и межкультурным охватом может явиться примером того, как различные цивилизации и религии могут находить точки соприкосновения, работать на общее благо, демонстрировать высокий уровень доверия и равноправия государств-участников, открытости к внешнему миру и готовности к диалогу.

В заключение стоит подчеркнуть, что формат международного сотрудничества и взаимодействия в рамках сетевых форм реализации образовательных программ между Россией и Китаем, в частности через проект УШОС, позволит успешно преодолевать социокультурные барьеры на пути интеграции и интернационализации образования на пространстве Шанхайской организации сотрудничества.

В настоящее время ШОС превратилась в многопрофильную организацию, имеющую международное влияние и авторитет. Следует отметить, что важнейшим фактором является поиск новых форм взаимодействия, одной из которых становится гуманитарное сотрудничество, включающее образование, культурные связи, медицину, туризм и т.д. Одна из основных проблем гуманитарного сотрудничества заключается в том, что эта Организация объединяет страны с разными культурными традициями, разными языками и разными образовательными системами.

По нашему мнению, развитие российско-китайских отношений является значимым фактором развития ШОС. Двустороннее сотрудничество России и Китая в рамках Организации во многом определяет тренды во всем регионе ШОС. Важную роль здесь играет российско-китайское гуманитарное сотрудничество (Российско-Китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству, в которую входят подкомиссии по образованию, культуре, туризму и медицине, создание Университета ШОС, открытие культурных центров, проведение выставок, про-

ведение национальных годов и т.д.) [Ефремова 2017]. Долгое время гуманитарное сотрудничество в ШОС проходило на двустороннем уровне, например, в рамках Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, Китайско-казахстанской подкомиссии по культурному и гуманитарному сотрудничеству и др. С развитием сотрудничества в регионе ШОС двусторонний формат переходит на уровень многостороннего сотрудничества, сохраняя при этом те же принципы взаимодействия. Создаются постоянно действующие экспертные комиссии в области образования, культуры, здравоохранения, планируется создать аналогичные многосторонние комиссии по спорту, туризму, СМИ и т.д.

При этом важно подчеркнуть особую значимость региона ШОС для России. Как уже было отмечено, Россия имеет общее историческое прошлое со странами Центральной Азии, которые также входят в состав ШОС. Москва, безусловно, заинтересована в укреплении своих позиций в этом регионе, развитии политических, военных, экономических, социальных и гуманитарных отношений с этими государствами. По нашему мнению, именно посредством многостороннего сотрудничества в рамках ШОС Россия сможет достигнуть этих целей и обеспечить свои интересы в регионе. Особую роль в этом процессе должны играть именно гуманитарные связи ввиду фактора русского языка, который является языком общения во всех странах Центральной Азии. Кроме того, на территории этих государств проживает большое количество как этнических русских, имеющих российское и местное гражданство, так и представителей других национальностей, имеющих гражданство Российской Федерации. Все эти факторы в совокупности создают благоприятные условия для расширения влияния России в данном регионе, что напрямую отвечает национальным интересам нашего государства в создании пояса добрососедства и сотрудничества по периметру границ.

Вместе с тем, по нашему мнению, следует усовершенствовать нормативно-правовую базу российско-китайского двустороннего и многостороннего гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС, дополнить ее более широкими функциями и полномочиями, расширить области гуманитарного сотрудничества [Valeev, Alikberova 2016]. Одновременно стоит рассмотреть возможность увеличения присутствия различных государственных, коммерческих и общественных организаций России на территориях стран — участниц ШОС в целях популяризации русского языка и культуры. В то же время особое внимание следует уделить вопросу подготовки высококвалифицированных востоковедов, продвигать в большей степени российскую школу китаистики, увеличить количество квот на бесплатное обучение в вузах Китая российских студентов, специалистов и аспирантов.

Для того чтобы не потерять темп, заданный ШОС начиная с Уфимского саммита, потребуются серьезные дополнительные усилия. Прошедшая в Ташкенте в июне 2016 г. юбилейная встреча глав государств — членов ШОС подтвердила сохранение Организацией набранной позитивной динамики [Конаровский 2016]. А уже в июне 2017 г. в Астане состоялось историческое заседание Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества, в ходе которого статус государства — члена Организации был предоставлен Республике Индия и Исламской Республике Пакистан. Следует отметить, что расширение ШОС

и дальнейшее углубление сотрудничества с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу имеют важное значение для развития и повышения потенциала Организации. На степень успеха эволюции ШОС в гуманитарной области серьезное влияние будет оказывать общее стремление к этому государств-участниц, но, в первую очередь, как для России, так и для Китая, перспективы двустороннего сотрудничества в данной сфере [Медяник 2016]. Именно они будут давать толчок для развития и внедрения новых инициатив в формат многостороннего сотрудничества в рамках ШОС.

Формирование региональной организации зависит не только от географических особенностей, но и от соединения общих интересов, мнений и целей всех стран-членов. Для ШОС в сфере безопасности — это борьба с «тремя силами зла», в сфере политики — защита регионального мира и стабильности, в экономике — стимулирование движения ресурсов, товаров и инвестиций. В ситуации динамично меняющегося современного мира, полного противоречий, без общего коллективного взаимного познания и взаимопонимания, осознания общих ценностей, роли нравственного фактора в современных международных отношениях нельзя развивать полноценное сотрудничество [Курылев, Станис 2015]. Следовательно, необходимо и в дальнейшем действовать исходя из «шанхайского духа», который заключается в уважении многообразия культур, что коренным образом отличается от западной концепции «столкновения цивилизаций». На этой основе быстрыми темпами развивается гуманитарное сотрудничество, включая культурные обмены, образование, науку, туризм и др.

Подчеркивая неизменную приверженность миру, совместному развитию и равноправному сотрудничеству, расширению диалога и взаимодействия с международным сообществом, государства — члены Организации приложат все усилия для укрепления безопасности и стабильности, углубления связей в торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах на пространстве ШОС в соответствии со Стратегией развития ШОС до 2025 г. и Планом действий на 2016—2020 гг. по ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ганьшин И.Н.* Формирование и реализация приоритетных межгосударственных отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 1991—2005 годы: опыт и перспективы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Ганьшина Г.И.* Проблема развития гуманитарного сотрудничества в ШОС // Внешняя политика России на пространстве СНГ: материалы Межвузовской научной конференции. Российский университет дружбы народов / под ред. К.П. Курылева. М.: РУДН, 2016. С. 61—73.
- Ганьшина Е.И.* Интересы и перспективы участия России в формировании единого образовательного пространства ШОС // Проблемы национальной стратегии. 2015а. № 3 (30). С. 40—58.
- Ганьшина Е.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015б. № 1. С. 88—97.
- Грецева Г.Я.* Сотрудничество России и Китая в сфере образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». 2017. Т. 9. № 2. С. 43—52.

- Гусевская Н.Ю. Сетевое образовательное взаимодействие как фактор гуманитарного сотрудничества стран — участниц ШОС // Науч.-образовательное и культурное сотрудничество стран — участниц ШОС: XII междунар. науч.-практ. конф. Чита, 21—23 мая 2014 г. Чита, 2014. С. 72—77.
- Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857—865. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-857-865.
- Ефремова Л.И., Федоров Р.Г. 10 лет Университету Шанхайской организации сотрудничества: основные результаты работы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2017. № 4. С. 363—369.
- Конаровский М.А. Россия — ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник Международных организаций. 2016. Т. 11. № 4. С. 149—161.
- Курылев К.П., Станис Д.В. Процесс развития евразийской интеграции: история, современные проблемы и перспективы // Современная наука. 2015. № 2. С. 13—18.
- Медяник Е.И. Совместные образовательные проекты как инновационная форма сотрудничества России и КНР в XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. С. 54—64.
- Медяник Е.И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 7—23.
- Филиппов В.М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 203—211.
- Филиппов В.М., Сунь Ю. Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). С. 15—17.
- Цвык А.В. Международно-правовые аспекты деятельности ШОС // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XII Международной научно-практической конференции молодых ученых. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2013. С. 307—308.
- Altbach F.G. Global Perspectives on Higher Education. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.
- Aris S. Russian-Chinese Relations through the Lens of the SCO. IFRI policy papers // Russie. Nei. Visions. № 34, September 2008.
- Cao Z. A Review of the SCO's Education Collaboration in 2013. Annual Report on the Shanghai Cooperation Organization (2014). Beijing: Social Sciences Academic Press, 2014.
- Ganshina G., Tsvyk A. Promotion of Russian Language in China As a Tool of Cultural Diplomacy of the Russian Federation // Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education. Book Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research. Vol. 64. Paris: Atlantis Press, 2016. P. 1285—1289.
- Valeev R.M., Alikberova A.R. Russian-Chinese Relations in the Field of Culture (1990-s — 2000-s) // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. № 4. P. 135—147.
- Valeev R.M., Alikberova A.R. Humanitarian communication in the system of Russian-Chinese relations: results of research work // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication — TOJDAC. November 2016. Special Edition. P. 2358—2363. DOI: 10.7456/1060NVSE/029.

Дата поступления статьи: 1.03.2018

Для цитирования: Цвык Г.И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 415—428. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-415-428.

Сведения об авторе: Цвык Галина Игоревна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ganshina_gi@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-415-428

RUSSIAN-CHINESE HUMANITARIAN COOPERATION WITHIN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

G.I. Tsvyk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the development of Russian-Chinese humanitarian cooperation within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. The author analyzes main aspects of humanitarian cooperation between the SCO member states, due to the fact that cooperation in this field is very important within the SCO's agenda. At the same time, the special significance of Russian-Chinese relations in this sphere is highlighted in connection with the fact that Russia and China were the first among SCO member states to declare humanitarian cooperation. Since that time both countries were actively developing bilateral cooperation in various spheres. The article examines various spheres of humanitarian relations within the SCO, namely education, culture, academic mobility, sports and tourism.

Recently, the humanitarian component has become increasingly important in Russian-Chinese cooperation, which in the last two decades has begun to include not only traditional spheres of interaction such as culture and education, but also health, sports, mass media and tourism. In addition, after the establishment of strategic partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China, humanitarian cooperation, having received great state support, began to develop very fast. With the advent of a new international regional organization, which member-states are Russia, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Uzbekistan, and since 2017, India and Pakistan, a new format of bilateral cooperation between Moscow and Beijing in the framework of the SCO has emerged.

Key words: Russia, China, Shanghai Cooperation Organization, humanitarian cooperation, education, cultural ties

REFERENCES

- Altbach, F.G. (2016) *Global Perspectives on Higher Education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Aris, S. (2008) Russian-Chinese Relations through the Lens of the SCO. *IFRI policy papers. Russie. Nei. Visions*, 34.
- Cao, Zhi. (2014) *A Review of the SCO's Education Collaboration in 2013*. Annual Report on the Shanghai Cooperation Organization (2014). Social Sciences Academic Press (China).
- Efremova, L.I. (2017). Russian-Sino Cooperation in Education. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 857—865. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-857-865.
- Efremova, L.I. & Fedorov, R.G. (2017) 10 years of University of the Shanghai Cooperation Organization: main results. *RUDN Journal of World History*, 9(4), 363—369. (In Russ.).
- Filippov, V.M. (2015). Internationalization of Higher Education: Major Trends, Challenges and Prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (3), 203—211. (In Russ.).
- Filippov, V.M. & Sun', Yu. (2015). The role of the University of the Shanghai Cooperation Organization in conjugation of the educational spaces of Eurasia. *Public service*, 6 (98), 15—17. (In Russ.).

- Ganshin, I.N. (2009). *Formation and realization of priority interstate relations of the Russian Federation and the People's Republic of China in 1991—2005: experience and prospects*. [dissertation]. Moscow, 153. (In Russ.).
- Ganshina, E.I. (2015) The interests and prospects for Russia's participation in the formation of a common educational space within the SCO. *National Strategy Issues*, 3(30), 40—58. (In Russ.).
- Ganshina, E.I. (2015) Russian-Chinese Humanitarian Cooperation in the 1990-s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 88—97. (In Russ.).
- Ganshina, G.I. (2016) The problem of development of humanitarian cooperation in the SCO. In: *The foreign policy of Russian Federation towards the CIS. Materials of the Interuniversity Scientific Conference. Peoples' Friendship University of Russia*. Ed. by K.P. Kurylev. Moscow, PFUR. p. 61—73. (In Russ.).
- Ganshina, G. & Tsvyk, A. Promotion of Russian Language in China As a Tool of Cultural Diplomacy of the Russian Federation. *Proceedings of the 2016 International Conference on Arts, Design and Contemporary Education. Book Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research*. Vol. 64. France, Paris, Atlantis Press, 2016. P. 1285—1289. Accession Number: WOS: 000389214900313.
- Grevtseva, G.Y. (2017) Russia and China: cooperation in the education sphere. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education, Educational Sciences*, 9(2), 43—52. (In Russ.).
- Gusevskaya, N.U. Networked learning as a factor of cooperation among the SCO countries in the humanitarian sphere. In: *Scientific and educational and cultural cooperation of the SCO member countries. XII International Scientific and Practical Conference: a collection of articles*; 2014, 73—77. (In Russ.).
- Konarovsky, M.A. (2016) Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy. *International Organisations Research Journal*, 11(4), 149—161. (In Russ.).
- Kurylev, K.P. & Stanis, D.V. The process of the Eurasian integration: history, current issues and perspectives. *Modern science*, 2, 13—18. (In Russ.).
- Medianik, E.I. (2016) Joint Educational Projects as an Innovative Form of Cooperation between Russia and China in the XXI Century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (1), 54—64. (In Russ.).
- Medianik, E.I. (2017) Joint Universities as a Tool for Promoting the National Interests of Russia and China. *International Organisations Research Journal*, 12(1), 7—23. (In Russ.).
- Tsvyk, A.V. International legal aspects of the SCO. In: *Traditions and innovations in the system of modern Russian law. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*; 2013, 307—308. (In Russ.).
- Valeev, R.M. & Alikberova A.R. (2015) Russian-Chinese Relations in the Field of Culture (1990-s — 2000-s). *Journal of Sustainable Development*, 8(4), 135—147.
- Valeev, R.M. & Alikberova, A.R. (2016) Humanitarian communication in the system of Russian-Chinese relations: results of research work. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication — TOJDAC. Special Edition*. P. 2358—2363. DOI: 10.7456/1060NVSE/029.

Received: 1.03.2018

For citations: Tsvyk, G.I. (2018). Russian-Chinese humanitarian cooperation within the Shanghai Cooperation Organization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 415—428. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-415-428.

About the author: Tsvyk Galina Igorevna — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ganshina_gi@rudn.university).

© ЦВЫК Г.И., 2018

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-429-438

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
China's Initiatives: Responses to an Uncertain World.
Chief Editor Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017. 454 p.

Е.Н. Грачиков

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Болезненная трансформация всей глобальной политической системы, вызванная подъемом Китая [Zhao, Li 2008; Feng 2009; Yan 2014], мировым финансовым кризисом 2008/2009 гг., и связанная с этим неспособность США справиться с ним и удержать лидерство, привели, по мнению российских ученых, к гибридации мировой политики [Гибридизация... 2017], консолидации постсоветского пространства [Внешняя политика... 2017] и, как считают некоторые китайские коллеги, к новой биполярности в лице КНР и США [Shao 2017]. Китай воспринял этот этап развития международных отношений не только как вызов, но и как период стратегического развития и стратегического совершенствования [Men, Liu 2015: 74—76] и реальной возможности утвердиться в качестве нового мирового лидера и великой державы [Yan 2015].

В этих обстоятельствах у руководства КНР возникла острая потребность в ежегодных мониторингах мировой политики и действий собственной дипломатии, что привело к появлению в 2008 г. журнала «Обзор международной стратегии Китая» («中国国际战略评论») и в 2012 г. его англоязычной версии “China International Strategy Review”, издаваемых Институтом международной стратегии Пекинского университета. К подобной литературе ежегодного внешнеполитического анализа можно отнести также сборники статей: по проблемам национальной безопасности — Института стратегических исследований Университета национальной обороны НОАК [International... 2014], по вопросам концептуальных основ китайской дипломатии — Пресс-канцелярии Госсовета КНР [Interpretation... 2014], международной стратегии и безопасности — Китайской академии современных международных отношений [Guoji... 2012], региональной безопасности Китая — Китайской академии общественных наук [Zhongguo... 2015]. В известном смысле такой аналитический формат использован в недавно вышедшей монографии международного коллектива (36 авторов) «Вопросы Китая: критический взгляд на поднимающуюся державу» [The China Questions... 2018].

Рецензируемый в данной статье сборник статей *«Инициативы Китая: ответы на изменчивый мир»*, представляющий собой исследование результатов внешней политики КНР за 2016 г., появился на полках книжных магазинов Пекина, в частности «Синьхуа шудьянь» (新华书店) на ул. Ванфуцзинь, осенью 2017 г. Двадцать шесть известных ученых из ведущих китайских вузов и научных учреждений преследуют одну цель — дать анализ сегодняшнего состояния нестабильного мира и показать успехи дипломатии Си Цзиньпина по купированию негативных для Китая тенденций, являющихся результатом изменений международной системы, и рост влияния Китая в мировой политике. Книга издана Китайским институтом международных исследований (China Institute of International Studies — CIIS, образован в 1956 г.) — «мозговым центром» МИД КНР, и Китайским фондом международных исследований (China Foundation for International Studies — CFIS, создан в 1999 г.). Книга состоит из пяти разделов: новые изменения в международной обстановке, китайская дипломатия, страны и регионы, мировая экономика и инициатива «Один пояс, один путь».

Издание одновременно вышло также в китайском варианте (国际形势乱云飞渡 中国外交攻坚开拓/苏格主编。 — 北京：世界知识出版社，2017), название которого можно дословно перевести как «Черные тучи над международной обстановкой. Дипломатии Китая: бить [по укрепленным объектам] и прокладывать [новые пути]». Главный редактор книги — Су Гэ (苏格) — президент Института международных исследований¹.

ВАН И: НОВЫЕ ПУТИ И НОВЫЙ ПРОГРЕСС

Особый статус исследованию придает довольно пространная обзорная статья министра иностранных дел КНР Ван И (王毅), где он отметил восемь успехов китайской дипломатии за 2016 год, которые уже сами по себе красноречиво говорят об иерархии национальных интересов КНР и приоритетах китайской внешней политики не только в этом году, но и на более отдаленную перспективу. *Первое, Китай продемонстрировал «острое чувство ответственности» по форматированию реформы глобальной системы управления*. Только за 2016 год Политбюро ЦК КПК провело две учебные сессии по глобальному управлению, на которых подчеркивалось, что Китай должен «воспользоваться возможностью помочь сформировать более законный и справедливый международный порядок» (р. 20).

¹ Су Гэ окончил Сианьский институт иностранных языков, получил степень магистра (Brigham Young University-Idaho) и доктора наук по международным отношениям и региональным исследованиям (Harvard University) в США. Работал в Китайском университете международных отношений и Университете Цинхуа. С 2000 г. — профессор и заместитель директора Института международных исследований. Затем продолжительное время работал в МИД КНР (советник Посольства КНР в США, 2003—2006, посол КНР в Суринаме, 2006—2009, и Ирландии, 2009—2013), с 2015 — президент Института, автор монографии «Изменения мирового порядка и дипломатия великой державы с китайскими чертами» [Su Ge 2016].

Как вклад Китая в глобальное управление Ван И перечислил следующие мероприятия: проведение Саммита «группы двадцати» в Ханчжоу, где было рекордное представительство развивающихся стран; участие председателя КНР Си Цзиньпина в экономическом форуме АПЕК в Лиме, на котором он призвал реализовать идею об Азиатско-Тихоокеанской свободной торговой зоне (Free Trade Area of Asia-Pacific — ФТААР); активное участие в подготовке и подписании Парижских соглашений по предотвращению климатических изменений, а также представление на сессии Генассамблеи ООН государственной программы Китая по устойчивому развитию (2030 Agenda for Sustainable Development), с которой выступил Председатель Госсовета КНР Ли Кэцян.

Второе, Китай использовал возможность сохранить стабильность и развивать сотрудничество с соседними странами. Выделяется, без всяких сомнений, изменение в лучшую сторону отношений с Филиппинами и возвращение в связи с этим в «правильное» русло диалога по вопросу Южно-Китайского моря и «разблокирование» переговорного процесса по дальнейшему углублению сотрудничества КНР с АСЕАН. Отмечается увеличение обменов со «старым другом» Камбоджей, который сам выбрал Китай своим стратегическим партнером. Обращается внимание на первый за 30 лет визит председателя КНР Си Цзиньпина в Бангладеш. Особо подчеркивается устранение препятствий в совместных проектах КНР с Мьянмой во время первого визита нового премьер-министра страны в Китай. Шанхайская организация сотрудничества, отношения КНР — АСЕАН, КНР — Япония — Республика Корея и «шестисторонние переговоры» упоминаются как «различные механизмы» во взаимоотношениях КНР с приграничными странами. Китай активно участвует в процессе примирения в Афганистане (*Istanbul Process*) в «квартетном механизме» с участием КНР, США, Пакистана и Афганистана. Как видим, Россия и страны Центральной Азии, граничащие с Афганистаном, вынесены за скобки этого переговорного процесса.

Третье, Китай предпринял большие усилия для сохранения стабильности во взаимоотношениях с главными державами (major countries 大国). Как обычно, подобный раздел начинается с китайско-американских отношений. Отмечается, что обе стороны во взаимном сотрудничестве добились 35 результатов (не уточняется, правда, в каких областях) и выражается надежда, что с приходом в Белый дом Трампа двусторонние отношения будут и дальше развиваться. На втором месте, уже привычно, идут отношения Китая с Россией. Отмечено, что в год 15-летия договора о добрососедстве и дружеском сотрудничестве между КНР и РФ президенты двух стран пять раз встречались в 2016 г. и подписали совместное коммюнике об усилении глобальной стратегической стабильности и сохранении тесной координации по главным международным и региональным проблемам. В этом же разделе Ван И отметил, что Си Цзиньпин дважды побывал в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), а премьер Ли Кэцян принял участие в Рижском саммите «Китай и страны ЦВЕ» (Riga summit of China and Central and Eastern European Countries — СЕЕС). КНР также провел у себя 18-й саммит «КНР—ЕС».

Четвертое, Китай прилагал усилия по расширению круга своих друзей среди развивающихся стран. Центральная конференция по работе, связанной с внешними отношениями, проведенная в Пекине, предложила создать сеть партнерских отношений по всему миру [Men, Liu 2015: 65—95; Sun, Ding 2017: 54—76]. В 2016 г. к 80 странам, с которыми КНР имел партнерские отношения, добавились еще 7, а с 11 — были подписаны соглашения об углублении таких отношений. Получили развитие связи КНР с Африкой. В 2016 г. лидеры 20 стран черного континента побывали с визитами в Пекине. Отмечался также успех Йоханнесбургского саммита «Китайско-африканского форума по сотрудничеству» (Forum on China-Africa Cooperation) и полное завершение 10 совместных программ.

Пятое, Китай сделал прорыв в реализации инициативы «Один пояс, один путь» с помощью «усиления дополнителности». КНР подписал соглашения с 40 странами по реализации этого проекта, а более 100 стран официально заявили свою поддержку китайской инициативе. Здесь же Ван И говорит о прорыве в развитии многостороннего экономического коридора в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в связи с подписанием соответствующего соглашения между КНР, МНР и РФ. Как «стабильный прогресс» он отметил усилия по «синергетизации» (synergizing) инициативы с ЕАЭС, хотя, как известно, особых успехов между КНР и ЕАЭС достигнуто не было. Ван И назвал конкретные проекты «Шелкового пути», которые сейчас уже находятся в стадии реализации или подготовки: а) железные дороги: высокоскоростная Джакарта—Бандунг, КНР—Лаос, КНР—Таиланд, которые рассматриваются как части паназиатской сети (Pan-Asian Railway Network), Белград—Будапешт, Аддис-Абеба—Джибути; б) строительство глубоководных портов: Кьякпю (Куаукруу) — в Мьянме, Гвадар — в Пакистане, Коломбо — в Шри-Ланке, Пирей — в Греции.

Шестое, суверенные права и интересы в Южно-Китайском море. Позиция КНР по морским правам и интересам поддержана «120 странами и 240 политическими партиями». КНР предложила странам АСЕАН «двухдорожечный» подход (“dual-track” approach) с фокусом на диалог, сотрудничество и соблюдение региональных норм, зафиксированных между КНР и АСЕАН. В этом же разделе Ван И счел нужным подчеркнуть, что КНР не приемлет попыток создать «два Китая», «один Китай, один Тайвань», выступает против вмешательства в дела Гонконга и Макао, а также Тибета и Синьцзяна.

Седьмое, новые шаги были предприняты для внутреннего развития, реформ и открытости. Создана платформа для продвижения на глобальный уровень китайских провинций, автономных районов и городов. Центральные и западные районы КНР смогли, не выезжая за рубеж, установить контакты с иностранными партнерами. Сотрудничество с компетентными внутренними органами по борьбе с коррупцией позволило в 2016 г. вернуть из других стран в КНР «законным путем» 19 из 100 особо разыскиваемых китайских преступников. Расширяется «народный обмен». Сорок стран упростили процедуру получения въездных виз для граждан КНР, а 57 стран и регионов — ввели «упрощенную визу» или возможность оформить визу в аэропорту по прилету. В плане обеспечения безопасности граждан КНР в экстренных ситуациях за рубежом, например из Южного

Судана, были в короткие сроки эвакуированы более 1000 человек, а дипломатические представительства КНР оказали за рубежом консульскую защиту 12 308 китайским гражданам.

Восьмое, инициативные усилия предпринимались по улучшению «системы дипломатических теорий Китая» (system of China's diplomatic theories). Ван И, в первую очередь, отметил, что на Саммите G20 в Ханчжоу Си Цзиньпин постоянно обращался к «концепции глобального экономического управления», в основе которой лежит равенство, открытость, сотрудничество, а целью является общая выгода. Председатель КНР Си Цзиньпин предложил улучшать глобальное управление в четырех главных сферах — финансах, торговле и инвестициях, энергетике и развитии, а «китайскую дорожную карту» взять в качестве основы реформы «системы глобального экономического управления». Основываясь на китайской традиционной культуре, Си Цзиньпин изложил свой взгляд на честное, открытое, комплексное, инновационное развитие; концепцию общей, комплексной, кооперативной и устойчивой безопасности; взгляд на сотрудничество с углублением взаимодействия Азия—Африка, расширения сотрудничества Юг—Юг и продвижения в качестве ключевого элемента сотрудничество Юг—Север; концепцию глобального управления, основанного на широких консультациях, совместного вклада и общих выгод; идею международного порядка с сотрудничеством без проигравших и с правильным подходом к отстаиванию справедливости в продвижении своих интересов. Все это, по мнению Ван И, обогатило и усовершенствовало «систему теорий дипломатии великих (главных) держав с китайской спецификой» (“the system of theories of major-country diplomacy with Chinese characteristics”).

НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ

Раздел начинается статьей Ян Чэнсюя², где он утверждает, что характерной чертой международных отношений является игра великих держав на евразийском пространстве, а политическая ситуация в Азии, Африке и Латинской Америке остается стабильной. В то же время как в США, так и в Европе наблюдается рост популизма и настроений против местного истеблишмента и правящих элит. *Первоочередное* внимание Ян обращает на интенсификацию игры великих держав в Сирии, которая стала полем соперничества между США и Россией, силами шиитов и суннитов, таких региональных держав, как Саудовская Аравия, Иран и Турция. На *второе* место в мировых делах Ян ставит ситуацию на Украине. Приводит данные Верховного комиссара ООН по правам человека, что за все время конфликта на Украине погибло 7 тыс. человек и ранено более 20 тыс. В связи с тем что конфликт не был разрешен, НАТО приняло решение усилить свою группировку в Восточной Европе: 4 тыс. солдат было размещено в Польше и трех балтийских республиках и в постоянной готовности в качестве войск быстрого реагирования готовы еще 40 тыс. Ян также особо отмечает, что главные

² Ян Чэнсюй — главный научный сотрудник Китайского фонда международных исследований.

европейские страны испытывают проблемы с США, связанные с желанием США использовать украинский конфликт для сдерживания России. Только на *третье* место по важности Ян Чэнсюй ставит ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и политику администрации США по сдерживанию Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ). Впервые в истории в феврале 2016 г. США пригласили лидеров стран АСЕАН на неформальную встречу в Калифорнию, которую рассматривают как стратегическую точку отсчета своего возвращения в АТР. США стали проводить военные маневры в ЮКМ совместно с Японией, Филиппинами и другими странами. Еще до вынесения арбитражного суда в Гааге США направляют группу кораблей во главе с ядерным авианосцем «Рональд Рейган» для патрулирования ЮКМ. Ситуация резко изменилась лишь с избранием президентом Филиппин Родриго Дутерте и установлением добрососедских отношений с Китаем во время его официального визита в Пекин. Ян делает вывод, что игра между КНР, США и Японией в Азии вышла за пределы ЮКМ. На *последнее* место Ян ставит изменения в относительной силе (relative power) стран. Он считает, что существующие трудности во взаимоотношениях между США и Европой до некоторой степени отражают существенные изменения в относительной силе между утвердившимися странами (established countries) и поднимающимися (rising ones). На развивающиеся страны приходится сейчас больше 50% мирового ВВП и две трети всего населения Земли, в то время как население США составляет только 5%, а население Европы — 7% населения Земли. В целом, констатирует Ян Чэнсюй, Азия, Африка и Латинская Америка остаются относительно стабильными с политической и экономической точек зрения.

ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ

Свою большую статью о современной дипломатии Китая главный редактор рецензируемой книги Су Гэ начинает с претенциозного подзаголовка — «Историческая ответственность соединения прошлого с будущим» и утверждения, что дипломатические идеи Мао Цзэдуна (Mao Zedong's diplomatic thought) заложили основы новой дипломатии Китая. Среди основных идей Мао в этой области называются «независимость и опора на собственные силы» (independence and self-reliance), «придерживаться одной стороны» (leaning toward one side)³, «одна линия» (One Line)⁴ и «пять принципов мирного сосуществования», предложенные Чжоу Эньлаем «совместно» с представителями развивающихся стран.

Теория дипломатии Дэн Сяопина (Den Xiaoping's diplomatic theory) стала основой дипломатии Китая с началом проведения политики реформ и открытости в начале 80-х годов прошлого века. Дэн Сяопин предложил «независимую внешнюю политику мира», которая была направлена на сохранение мира, противодействие гегемонизму, содействие общему развитию и созданию длительной, мирной и стабильной международной и региональной обстановки для успешной

³ Политика КНР 50-х годов XX века на союз с СССР.

⁴ Фактический союз КНР с США в 70-е годы.

социалистической модернизации Китая. Главными составляющими этой теории стали идея о «трех представительствах», «научная концепция развития» и независимая внешняя политика вместе с дипломатической стратегией «вести себя скромно».

Дипломатические стратегические идеи Си Цзиньпина (Xi Jinping's diplomatic strategic thought) составляют основу дипломатии главной державы с китайской спецификой⁵. Китайская «новая жизнь древней страны» стоит перед лицом беспрецедентного развития: во-первых, Китай близок к центру мировой сцены (China is close to the center of the world stage); во-вторых, он близок к осуществлению цели великого национального возрождения (great national rejuvenation). Все эти рассуждения о дипломатии Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина (заметим, что дипломатии других китайских руководителей не упоминаются как не существенные в теоретическом плане) Су Гэ завершает выводом о том, что Китай сейчас находится в переходном периоде от региональной державы к глобальной, в ходе которого определение и масштабы национальных интересов страны изменились и расширились, а продолжающийся рост его комплексной национальной мощи и международного статуса превратили Китай в важную силу глобального ландшафта.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ван Ивэй, ведущий международник КНР, подводит итоги трехлетнего периода реализации самой крупномасштабной инициативы Китая, носящей явно геополитический характер и направленной на разблокирование деглобализации (в виде различных протекционистских мер и санкций), которая наблюдается в последнее время. Он, в частности, отмечает, что за это время китайские компании создали в 20 странах-участницах «пояса и пути» 56 зон торгового и экономического сотрудничества с накопленными инвестициями в 17,9 млрд дол. США, налоговыми отчислениями в размере 960 млн дол. США и 163 тыс. созданных рабочих мест (р. 369). В качестве уже реализованных проектов называет введенные в эксплуатацию два глубоководных порта в Кяокпю (с прилегающей промышленной зоной) в Мьянме и Гвадар — в Пакистане.

В отличие от провалившихся американских инициатив в виде Транстихоокеанского и трансатлантического партнерства Ван Ивэй говорит том, что «Пояс и путь» демонстрируют привлекательность китайской модели (Chinese model) и разочарование мирового сообщества Западной моделью (Western model), представленной в лице США. В качестве примера Ван берет одну из стран Центральной Азии. Для таких географически замкнутых и бедных стран, как Узбекистан, довольно сложно выйти на внешние рынки заимствования. Но после визита в эту

⁵ По-китайски 中国特色的大国外交 раньше переводилось как «дипломатия великой державы с китайской спецификой (или китайскими чертами)». Некоторые китайские авторы (и официальные издания) в собственных английских переводах используют английский термин “major-country diplomacy”, т.е. «дипломатия главных держав», уходя от термина «дипломатия великой державы» (“great country diplomacy”).

страну Си Цзиньпина Китайский банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций предоставили Узбекистану значительный заем на инфраструктурное строительство и развитие рыночной экономики. В этом, подчеркивает Ван, сила китайской модели, воплощенной в «поясе и пути».

Китайская внешняя политика безусловно демонстрирует успехи по многим направлениям, но нельзя не замечать и явные проблемы, в том числе связанные с продвижением инициативы «Один пояс, один путь». Несмотря на недавнее подписание соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и КНР, пока не удается достичь полного взаимопонимания по широкому кругу обсуждаемых вопросов сотрудничества. Проблемы, вызвавшие так и не начавшуюся торговую войну между США и КНР, вроде бы временно решены, но кардинальные разногласия между двумя странами сохраняются. Многие страны по-прежнему видят защиту своей экономики от наплыва китайских товаров в заградительных пошлинах. По-прежнему наблюдаются существенные различия в системе ценностей между коллективной Европой и Китаем. Все это свидетельствует, что препятствий на пути евразийского вектора китайской геополитики столько же, сколько и несомненных успехов в ее реализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Внешняя политика стран СНГ: учебное пособие для студентов вузов / ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М., 2017.
- Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / под ред. проф. П.А. Цыганкова. М., 2017.
- China's Initiatives: Responses to an Uncertain World / chief ed. Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017.
- Daguo jueqi guojia anquan zhanlue xuanze [The Rise of Great Powers and Their National Security Strategies] / ed. by Zhao Pi, Li Xiaodong. Beijing: Junshi kexue chubanshe, 2008. (На китайском языке).
- Guoji zhanlue yu anquan xinshi pinggu, 2011—2012 [Strategic and Security Review, 2011—2012]. Zhongguo xiandai guoji guanxi yanjiuyuan bian [Chinese Academy of Contemporary International Relations]. Beijing: Shishi chubanshe, 2012. (На китайском языке).
- International Strategic Situation and China's National Security (2013—2014). Institute for Strategic Studies. Beijing: PLA National Defence University Press, 2014.
- Interpretation on New Philosophy of Chinese Diplomacy. Compiled by State Council Information Office of the PRC. Beijing: China Intercontinental Press, 2014.
- Feng Yongping. Daguo jueqi kunjing de chaoyue: rentong jiangou yu bianqian [Beyond the Dilemma of Rising Powers: Identity Construction and Transformation]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2009. (На китайском языке).
- Men Honghua, Liu Xiaofeng. Zhongguo huoban guanxi zhanlue pinggu yu zhanwang [Partnership Strategy of China: Progress, Evaluation and Prospects] // Shijie jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]. 2015. № 2. С. 65—95. (На китайском языке).
- Shao Feng. 2030 nian de guoji shehui [2030 International Society. Working Paper No. 201714] // 2017年6月5日 Renmin luntan wang [People's Forum July 13, 2017]. (На китайском языке).
- Su Ge. Guoji zhixu yanbian yu Zhongguo tese daguo waijiao pingzhuang [Evolving international order and major-country diplomacy with Chinese characteristics]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 2016. (На китайском языке).

- Sun Xuefeng, Ding Lu.* Huobanguo leixing yu Zhongguo huoban guanxi shengji [Explaining the Upgrading of China's Partnership: Pivot Partners, Broker Partners and Beyond] // *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economics and Politics]. 2017. № 2. URL: <http://m.dunjiaodu.com/waijiao/919.html> (accessed: 12.09.2017). (На китайском языке).
- The China Questions: critical insights into a rising power / ed. by Jennifer Rudolph and Michael Szonyi. Cambridge: Harvard University Press, 2018.
- Yan Jiemian.* Daguoque jueqi de lilun zhunbei [Theoretical Exploration for the Ascendance of Great Powers]. Beijing: Shishi chubanshe, 2014. (На китайском языке).
- Yan Xuetong.* Shijie quanli de zhuanli: zhengzhi lingdao yu zhanlue jingzheng [Transfer of World Power: Political Leadership and Strategic Competition]. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2015. (На китайском языке).
- Zhongguo zhoubian anquan xingshi pinggu, 2015, "Yidai yilu" yu zhoubian zhanlue [China's Regional Security Environment Review: 2015. One Belt One Road Strategy and Frontier Strategy] / ed. by Zhang Jie. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2015. (На китайском языке).

Дата поступления статьи: 1.03.2018

Для цитирования: Грачиков Е.Н. Рецензия на книгу: China's Initiatives: Responses to an Uncertain World. Chief Editor Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017. 454 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 429—438. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-429-438.

Сведения об авторе: Грачиков Евгений Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: grachikov_en@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-429-438

REVIEW OF THE BOOK:

**China's Initiatives: Responses to an Uncertain World.
Chief Editor Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017. 454 p.**

E.N. Grachikov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

REFERENCES

- Degterev, D.A., Kurylev, K.P. (Eds.) (2017). *Foreign Policy of the Union of Independent States*. Moscow. (In Russ.).
- Feng, Yongping (2009). *Daguoque jueqi kunjing de chaoyue: rentong jiangou yu bianqian* [Beyond the Dilemma of Rising Powers: Identity Construction and Transformation]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe. (In Chinese).
- Guoji zhanlue yu anquan xinshi pinggu, 2011—2012* [Strategic and Security Review, 2011—2012]. Zhongguo xiandai guoji guanxi yanjiuyuan bian [Chinese Academy of Contemporary International Relations]. (2012). Beijing: Shishi chubanshe. (In Chinese).

- International Strategic Situation and China's National Security (2013—2014)*. (2014). Institute for Strategic Studies. Beijing: PLA National Defence University Press.
- Interpretation on New Philosophy of Chinese Diplomacy*. (2014). Compiled by State Council Information Office of the PRC. Beijing: China Intercontinental Press.
- Men, Honghua & Liu, Xiaofeng (2015). Zhongguo huoban guanxi zhanlue pinggu yu zhanwang [Partnership Strategy of China: Progress, Evaluation and Prospects]. *Shijie jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]*, 2, 65—95. (In Chinese).
- Rudolph, J. & Szonyi, M. (Eds.) (2018). *The China Questions: critical insights into a rising power*. Cambridge: Harvard University Press.
- Shao, Feng (2017). 2030 nian de guoji shehui [2030 International Society. Working Paper No. 201714]. In: 2017 年 6 月 5 日 Renmin luntan wang [People's Forum, July 13, 2017]. (In Chinese).
- Su, Ge (Ed.). (2017). *China's Initiatives: Responses to an Uncertain World*. Beijing: World Affairs Press.
- Su, Ge (2016). *Guoji zhixu yanbian yu Zhongguo tese daguo waijiao pingzhuang [Evolving international order and major-country diplomacy with Chinese characteristics]*. Beijing: Shijie zhishi chubanshe. (In Chinese).
- Sun, Xuefeng & Ding, Lu (2017). Huobanguo leixing yu Zhongguo huoban guanxi shengji [Explaining the Upgrading of China's Partnership: Pivot Partners, Broker Partners and Beyond]. *Shijie jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]*, 2. URL: <http://m.dunjiaodu.com/waijiao/919.html> (accessed: 12.09.2017). (In Chinese).
- Tsygankov, P.A. (Ed.) (2017). *Hybridization of World and Foreign Policy. Sociology of International Relations*. Moscow.
- Yan, Jiemian (2014). *Daguo jueqi de lilun zhunbei [Theoretical Exploration for the Ascendance of Great Powers]*. Beijing: Shishi chubanshe. (In Chinese).
- Yan, Xuetong (2015). *Shijie quanli de zhuanqi: zhengzhi lingdao yu zhanlue jingzheng [Transfer of World Power: Political Leadership and Strategic Competition]*. Beijing: Beijing daxue chubanshe. (In Chinese).
- Zhang, Jie (2015). *Zhongguo zhoubian anquan xingshi pinggu. 2015, "Yidai yilu" yu zhoubian zhanlue [China's Regional Security Environment Review: 2015. One Belt One Road Strategy and Frontier Strategy]*. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe. (In Chinese).
- Zhao, Pi & Li, Xiaodong (Eds.) (2008). *Daguo jueqi guojia anquan zhanlue xuanze [The Rise of Great Powers and Their National Security Strategies]*. Beijing: Junshi kexue chubanshe. (In Chinese).

Received: 1.03.2018

For citations: Grachikov, E.N. (2018). Review of the book: China's Initiatives: Responses to an Uncertain World. Chief Editor Su Ge. Beijing: World Affairs Press, 2017. 454 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 429—438. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-429-438.

About the author: *Grachikov Evgeny Nikolaevich* — PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: grachikov_en@rudn.university).

© Грачиков Е.Н., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-439-443

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ:

**Rashid A. The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?
2nd edition. NY: New York Review Books, 2017. 278 p. ;
Cooley A., Heathershaw J. Dictators Without Borders.
Power and Money in Central Asia. New Heaven,
L.: Yale University Press, 2017. 290 p.**

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Изучение истории, археологии, политики, экономики стран Центральной Азии в странах Запада ежегодно порождает значительный пласт исследовательской литературы. И в этом потоке рецензируемые публикации привлекают особое внимание, однако по совершенно разным причинам. Начнем с монографии Ахмеда Рашида “**The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?**”.

Монография А. Рашида, пакистанского журналиста, обозревателя издания *Far Eastern Economic Review*, автора еще одной известной монографии о Центральной Азии [Rashid 2009], является переизданием его исследования, впервые опубликованного в 1994 г. и получившего тогда довольно высокую оценку за исследование стран региона, анализ их основных этнических, политических и экономических характеристик, описание действующих политических сил. При этом автор объясняет все проблемы, с которыми столкнулись центральноазиатские республики после роспуска СССР, исключительно советским наследием. Именно духом антикоммунизма будет пропитана вся монография А. Рашида.

Вслед за «монгольскими ордами», российскими и британскими стратегами и представителями школы геополитики А. Рашид объясняет значимость Центральной Азии ее геостратегическим положением, независимостью от «морской силы». При этом он отмечает, что регион всегда был центром «политической гравитации, поскольку его окружает значительно больше стран и регионов, чем кого бы то ни было в мире, — Индия, Китай, Европа и Ближний Восток» [Rashid 2017: 20].

Начиная каждую главу, посвященную отдельно взятому государству Центральной Азии, автор обращается к его природно-климатическим и географическим особенностям, первым упоминаниям в исторических источниках и литературных произведениях, говорит об этносах, населяющих рассматриваемую страну. Автор делает экскурс в историю региона, проводя читателя через все этапы завоеваний и освоения центральноазиатских территорий, самым подробным образом останавливаясь на политике России по освоению данных пространств, роли «двух революций» — 1917 и 1991 гг. — в судьбе региона. Так, по мнению автора, ком-

мунизм, насаждаемый советским правительством, «привел к эрозии персидского языка и культуры в Центральной Азии» [Rashid 2017: 13].

А. Рашид уделяет значительное внимание роли ислама в формировании этничности народов Центральной Азии и в целом «исламскому фактору» во внутренней и внешней политике государств региона. Особо отмечается роль суфийских тарикатов в Центральной Азии. При этом, однако, автор не объясняет, как ислам пришел в Центральную Азию и стал там господствующей религией.

Автор справедливо отмечает, что «ислам, трайбализм, национализм и социализм жестоко конкурировали за идеологическое доминирование среди местных элит и народных масс» [Rashid 2017: 25]. И в этой конкурентной борьбе, по мнению А. Рашида, сначала победил социализм, что привело к «насильственной русификации региона и антиисламским реформам». Более того, разделение Туркменской ССР на пять республик негативно отразилось на регионе: новые границы разделили ранее единые народы — кочевые племена киргизов и казахов — на отдельные этнические группы [Rashid 2017: 32], а в дальнейшем, уже в пост-биполярный период, привели к водным и пограничным конфликтам и проблеме эрозии плодородных земель [Rashid 2017: 60].

После роспуска Советского Союза многие международные акторы обратили внимание на Центральную Азию, однако руководствовались они при этом разными причинами. Что касается Китая, то он, по мнению автора, опасался распространения исламского фундаментализма, поэтому стремился продемонстрировать повышенный интерес к экономическому развитию Центральной Азии и Синьцзяна. Иран помогал новым независимым государствам посредством продажи им нефти по более низким ценам, а Турция оказала помощь в реконструкции «умирающей инфраструктуры» центральноазиатских республик [Rashid 2017: 74].

В свою очередь, «Вашингтон был особенно заинтересован в том, чтобы Турция играла ведущую роль в противодействии распространению иранского влияния в регионе» [Rashid 2017: 210]. Центральноазиатские страны также «хотели использовать турецкую карту, чтобы показать Москве, что у них есть могущественный иностранный покровитель» [Rashid 2017: 210].

Еще один влиятельный региональный актор — Индия — не включилась в борьбу за Центральную Азию, «поскольку опасалась негативной реакции России» [Rashid 2017: 220]. Напротив, Саудовская Аравия «предпочла действовать через исламские группы, мечети и медресе» [Rashid 2017: 220—221].

А. Рашид, ставя в заглавии книги вопрос о том, какое будущее ждет страны Центральной Азии — националистское или исламистское, — не дает на данный вопрос ясного ответа. Автор отмечает, что «национализму тяжело пустить корни» в данном регионе, поскольку центральноазиатская «модель» национализма есть «помесь модернизма и реакции, демократических устремлений и тоталитаризма, государственного контроля над промышленностью и вялой приватизации» [Rashid 2017: 242]. Что касается исламизма, автор выделяет ряд препятствий для его укоренения в регионе: во-первых, это суфизм, который выступает примирительным фактором, «толерантным выражением» ислама, «соединяющим в единое целое представителей всех религий в Центральной Азии». Во-вторых, препятствием для распространения исламистской идеологии служит приверженность большин-

ства жителей региона ханафитскому мазхабу (религиозно-правовой школе мусульманского права — фикха), самому «мягкому» и умеренному из всех правовых школ. В-третьих, создание партий на религиозной (исламистской) основе видится автору практически неосуществимым, поскольку для этого потребовалось бы преодолеть этническую разобщенность и межклановое соперничество, что фактически не представляется возможным [Rashid 2017: 246].

Монография А. Кули и Дж. Хизершоу **“Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia”** представляет собой абсолютно иной тип исследования, который можно было бы назвать «научным расследованием». Стимулом к написанию данной книги для авторов стало обнародование в апреле 2016 г. так называемых Панамских документов, содержащих сведения об уклонении от уплаты налогов и финансовых махинациях известных олигархов, политиков и звезд шоу-бизнеса.

На волне интереса к теме незаконных финансовых операций авторы решили изучить обвинения в подобных преступлениях, выдвигаемые против центральноазиатских политиков, и найти доказательства либо опровержения фактов коррупции, расхищения государственной казны, взяточничества в странах Центральной Азии. И действительно, авторы основательно подошли к обоснованию своей позиции и опирались в ходе исследования на солидную базу источников (в частности, на доклады и статистические отчеты различных неправительственных организаций — Freedom House, Transparency International и Global Witness) и научной литературы.

Рецензируемая работа вызвала серьезный общественный резонанс и удостоилась небольшой рецензии в журнале *Foreign Affairs*, где говорилось о лабиринте «непрозрачных средств для сокрытия активов за рубежом и способов, которыми коррумпированные элиты используют свое богатство не только для личных целей, но и для усиления политической власти» [Legvold 2017]. Такая точка зрения совпадает с позицией авторов, которые отмечают: «Четыре из пяти центральноазиатских государств являются диктатурами, где президенты-автократы правят железной рукой дома и за рубежом» [Cooley, Heathershaw 2017: 23]. При этом А. Кули и Дж. Хизершоу не снимают ответственность и со стран Запада, точнее, западных банков и компаний, которые содействуют «диктаторам без границ» в отмывании денег и других незаконных действиях. Авторы отмечают, что именно забота Запада о неприкосновенности личности, о сохранении анонимности клиентов банков позволяет центральноазиатским политикам злоупотреблять своей властью и выводить казенные деньги за рубеж [Cooley, Heathershaw 2017: 220].

Разумеется, как и в любом исследовании западных авторов, посвященном постсоветскому пространству, и в монографии **“Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia”** не обошлось без русофобских тезисов и заявлений. Так, в заключении авторы говорят о том, что в последние несколько лет, с событий «арабской весны» и украинских событий 2014 г. (так называемого Евромайдана), авторитарные правители центральноазиатских республик все больше стали опасаться «силы уличных протестов» и социальных сетей, а также «возможности, что Россия найдет повод для вмешательства во внутренние дела [стран региона. — О. Ч.], возможно даже прибегнув к использованию силы, базирующейся на загра-

ничных военных и оборонительных базах в Казахстане, Киргизии и Таджикистане» [Cooley, Heathershaw 2017: 221]. При этом мотивов Москвы применять силу против соседних государств авторы не разъясняют, оставляя данное заявление голословным вопреки заявленному в начале книги стремлению документально подтвердить любую свою гипотезу.

А. Кули и Дж. Хизершоу также дают ряд практических рекомендаций по борьбе с незаконной деятельностью «диктаторов без границ». Первая рекомендация включает в себя инструкции по «обучению местного населения противодействовать незаконным акциям» с помощью обращений в правозащитные организации и к активистам «как в регионе, так и по всему миру». Вторая рекомендация — «заставлять университеты и аналитические центры открыто сообщать о международных источниках финансирования их исследований». Третий пункт состоит в необходимости «поддержки создания реестров прав собственности по всему миру», которые были бы открыты для общественности и прозрачны для контролирующих органов. В продолжение идеи авторы выступают за «увеличение прозрачности западных рынков роскошной недвижимости» и «совершенствование антикоррупционного законодательства» [Cooley, Heathershaw 2017: 222—229].

Интерес также представляют материалы, размещенные в приложении к монографии А. Кули и Дж. Хизершоу. Там представлен список зарубежной недвижимости, принадлежащей представителям центральноазиатских правящих элит [Cooley, Heathershaw 2017: 232—233], а также списки высланных из Узбекистана и Таджикистана граждан, обвиненных в религиозном экстремизме и других политических преступлениях [Cooley, Heathershaw 2017: 235—241].

Таким образом, исследование А. Кули и Дж. Хизершоу проливает свет на роль международных финансовых центров, таких как Лондон и Нью-Йорк, в деле укоренения коррупции в странах Центральной Азии и демонстрирует пороки современной мировой финансовой системы.

Что касается и первого, и второго рецензируемых исследований, то, несмотря на их очевидную идеологизированность, они содержат много полезных сведений и научно верифицируемых данных, которые могут стать хорошим подспорьем для дальнейшего изучения реалий политической и социально-экономической жизни государств Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Cooley A., Heathershaw J. *Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia*. New Heaven, L.: Yale University Press, 2017.
- Legvold R. *Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia* by Alexander Cooley and John Heathershaw. Capsule review // *Foreign Affairs*. Vol. 93, No 3. May/ June 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2017-04-14/dictators-without-borders-power-and-money-central-asia> (accessed: 23.01.2018).
- Rashid A. *Descent into Chaos: The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia*. NY: Penguin, 2009.
- Rashid A. *The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?* 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017.

Дата поступления статьи: 1.03.2018

Для цитирования: *Чикризова О.С.* Рецензия на книги: Rashid A. *The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?* 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017. 278 p.; Cooley A., Heathershaw J. *Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia.* New Heaven, L.: Yale University Press, 2017. 290 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 439—443. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-439-443.

Сведения об авторе: *Чикризова Ольга Сергеевна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova_os@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-439-443

REVIEW OF THE BOOKS:

**Rashid A. *The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?* 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017;
Cooley A., Heathershaw J. *Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia.* New Heaven, L.: Yale University Press, 2017.**

O.S. Chikrizova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

REFERENCES

- Cooley, A. & Heathershaw, J. (2017). *Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia.* New Heaven, London: Yale University Press.
- Legvold, R. (2017). Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia by Alexander Cooley and John Heathershaw. Capsule review. *Foreign Affairs*, 93 (3). URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2017-04-14/dictators-without-borders-power-and-money-central-asia> (accessed: 23.01.2018).
- Rashid, A. (2009). *Descent into Chaos: The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia.* New York: Penguin.
- Rashid, A. (2017). *The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?* 2nd edition. New York: New York Review Books.

Received: 1.03.2018

For citations: Chikrizova, O.S. (2018). Review of the books: Rashid A. *The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism?* 2nd edition. NY: New York Review Books, 2017; Cooley A., Heathershaw J. *Dictators Without Borders. Power and Money in Central Asia.* New Heaven, L.: Yale University Press, 2017. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 439—443. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-439-443.

About the author: *Chikrizova Olga Sergeevna* — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: chikrizova_os@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-444-448

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Тихомиров А.В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.). Минск: БГУ, 2017. 208 с.

К.П. Курылев, Н.Г. Смолик, В.В. Баум

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Монография посвящена актуальной и многогранной проблеме — выработке и трансформации внешней политики Беларуси в условиях становления белорусской (постсоветской) государственности, которое происходило в ситуации масштабных геополитических изменений: окончания холодной войны, последовавшего за этим кризиса Ялтинско-Потсдамской модели международных отношений и продолжающихся до сегодняшнего дня попыток выстроить новую глобальную конфигурацию, адекватную многочисленным вызовам XXI века.

Ее автор Александр Валентинович Тихомиров — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета. На сегодняшний день он ведущий специалист в области истории современных международных отношений, внешней политики и дипломатии Республики Беларусь. Перу А.В. Тихомирова принадлежит более 40 работ, среди которых научные монографии, учебники и статьи в белорусских и зарубежных рецензируемых журналах. К наиболее крупным его трудам относится, например, четырехтомный учебник «История международных отношений» [Тихомиров 2017], а также учебное пособие «Беларусь в международных отношениях 1772—2002 гг.» [Тихомиров 2003], «Внешняя политика Беларуси: сборник документов и материалов» [Ціхаміраў 2008]. Также А.В. Тихомиров выступил в качестве одного из соавторов с белорусской стороны при подготовке фундаментального учебника «Внешняя политика стран СНГ» [Внешняя политика... 2017], представляющего собой уникальное учебно-научное издание как с точки зрения авторского коллектива, так и в содержательном плане.

Характеризуя монографию А.В. Тихомирова «Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.)», отметим, что несомненным достоинством рецензируемой работы является то, что автор использует обширный фактический материал: программные и официальные политические заявления, материалы статистики, международные договоры, иные нормативные документы, в которых определены приоритеты внешней политики Республики Беларусь. Такой подход позволяет не только детально оценить причины, внутреннюю логику и основополагающие векторы трансформации внешнеполитического курса Белорусского государства

за прошедшие 25 лет независимости, но и увидеть перспективы дальнейшей эволюции внешнеполитической линии, проводимой официальным Минском на международной арене.

Важно отметить, что одной из сильных сторон монографии является обширная и проработанная методология исследования, основанная на сочетании общенаучных принципов и конкретно-исторических методов (историко-генетического, сравнительного анализа, историко-типологического метода, инструменталистского подхода и т.д.) [Тихомиров 2017: 7—15]. Указанный методологический синтез помогает подробно рассмотреть проблему внешней политики Беларуси в ее историко-динамическом измерении, с учетом изменения национальных приоритетов и новых стратегических — геополитических и геоэкономических — вызовов, возникших перед белорусской государственностью в 1990-х — середине 2010-х гг.

Заслуживает внимания тот факт, что автор уделяет серьезное внимание процессам становления внешнеполитического курса Беларуси в 1990—1991 гг., в условиях всеобъемлющего кризиса и начала распада политической системы СССР, показывает сложность и внутренние противоречия первых самостоятельных внешнеполитических шагов белорусского руководства (в условиях, когда союзная власть уже не могла реализовывать целостную и монолитную внешнеполитическую стратегию, но Беларусь формально оставалась в составе СССР).

Во второй главе монографии проведен комплексный анализ институциональной организации внешней политики Республики Беларусь в 1990-е гг., конкретных механизмов межведомственного взаимодействия в процессе выработки национальной внешнеполитической стратегии [Тихомиров 2017: 20—23]. Автор достаточно подробно отражает значимые институциональные изменения, связанные с реализацией внешней политики, которые были обусловлены переходом от парламентской (советской) к президентской форме правления и последующими за этим структурными преобразованиями 1994—1996 гг. Представляется что подобное ретроспективное исследование важно не только с точки зрения исторической науки и смежных направлений социогуманитарного знания (политической науки, социологии, теории управления и т.д.), но и с практической точки зрения — в контексте дальнейшей адаптации белорусской системы управления внешней политикой к новым реалиям XXI столетия.

В работе также рассматриваются основные этапы, проблемы и противоречия становления белорусской дипломатии в 1990—2000-е гг. При этом особый акцент делается на сложностях первого этапа (1991—1994 гг.), таких как отсутствие национальной концепции внешней политики, избыточное влияние «субъективного фактора» на деятельность МИД, недостаточный уровень координации на политическом уровне (уровне принятия ключевых внешнеполитических решений); нехватка квалифицированных кадров. Отмечается, что частичное преодоление указанных проблем стало возможным не только в силу кардинальных внутривнутриполитических изменений в республике (имевших место в 1994—2000 гг.), но и посредством системной административно-управленческой работы самих структур МИД, через развитие связей с зарубежными странами, участие страны в международных экономических и гуманитарных проектах, структурную оптимизацию и рост кадрового потенциала белорусской дипломатии [Тихомиров 2017: 23—30].

Автор уделяет особое внимание процессу выработки и последующей трансформации приоритетных направлений внешней политики республики Беларусь [Тихомиров 2017: 31—45]. Подчеркивается, что 1990-е гг. стали во многом периодом своеобразного «поиска» места суверенной Беларуси в системе международных отношений, в том числе и в рамках новой геополитической и геоэкономической конфигурации, возникшей на постсоветском пространстве. При этом отмечается важная закономерность: различные политические силы, имея порой диаметрально противоположные представления о национальных интересах страны и путях дальнейшего развития государства, высказывались (за редким исключением) за сотрудничество с Россией в социально-экономической, политической и культурной сферах. Разночтения состояли только в уровне этого сотрудничества, степени политического сближения двух государств, к которому призывали разные политические лидеры (экономическая «конфедерация», о которой говорил В. Кебич, единое союзное государство А. Лукашенко).

Отмечается, что с начала 2000-х гг., в условиях резкого ухудшения отношений со странами Запада, белорусская внешняя политика была частично переориентирована на другие макрорегионы мира (поиск путей эффективного и взаимовыгодного сотрудничества с такими государствами, как КНР, Индия, Венесуэла, Иран, Ливия, Вьетнам, ЮАР и т.д.). Однако новый подход в определении стратегических приоритетов Беларуси на международной арене не означал отказа белорусского руководства от особых отношений с Россией, равно как и не исключал регулярно предпринимаемых в 2000-е — начале 2010-х гг. попыток наладить конструктивные отношения с рядом европейских стран по отдельным направлениям международного сотрудничества (главным образом, в гуманитарной и культурной сферах) [Тихомиров 2017: 58—62].

Раскрывая суть метафоры «интеграции интеграций», автор удачно отражает эволюцию внешнеполитической линии белорусского руководства на рубеже 2000—2010-х гг., в условиях наметившегося кризиса проекта союзного государства, нарастания социально-экономических (и отчасти политических) противоречий Белоруссии с Россией. При этом следует заметить, что не до конца понятны (поскольку, очевидно, не сформированы) механизмы практической реализации «многовекторной» стратегии, которая на сегодняшний день сводится к попыткам диверсифицировать внешнеполитические связи страны, прежде всего, за счет расширения контактов с государствами Запада [Тихомиров 2017: 39—40].

Существенный аспект представленного исследования связан с международными акцентами обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе, в условиях глобальной нестабильности всплеска макрорегиональных военно-политических конфликтов (прежде всего на Донбассе, на Ближнем Востоке) роста угрозы со стороны международного терроризма. Рассматривается широкий спектр мероприятий, призванных обеспечить национальную безопасность Беларуси [Тихомиров 2017: 85—100].

Автор также отдельно анализирует участие Беларуси в деятельности ключевых международных организаций (ООН, ОБСЕ и др.). Отдельная глава посвящена внешнеполитической стратегии белорусского руководства на постсоветском про-

странстве, с учетом кризисных тенденций развития как СНГ в целом, так и сложных, конфликтных отношений между отдельными государствами — участниками этой организации.

Показательно, что автор уделяет внимание и проблеме межгосударственных отношений Республики Беларусь с ее геополитическими соседями и ключевыми политико-экономическими партнерами (Россия, Казахстан, Украина). Такой анализ крайне важен в современных условиях, когда политическое руководство Беларуси пытается выработать новую (или, по крайней мере, радикально модернизировать уже существующую) внешнеполитическую линию, направленную на развитие «многовекторного» сотрудничества, поиск приемлемого для страны, отвечающего ее национальным интересам геополитического баланса между Востоком (Россией, ЕАС) и Западом (США, НАТО, ЕС) [Тихомиров 2017: 110—148].

Однако рассматриваемая монография, при всей ее актуальности и несомненной научной ценности, содержит и ряд дискуссионных моментов. Во-первых, очевидно, что отождествление истории де-факто племенных образований, существовавших на территории современной Беларуси в IX—XVI вв. (Турово-Пинское княжество, Полоцкое княжество, которые автор именуется «государственными образованиями») [Тихомиров 2017: 3]; период, когда белорусские земли были частью ВКЛ), с белорусской государственностью представляется весьма спорным. По нашему мнению, речь может идти о «протогосударственных» территориально-политических структурах, о поэтапном, крайне противоречивом, протекающем под воздействием неблагоприятных внешних факторов вызревании белорусской государственности (логической вехой которого явился суверенитет Республики, обретенный в 1991 г.).

Во-вторых, очевидно, что дальнейшего глубокого осмысления заслуживают содержательные компоненты «доктрины Макея» — все более очевидные издержки и риски перехода Беларуси к политике «многовекторности» (с 2010 г.). Данная тема рельефно освещена в монографии, но, учитывая, что процесс трансформации внешнеполитического курса Беларуси далеко не завершен (а, скорее, находится в стадии интенсификации), представляется, что указанная проблематика будет обсуждаться научным сообществом и в дальнейшем, с различных теоретических позиций и точек зрения.

Можно отметить, что монография А.В. Тихомирова «Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.)» представляет собой фундаментальный научный труд, в котором проведен комплексный историко-политический анализ становления и трансформации внешнеполитической линии Белорусского государства на международной арене с учетом осмысления специфики развития международных отношений на рубеже XX—XXI столетий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Внешняя политика стран СНГ: учеб. пособие для студентов вузов / ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.
- Тихомиров А.В. Беларусь в международных отношениях 1772—2002 гг.: учебно-метод. комплекс. Минск: Веды, 2003.

Тихомиров А.В. История международных отношений. Т. 4. Ч. 3. Минск: БГУ, 2017.
Ціхаміраў А.В. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дакументаў і матэрыялаў. Т. 8 (1996—2000 гг.).
Мінск: выд. цэнтр БДУ, 2008.

Дата поступления статьи: 01.03.2018

Для цитирования: Курьлев К.П., Смолик Н.Г., Баум В.В. Рецензия на книгу: Тихомиров А.В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.). Минск: БГУ, 2017. 208 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 444—448. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-444-448.

Сведения об авторах: Курьлев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

Смолик Надежда Григорьевна — старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: smolik_ng@rudn.university).

Баум Валентина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: baum_vv@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-444-448

REVIEW OF THE BOOK:

Tikhomirov A.V. (2017). Foreign Policy of the Republic of Belarus (1991—2015). Minsk: BSU.

K.P. Kurylev, N.G. Smolik, V.V. Baum

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

REFERENCES

- Tikhomirov, A.V. (2003). *Belarus in international relations 1772—2002: teaching method. complex*. Minsk: The Vedas. (In Russ.).
- Tikhomirov, A.V. (2008). *The foreign policy of Belarus: Collection of documents and materials. Vol. 8 (1996—2000)*. Minsk: BSU Center.
- Tikhomirov, A.V. (2017). *History of international relations. Vol. 4. Part 3*. Minsk: BSU. (In Russ.).
- Degterev, D.A. & Kurylev, K.P. (Eds.) (2017). *Foreign policy of the CIS countries*. Moscow: Aspect Press.

Received: 01.03.2018

For citations: Kurylev, K.P., Smolik, N.G. & Baum, V.V. (2018). Review of the book: Tikhomirov A.V. (2017). Foreign Policy of the Republic of Belarus (1991—2015). Minsk: BSU. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 444—448. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-444-448.

About the authors: Kurylev Konstantin Petrovich — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

Smolik Nadezhda Grigorievna — Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: smolik_ng@rudn.university).

Baum Valentina Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: baum_vv@rudn.university).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН СНГ: ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РУДН

В 2017 г. в Издательстве «Аспект-Пресс»

вышло учебное пособие:

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН СНГ

Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев

Слово к читателям — Председатель Исполнительного комитета

Исполнительный секретарь СНГ С. Лебедев

Авторский коллектив: 67 человек из 23 вузов 9 стран СНГ.

Главы по 9 странам — членам СНГ написаны исключительно исследователями из этих стран

На Экспертном портале РУДН по международным отношениям (<http://ir.rudn.ru/>) размещена База данных «Внешняя политика стран СНГ»

IR.RUDN.RU

ЭКСПЕРТНЫЙ ПОРТАЛ РУДН

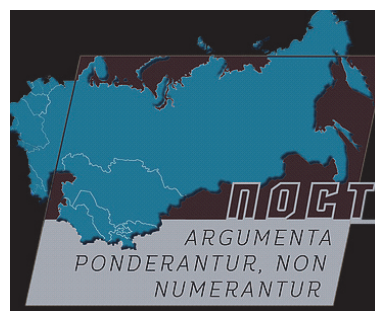
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Структура базы данных:

- Базовые документы СНГ (доступны полнотекстовые версии)
- Базовые документы ОДКБ (доступны полнотекстовые версии)
- Базовые документы ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП и ЕАЭС (доступны полнотекстовые версии)
- Вузы — участники СУ СНГ
- Доктринальные документы стран СНГ (доступны полнотекстовые версии)
- Участие стран СНГ в международных организациях и форумах
- Голосование стран СНГ на ГА ООН
- Выступления представителей стран СНГ на общих дебатах ГА ООН
- Сеть дипломатических представительств стран СНГ за рубежом
- Двустороннее сотрудничество стран СНГ и сопредельных государств
- Торгово-экономические связи стран СНГ

С января 2018 г. издается электронный научный журнал «Постсоветские исследования». В фокусе публикуемых исследований — анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования полицентричной системы международных отношений.

Главный редактор — д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, К.П. Курылев.

С 2014 г. издается рецензируемый научный журнал «Проблемы постсоветского пространства», посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Главный редактор — д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН С.С. Жильцов.

Научный журнал

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Специальность «Зарубежное регионоведение» в соответствии с образовательными стандартами нового поколения предполагает подготовку специалистов по конкретному региону, отдельной стране или группе стран. В настоящее время кафедра теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН осуществляет подготовку бакалавров и магистров-регионоведов по профилям «Ближний Восток», «Китай», а также «Россия и сопредельные регионы».

Студенты, обучающиеся по направлению «Зарубежное регионоведение», в обязательном порядке изучают два языка, один из которых — язык региона специализации. Среди обязательных дисциплин данного направления подготовки — география и история, экономика и финансы, политика и право, культура и религия, внешняя политика и международные отношения изучаемого региона. Среди преподавателей — ведущие эксперты из РУДН, МГИМО (У) и Дипломатической академии МИД России, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Института Дальнего Востока РАН, специалисты-практики из МИД России и Россотрудничества.

В результате освоения программы студенты приобретают умения и навыки в области зарубежного регионоведения. Выпускники-регионоведы способны применять современные теоретические и практические знания при реализации самых разных задач, связанных с обеспечением потребностей рынка труда.

Будущая деятельность выпускника магистратуры направления «Зарубежное регионоведение» широка и многообразна. Это работа в органах государственной власти на федеральном и региональном уровнях; международных правительственных организациях; международных неправительственных, коммерческих, некоммерческих и общественных организациях; в торговых представительствах России за рубежом; аналитических подразделениях бизнес-структур; академическом сообществе; государственных и негосударственных аналитических центрах, занимающихся международной проблематикой; средствах массовой информации в России и за рубежом; высших учебных заведениях профессионального образования.

Координаторы магистерских программ:

- ◆ Профиль «Россия и сопредельные регионы» — доктор исторических наук, профессор Курьлев Константин Петрович (kurylev_kp@rudn.university)
- ◆ Профиль «Ближний Восток», профиль «Китай» — кандидат исторических наук, старший преподаватель Чикризова Ольга Сергеевна (chikrizova_os@rudn.university)

Наши координаты:

Кафедра теории и истории международных отношений РУДН

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

Тел. +7 499 936-85-26

E-mail: ir@rudn.university

Приемная комиссия РУДН

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Многоканальный тел.: +7 495 787-38-27

E-mail: priem@rudn.ru